МИХ. ОСОРГИНЪ

ПО ПОВОДУ БѢЛОЙ КОРОБОЧКИ

YMCA — PRESS
ПАРИЖЪ

ПО ПОВОДУ БѢЛОЙ КОРОБОЧКИ

МИХ. ОСОРГИНЪ

ПО ПОВОДУ БѢЛОЙ КОРОБОЧКИ

(РАЗСКАЗЫ)

YMCA - PRESS
ПАРИЖЪ

ПО ПОВОДУ БѢЛОЙ КОРОБОЧКИ

(Какъ бы предисловіе)

Одно время меня стала упорно преслѣдовать бѣлая коробочка отъ какого - то лѣкарства, коробочка бѣлаго некрашенаго дерева съ отлично пригнанной выдвижной заслонкой. Было достаточно сѣсть за столъ съ добрыми намѣреніями (я перомъ спасаю человѣчество), какъ сейчасъ же мысль отвлекала коробочка, не нашедшая ни мѣста, ни примѣненія. Выбросить такую коробочку свыше моихъ силъ. Тутъ и любовь къ деревяннымъ предметамъ, особенно некрашенымъ, и сознаніе того, что коробочка есть продуктъ труда, и вообще жадность человѣка къ вещамъ, во мнѣ развитая до болѣзненности, такъ что я утопаю въ бумажкахъ, мундштукахъ, ножичкахъ, пепельницахъ, скрѣпкахъ для бумаги, острыхъ и тупыхъ карандашахъ, зажигалкахъ, футлярахъ, гребешкахъ, штемпеляхъ, зубочисткахъ, стаканчикахъ, календаряхъ, однихъ разрѣзательныхъ ножей шесть или семь штукъ, пять резинокъ, хотя ничего не стираю, губка для марокъ, всегда сухая, очки для

дали, для близи, для чтенья, для разговора, лупа большая и три маленькихъ, оставшаяся отъ фонарика лампочка, пипетка для бензина, складной метръ, бѣлый клей, точилки, ключики, отъ чего то отпавшіе и еще не приклеенные кусочки, ножницы газетныя, да ножницы малыя прямыя, да кривыя для ногтей и на случай заусеницы, да цвѣтной дѣтскій кубарикъ съ цифрами, три пинцета, и ужъ не говорю про чернильницы, про коробочки съ неизвѣстными мелочами, про книги, про папки, про газеты, — и все это только на столѣ, а если начать выдвигать ящики стола, и тотъ, гдѣ бумаги, и тотъ, гдѣ курительное, и тотъ, гдѣ столярные инструменты, и гдѣ фотографіи, и гдѣ вообще то, что больше никуда не засунешь, или если обвести глазами книжныя полки и регистраторы, висящія защипочки съ приглашеніями и воззваніями, да портреты, да кружка пивная нѣмецкая, да кинжалъ арабскій, да тотъ самый пистолетъ, изъ котораго Пушкинъ убилъ Лермонтова, да деревянная ложка, которою Суворовъ хлебалъ солдатскія щи, да шахматы, да портфели и портфельчики, если, говорю я, все это обвести дѣловымъ взглядомъ задавленнаго и затравленнаго вещами человѣка, — то захочется изъ этой комнаты убѣжать въ другую, гдѣ придется дѣлать новую опись, начавъ съ подсвѣчника въ стилѣ Людовика двадцать восьмого и кончивъ глинянымъ этрускимъ сосудомъ для испаренія воды, который подвѣшивается къ паровому отопителю и покупается въ хозяйственныхъ лавкахъ.

Все это утрясается и находитъ свое мѣсто, такъ что иногда, не видя передъ собою испорченнаго и

давно уже, лишь за выслугу лѣтъ сохраняющагося стило, испытываешь безпокойство и, оставивъ работу, принимаешься за поиски, куда оно къ чорту затерялось, и тутъ кстати, на тарелочкѣ съ мелочами, находишь бритвенный ножичекъ, щетины не рѣжущій, но еще способный на много полезныхъ дѣлъ, не знаю какихъ именно, но чувствую, какъ это чувствовали изобрѣтатели примѣненія къ дѣлу предметовъ, утратившихъ силу первоначальнаго назначенія, но вполнѣ сохранившихъ первоначальный обликъ, совершенно такъ же, какъ и бѣлая коробочка, грустно и обиженно слоняющаяся по столу, запинаясь за уже прижившіеся и увѣренно стоящіе на своихъ мѣстахъ многочисленные предметы моего вещевого хозяйства. Найдя, наконецъ, стило (уходившее навѣстить свою тетку, щеточку отъ пишущей машины), водворяю его на обычное мѣсто въ высокомъ, ассиро-вавилонской работы металлическомъ стаканѣ съ помѣткой «1926», и вижу, съ какимъ презрѣніемъ смотритъ на него стило новое, носящее имя «товарищъ Ватерманъ». И тутъ же жмется и тѣснится вмѣстѣ съ другими орудіями писательскаго производства перо гусиное, сѣрое и потрепанное, оставленное не за красоту, а за то, что гусю, мнѣ его подарившему, было отроду восемьдесять лѣтъ, я же раньше и не подозрѣвалъ, что гуси такъ долговѣчны. Иначе говоря, изъ хвоста того же гуся могъ въ Парижѣ дергать перья, напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, который въ ранніе годы своего писательскаго труда писалъ, несомнѣнно, перьями гусиными, и этотъ гусь могъ знать Ивана Сергѣевича еще не старымъ человѣкомъ, самъ будучи уже

достаточно взрослымъ и женатымъ на стадѣ женъ, даже дѣдушкой. Попробуйте-ка рѣшиться выбросить такое историческое перо, которымъ, можетъ быть, написаны на рю де Риволи «Записки охотника»!

И вотъ, поставивъ передъ собою, чтобы записать для потомства эти свои встрѣчи съ Тургеневымъ, машину съ русскими буквами, которую я зову ласково Машей, въ отличіе отъ Пупси, машинки съ латинскимъ шрифтомъ, ревнивой и замкнутой, живущей у меня на положеніи терпимой иностранки (налоги полностью, права съ ущербомъ), — я замѣчаю, что забылъ слѣпить съ бездушной оболочки чрезвычайно милыхъ заграничныхъ писемъ почтовыя марки съ изображеніемъ отрѣзанныхъ королевскихъ головъ, невинныхъ дѣвушекъ, львовъ, рыбъ, голубя въ шестиконечной звѣздѣ, скалъ и готическихъ зданій. Старый законопослушный интеллигентъ, я считаю собираніе марокъ воздѣйствіемъ наслѣдственной психопатіи, и счелъ бы личнымъ оскорбленіемъ, если бы меня заподозрили въ филателизмѣ; и я охотно опоражниваю коробку съ собранными сокровищами въ карманъ перваго зашедшаго ко мнѣ человѣка съ признаками атавизма и остановившимся взоромъ. Но бросать въ корзину конверты вмѣстѣ съ головами королей, великихъ ученыхъ и красноармейцевъ — мнѣ не по силамъ. Марка — вещь, и у каждой вещи есть своя душа, неугасимая штемпелемъ. Возможно также, что мы не миримся съ фактомъ мгновенной утраты нѣкоторыми вещами ихъ цѣнности безъ ихъ физическаго уничтоженія; символъ не зачеркивается такъ легко. Если, напримѣръ, на тысячефранковый билетъ на-

длежащей властью будетъ поставленъ штемпель «ничтоженъ», — вы все-таки его не выбросите, а будете носить въ бумажникѣ, при томъ такъ, чтобы былъ виденъ кончикъ, когда въ магазинѣ «юни-при» платите франкъ за шнурки для башмаковъ. Никогда у меня не поднималась рука выбросить металлическую коробку отъ табаку какого-то Скаферлати-Визиръ (не очень вѣрю въ его существованіе!); коробки накапливаются десятками, сотнями, колоннами, тоннами, загромождаютъ квартиру, пока не находится благодѣтель, радостно ахающій и уносящій ихъ въ три пріема, при чемъ я убѣжденъ, что и онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать. Не любопытно ли, напримѣръ, что нѣкоторые съ удовольствіемъ освобождаются отъ ненужной имъ газовой плиты, потому что перешли на электрическую, даже жертвуютъ въ библіотеку прочитанные номера «Современныхъ Записокъ», вмѣстѣ съ началами, концами и продолженіями началъ и окончаній, т. е. разстаются съ длительными цѣнностями, но никогда въ своей жизни не рѣшились бросить въ сорный ящикъ одно «маленькое су», никчемно валяющееся на столѣ, на которое уже нельзя купить даже металлическаго колесика отъ ножки подержаннаго депутатскаго кресла? И я хотѣлъ бы видѣть человѣка, носящаго на носу семь близорукихъ діоптрій, который не сохранялъ бы неизвѣстно для чего стекла очковъ своей молодости, хотя сквозь эти стекла онъ уже не способенъ прочитать даже заголовокъ о похищеніи новаго генерала; развѣ что у него есть дѣти, подающія надежду на такую же близорукость. И я долженъ сознаться, что пришелъ въ восхищеніе,

когда одинъ вполнѣ родственный мнѣ по духу человѣкъ аккуратненько срѣзалъ острымъ ножикомъ остатки щетины на истертой зубной щеткѣ, а костяную ея рукоятку спряталъ, потому что мало-ли на что она можетъ понадобиться, напримѣръ — размѣшивать какую-нибудь такую смѣсь, или же можно изъ нея выточить потерянныя фигурки карманныхъ шахматъ, для чего достаточно пріобрѣсти токарный станокъ и хорошенько подучиться на немъ работать. Онъ же срѣзаетъ съ изношенныхъ помочей металлическія части, и накопилъ бы ихъ очень много, если бы не случайныя утраты имущества, связанныя съ революціонными событіями. Послѣ этого можно-ли удивляться, что мнѣ не даетъ покоя бѣлая деревянная коробочка отъ патентованнаго лѣкарства, потерянно гуляющая по моему столу: и она найдетъ свое мѣсто!

Поставимъ вопросъ шире и научнѣе. Есть несомнѣнная духовная связь между гоголевскимъ Плюшкинымъ и Иваномъ Калитой, какъ между послѣднимъ и Владиміромъ Ленинымъ, изрекшимъ, что «въ большомъ хозяйствѣ всякая дрянь пригодится». Это — мудрость людей кондовыхъ, людей отъ земли, понимающихъ, что такое компостная куча, какъ она составляется и какія выгоды сулитъ хозяйственному мужичку. Плюшкинъ напрасно Гоголемъ изображенъ въ такомъ неприглядномъ видѣ. Имѣя достаточно основаній не любить людей (даже родная дочь его обидѣла), неистраченную любовь онъ перенесъ на вещи. Въ молодые годы онъ былъ прекраснымъ хозяиномъ и семьяниномъ. «Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица

его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ: опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать». Онъ былъ по природѣ скопидомомъ, и въ это слово слѣдуетъ вдуматься: оно по корню своему имѣетъ смыслъ положительный. И Плюшкинъ былъ виноватъ лишь въ томъ, что пришла старость и пришло одиночество, и онъ пересталъ отряхивать пыль съ накопленныхъ вещей и вещичекъ, и уже не берегъ вещей, а губилъ ихъ, — заплѣсневѣлъ сухарь, засохъ лимонъ, высохли чернила — какъ въ чахоткѣ, пожелтѣла зубочистка и въ рюмку попали три мухи. А пройдись Плюшкинъ по вещамъ пылесосомъ, — и заблестѣли бы онѣ спокойной красотой и уютомъ домовитости. Не цѣнилъ Плюшкинъ только человѣческихъ мертвыхъ душъ, почему и продалъ ихъ Чичикову по столь невѣроятно низкой цѣнѣ: по 32 копейки ассигнаціями за штуку.

Какъ плѣсенью сухарь, покрываются патиной времени милыя вещи, и у каждой изъ нихъ есть своя біографія. Бываютъ фамильныя серебряныя ложки, съѣденныя съ лѣваго боку. Въ сколькихъ ртахъ онѣ побывали, сколькихъ зубовъ коснулись, сколько разъ наблюдали, какъ мягкій пухъ надъ верхней губой смѣнялся русымъ волосомъ и колючей сѣдой щетиной. Бываютъ печати и печатки, на своемъ вѣку замкнувшія тысячу тайнъ, словъ дѣловыхъ, любовныхъ, дерзкихъ, презрительныхъ, просительныхъ, холодныхъ, пылкихъ, сдержанныхъ, свидѣтели житейскихъ трагедій и водевилей. Потемнѣвшимъ серебромъ отдѣлана ручка костяного ножа, спутника многихъ думъ и эстетическихъ радостей, участника

безмолвныхъ бесѣдъ, товарища въ мучительной безсонницѣ. Я знаю мѣдное проволочное колечко съ грошевымъ коралломъ, одно изъ двухъ купленныхъ на базарномъ лоткѣ въ чужомъ приморскомъ городѣ; шумѣла пестрая толпа, пахло цвѣтами и пригорѣлымъ оливковымъ масломъ, шатались люди, ошалѣлые отъ жары и праздничнаго восторга, лошадиныя морды были украшены перьями и бумажными цвѣтами, въ процессіяхъ колебались раскрашенныя мадонны, къ приходу сумерокъ были заготовлены бумажные фонари на протянутыхъ черезъ улицу проволокахъ — и два одинаковыхъ кольца были куплены съ шутливымъ смѣхомъ и великимъ смущеньемъ. Сколько есть на свѣтѣ превосходныхъ тайнъ!

И вотъ, наконецъ, послѣдній разсказъ о карманныхъ часахъ, дешевыхъ, но очень хорошихъ, подаренныхъ мальчику, который ими гордился, пока, подросши и ставъ студентомъ, не увидалъ у богатаго товарища золотой хронометръ. Тогда онъ измѣнилъ своимъ дѣтскимъ часамъ для другихъ, и много разъ въ теченіе своей долгой жизни повторялъ измѣну. Но съ нимъ, по путямъ жизни и любви, городамъ и весямъ невольныхъ странствій, путешествовали и эти старые часы въ обшарпанномъ футлярѣ, забытые среди другихъ вещей и вещицъ, которыми обрастаетъ человѣкъ. Случайно встрѣчаясь съ ними во время рѣдкихъ походовъ въ прошлое, онъ считалъ ихъ сломанными, но не рѣшался выбросить, потому что... какъ-же, все таки, бросить вещь, связанную съ какими-то смутными воспоминаніями? И долженъ былъ прійти такой день — и онъ пришелъ —

когда ко внѣшне ничтожному вернулась внутренняя цѣнность, понимаете: вмѣстѣ съ листками пожелтѣвшей отъ времени бумаги, съ выцвѣтшими снимками милыхъ и смѣшныхъ лицъ, ну тамъ еще съ чѣмъ-нибудь, что способно вернуть обратно ленту жизни. И тогда, нажавъ пуговку футляра, онъ вынулъ эту уморительную и пугливую вещицу, часы состарившагося мальчика, и пальцами большимъ и указательнымъ попробовалъ завести пружину, безъ надежды, но съ трогательной осторожностью. И его часы, забывъ обиду и зачеркнувъ протекшее такъ незамѣтно для нихъ время, погнали стрѣлку впередъ съ того самаго мѣста, гдѣ ее когда-то остановила раскрутившаяся и уснувшая пружина. Учтите: какихъ полвѣка были списаны со счета, какихъ страшныхъ полвѣка, — какъ одна незначущая минута, какъ легонькое забытье, послѣобѣденный сонъ, мелькнувшій верстовой столбъ, пролетѣвшая птица! Онъ плотно приложилъ часы къ уху, потому-что уже плохо слышалъ, и стекло коснулось сѣдины висковъ, какъ раньше касалось волосъ шелковистыхъ, и когда довольный, сталъ переводить стрѣлку, въ кругломъ стеклѣ вынырнуло и забѣгало отраженіе верхней лампочки веселымъ и молодымъ огонькомъ. И больше ничего, если не довольно этой сцены, подсмотрѣнной въ щелку костлявой и злорадной женщиной, которая хотѣла удостовѣриться, дома ли хозяинъ, къ которому она послана сообщить, что его срокъ истекъ.

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ

Человѣкъ, которому предстояло увидѣть свѣтъ, чувствовалъ себя безпомощнымъ. Двое осторожно ввели его въ комнату и уложили въ постель. Онъ привыкъ въ минуты волненія ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ ровными считанными шагами, такъ что слѣдъ попадалъ въ прежній слѣдъ; теперь ему этого не позволили.

На его глазахъ была повязка, въ комнатѣ были закрыты ставнями и завѣшены окна и потушенъ свѣтъ. Но если бы ему позволили ходить, пока не уляжется легкая боль послѣ операціи, онъ могъ быстро нащупать стѣны, кровать, столикъ, умывальникъ, — и затѣмъ чувствовать себя, какъ дома. Свѣта и темноты для него не существовало: онъ былъ слѣпъ отъ рожденія.

Боли, собственно, даже не было, а было совсѣмъ особое ощущеніе: онъ былъ опаленъ, а привычная чистота и четкость его впечатлѣній спутаны. Онъ получилъ извнѣ небывалый ударъ, заставившій его сильно дернуться и вскрикнуть. Секунду спустя,

была наложена повязка, но осталось ощущенiе, какъ будто онъ проглотилъ шаръ, который теперь перекатывался въ тѣлѣ. Профессоръ, тоже нѣсколько взволнованный, сказалъ:

— Ничего, ничего, все хорошо! Вы будете видѣть, только потерпите. Будемъ прiучаться понемногу.

Въ сосѣдней комнатѣ разговаривали вполголоса, но слѣпой, лежа на спинѣ, слышалъ всѣ слова съ полной отчетливостью, и какъ профессоръ сказалъ: «зрачокъ реагируетъ», и какъ на слова «это чудо!» онъ отвѣтилъ: «чудеса могутъ дѣлать Богъ и шарлатаны, а это — наука, голубчикъ мой». Послѣ этого, «голубчикъ» вышелъ, а профессоръ топтался у окна и долго вытиралъ руки полотенцемъ, палецъ за пальцемъ. Слѣпой слышалъ малѣйшiй шорохъ и легко опредѣлялъ каждое движенiе профессора. Вотъ онъ сѣлъ на стулъ тутъ же у окна, вотъ послѣ долгаго вздоха совсѣмъ особеннымъ тономъ произнесъ «д-да-а», а вотъ постучалъ папиросой о крышку портсигара.

Одновременно слѣпой прислушивался и къ молоточку, стучавшему въ груди и отдававшемуся въ головѣ. Шаръ, проникшiй въ его тѣло, разбился на малые шарики, затѣмъ эти стали дробиться на мельчайшiе. Онъ зналъ, что это — первое дѣйствiе свѣта, хотя что такое свѣтъ, онъ не зналъ. Больше всего его страшило повторенiе толчка, и онъ былъ радъ хирургической повязкѣ. Если это и значитъ «видѣть», то видѣть мучительно.

Что такое — видѣть? Нѣкая чудесная способность угадывать близость предметовъ, которыхъ

нельзя коснуться руками, и которые не слышны. Зрячій говоритъ : «вонъ тамъ виденъ большой домъ» или «вотъ идетъ такой-то». Большой домъ, это — долгій подъемъ по ступенямъ и поворотамъ, а подъ рукой убѣгаютъ и надвигаются перила; чѣмъ дольше и утомительнѣе подъемъ, — тѣмъ больше домъ. Какъ можно считать эти ступени издали, не подымаясь по нимъ и ихъ не ощупывая, даже не входя въ домъ? Или какъ можно знать, кто идетъ, еще не слыша ни шаговъ, ни голоса? Вотъ это и есть чудо, гораздо большее, чѣмъ телефонъ. Объясняютъ : пройдя черезъ хрусталикъ, свѣтъ принимается и отражается сѣтчаткой... и такъ далѣе. Кромѣ того, зрячій можетъ видѣть самого себя въ зеркалѣ; зеркало — холодная и гладкая поверхность, стекло; быть одновременно внѣ его и въ немъ — чудо раздвоенія. Прикосновеніе къ стеклу не даетъ никакихъ особыхъ ощущеній, — холодно и твердо. Міръ видящихъ волшебенъ и неправдоподобенъ.

Чудо видѣнія толкуется множествомъ словъ, и каждое изъ нихъ и просто, и непонятно; они должны приниматься на вѣру. И, однако, — зрячій выбѣгаетъ на улицу безъ палки и бросается въ толпу, не натыкаясь на людей, не окликая, пересѣкая улицу наперерѣзъ автомобилямъ, зная, гдѣ обойти препятствіе и что встрѣтится дальше, — хотя онъ здѣсь въ первый разъ. Видѣть — изумительное знаніе неизвѣстнаго. Менѣе удивительна способность читать на газетномъ листѣ и въ книгѣ буквы, которыхъ почти невозможно прощупать; ихъ щупаютъ издали глазами, — и буквы неслышно говорятъ и слагаются въ слова.

Эти мысли не были новы для человѣка, которому предстояло увидѣть свѣтъ. Но въ послѣднее время, въ связи съ надеждами профессора, его вѣрой въ чудо и удивленными толками родныхъ, онъ особенно много думалъ о своемъ будущемъ и старался догадаться, какъ измѣнится все, когда его глаза прозрѣютъ.

Міръ никогда не былъ для него пустымъ и темнымъ. Онъ съ полной ясностью, но по своему, «видѣлъ». Его міръ состоялъ изъ звуковъ, запаховъ и намековъ на очертанія. Съ дѣтства онъ привыкъ къ тому, что предметы имѣютъ опредѣленный цвѣтъ; почти безошибочно онъ отличалъ бѣлую матерію отъ черной на ощупь: бѣлая холоднѣе. Выйдя въ садъ, онъ могъ знать, что небо сегодня голубое, — по особой ласковости и струящейся теплотѣ воздуха, по болѣе веселому звуку голосовъ, быстро тающему. Солнце онъ зналъ и любилъ, ловилъ его лицомъ, перекатывалъ по кожѣ. Воздухъ при солнцѣ настаивался и густѣлъ. Зелень травы и для него имѣла множество оттѣнковъ: отъ мягчайшаго до жесткаго и колючаго. Зналъ и ростъ травы, наблюдая его ощупью: сегодня больше, чѣмъ вчера; а вотъ это — увяданіе. Дерево — твердый и шершавый цилиндръ, не кончающійся на высотѣ поднятой руки. Выше на деревѣ должны быть расположены вѣтки, на вѣткахъ листья, и листья шумятъ, когда ихъ колеблетъ вѣтромъ. И листья, и вѣтеръ были для него почти одинаково предметны, но вѣтеръ, который дотрагивался до тѣла, самъ былъ не уловимъ, — и въ этомъ было его отличіе отъ другихъ предметовъ. Что надъ деревьями? Говорятъ, — воздухъ,

то, что ощущается, если въ пустомъ пространствѣ проводить рукой; и то, что вдыхается. Всѣ эти особыя качества предметовъ образовывали въ его представленіи гораздо болѣе сложную цѣпь понятій, чѣмъ у зрячаго. Зрячій не видитъ воздуха, но видитъ небо, котораго нѣтъ; слѣпому это понятно, потому что для него нѣтъ вещи, если ея нельзя коснуться, — а, между тѣмъ, эта вещь есть или будетъ.

Онъ хорошо зналъ и любилъ цвѣты. Розой онъ называлъ запахъ розы, сиренью — духъ сирени, фіалкой — ея ароматъ. Ощупываніе цвѣтка мало прибавляло къ такому знанію и ничего не объясняло. Онъ оцѣнивалъ цвѣты по своему: гвоздика казалась ему ужасной, потому что одуряла ароматомъ; ужасна была и лилія; выше всего онъ цѣнилъ за тонкость аромата тѣ цвѣты, про которые говорили, что они не пахнутъ. Подойдя къ букету, не трогая его руками, онъ его «видѣлъ», потому что отчетливо зналъ, изъ какихъ цвѣтовъ онъ составленъ. Но и сидя за обѣденнымъ столомъ, онъ точно зналъ, какія передъ нимъ блюда: его обоняніе было развито такъ же исключительно, какъ и его слухъ, какъ и его осязаніе. Не отвлекаемый тѣмъ, что зовется зрѣніемъ, онъ былъ всегда во власти множества тончайшихъ ощущеній, другимъ не доступныхъ. Ничтожный и скучный для другихъ хлѣбный шарикъ онъ чувствовалъ въ круглой завершенной чертѣ, въ мягкости и способности сплющиться, стать кружкомъ, распасться, или же въ его пряности, кислотѣ, хлѣбномъ духѣ, въ малой слышности его паденія на полъ, въ томъ, что онъ одновременно былъ и не былъ, —

стоитъ только отнять или приблизить руку.

Родные удивлялись, какъ онъ можетъ сразу опредѣлять, что это — его чашка — изъ цѣлаго сервиза. Но на ручкѣ была непримѣтная зрячимъ неровность, выдавшаяся крупинка фарфора, а край донышка былъ шероховатъ знакомо и по особому. Впрочемъ, онъ отличалъ ее отъ другихъ и проще, — слегка ударивъ пальцемъ по краю, на что она откликалась своимъ звучаніемъ. Въ маленькой библіотекѣ сестры онъ зналъ и могъ найти любую книгу, потому что раньше, перебирая ихъ, спрашивалъ названія, и нѣкоторыя книги ему читали вслухъ. Одинъ только разъ ощупавъ предметъ, онъ послѣ угадывалъ его простымъ легкимъ прикосновеніемъ, едва проведя пальцемъ по краю. И самый предметъ онъ сберегалъ въ своемъ представленіи въ видѣ легкаго штриха, опредѣляющей черточки; онъ по нимъ скользилъ памятью, какъ зрячіе скользятъ глазами, — и этого было достаточно. Черточки, запахи, звуки заполняли его міръ и располагались знакомыми картинами на экранѣ памяти: комнаты, люди, садъ; труднѣе — улица, то есть рядъ шумовъ и препятствій, плоскость, заставленная рѣдкими подъемами по крутящимся ступенямъ.

Значитъ — и онъ видѣлъ; но онъ могъ видѣть только знакомое и не видѣлъ ничего, не оставившаго слѣда въ его изумительной памяти; остальное онъ воображалъ. Такъ, уличная толпа представлялась ему послѣдовательной и путаной записью локтей, одеждъ, неизслѣдованныхъ лицъ, дыханій и словъ. Все это располагалось рядомъ, сцѣпившимися черточками и въ плоскости обычнаго экрана, потому

что перспектива была ему недоступна. Онъ зналъ, но никогда не могъ понять выраженія: «человѣкъ вдали кажется маленькимъ». Стараясь понять, онъ представлялъ себѣ кусокъ мяса, который онъ ѣстъ: кусокъ дѣлается все меньше. Такъ отдаленіе, то есть отрывъ отъ прямыхъ ощущеній, постепенно поглощаетъ и человѣка. Впрочемъ, то же бываетъ со звукомъ и съ запахомъ, и это понятно; только осязаніе не имѣетъ степеней приближенія: то, чего нельзя еще разъ коснуться, уходитъ изъ области очертаній въ другія области, лишь оставляя слѣдъ въ памяти. Человѣкъ, ставшій маленькимъ въ отдаленіи, какъ бы растягивается и утончается, но все еще прикрѣпленъ къ глазу зрячаго; понять это иначе — невозможно.

Основнымъ міромъ его бытія былъ міръ звуковъ — самый полный, ясный, прекрасный и мучительный.

Предметъ могъ ударить, пища обжечь и вызвать отвращеніе. Звукъ также могъ оскорбить рѣзкостью, но онъ же давалъ полноту жизненныхъ впечатлѣній. Звуками его сутки дѣлились, какъ у зрячихъ, на день и ночь. Въ звукахъ онъ воспринималъ окружающее, не протягивая къ нему руки и оставаясь неподвижнымъ. Звуки отличали добро отъ зла, — и его нравственныя представленія сливались съ музыкальными. И звуки же, ихъ безконечныя по разнообразію сочетанія, уравнивали его со всѣми зрячими, чего не дѣлала даже, такъ называемая, полная темнота.

Въ этой полной темнотѣ на его сторонѣ были всѣ преимущества передъ зрячими; ничего не видя,

они дѣлались безпомощными и беззащитными, тогда какъ для него ничто не мѣнялось: онъ «видѣлъ», какъ видѣлъ всегда и вездѣ, его движенія были въ привычной обстановкѣ увѣренны и свободны. Они лишались своего единственнаго преимущества, — онъ сохранялъ всѣ свои способности человѣка, необыкновенно изощрившаго слухъ и осязаніе. Они даже въ собственной квартирѣ натыкались на предметы и не могли найти выходной двери; онъ и въ малознакомомъ домѣ чувствовалъ препятствіе по особому упору воздуха при движеніи, иногда по едва уловимому, но все же отчетливому запаху лакированнаго дерева, бумаги, пыли. Но едва зажигался свѣтъ, — роли мѣнялись, и онъ становился, не всегда справедливо, существомъ низшимъ и достойнымъ сожалѣнія.

Иное было въ мірѣ звуковъ — его настоящемъ царствѣ. Здѣсь, равный зрячимъ, онъ безмѣрно возвышался надъ ними не на минуту и не случайно, а по праву и почти недосягаемо. Они слушали музыку, — онъ ее не только слышалъ, но и видѣлъ, какъ они видѣть не могли. Ухомъ тончайшимъ и развитымъ онъ ловилъ имъ не слышное и облекалъ звуки въ недосягаемые для нихъ образы. Въ аккордѣ онъ видѣлъ отдѣльно каждую ноту, и это не мѣшало ему также видѣть ихъ въ гармоніи. Каждый звукъ имѣлъ для него свои очертанія, — и здѣсь онъ не дробилъ очертаній на куски, на признаки, на черточки лишь стенографической записи: онъ бралъ ихъ въ цѣлости и позволялъ имъ сплетаться по волѣ, образуя причудливые рисунки. Одинъ звукъ рождался круглымъ, какъ горошина, и катился по

гладкой поверхности, другой имѣлъ форму монеты и падалъ плашмя, звеня и сразу замирая, третій хотѣлъ протянуться въ безконечность, но, остановленный предѣлами экрана, описывалъ дуги и окружности, пока не таялъ въ самомъ центрѣ, и еще иной выскакивалъ острой стрѣлкой и вонзался въ мягкое, въ немъ исчезая. Были звуки, которые вырывались толпой и топтались въ уголкѣ экрана, а затѣмъ плыли, оставаясь примѣтными, — и тогда онъ плылъ съ ними до самаго края, за которымъ ихъ терялъ съ болью и сожалѣніемъ. Но ему ничего не стоило спутать ихъ, легонько ударивъ пальцами по ручкѣ кресла, въ которомъ онъ сидѣлъ: на экранѣ появлялись пятнышки, и вокругъ нихъ начинался хороводъ испуганныхъ звуковъ.

Онъ отлично зналъ, какъ звуки родятся въ роялѣ; черточки теплой руки цѣплялись за углы холодныхъ пластинокъ чудодѣйственнаго свойства, которые внутри инструмента соединялись съ тугими струнами рѣзкимъ ударомъ молоточка. Всю эту работу онъ отчетливо слышалъ и воспринималъ. Особо дрожала каждая струна, особо гудѣлъ ящикъ рояля, отъ котораго расходились волны, щекоча и возбуждая ухо; онъ слышалъ также и отраженіе звуковъ предметами, находившимися въ комнатѣ: жесткимъ мячикомъ они отскакивали отъ стѣнъ, раскалывались объ уголъ стола, напрасно проваливались въ мягкую обивку дивана. Онъ очень страдалъ, когда эти ненужные предметы портили мелодію, — другіе ничего не замѣчали. Экранъ, на которомъ звуки отражались, дѣлился на лучшіе и худшіе участки, — какъ дѣлитъ поля добрый сельскій

хозяинъ. На худшихъ поляхъ проросталъ соръ недостаточно настроенной струны, нечистаго удара по клавишамъ, равнодушнаго оттѣнка или больной ноты, вызванной тѣмъ, что подъ ножку рояля попалъ конецъ ковра. Это было мучительно, и онъ старался не посѣщать заросшихъ бурьяномъ музыкальныхъ полей, обходить ихъ стороной, забывать о нихъ.

И было еще одно. Въ мірѣ другихъ воспріятій онъ не зналъ ничего, не запечатлѣннаго его памятью, раньше не бывшаго и незнакомаго. Только въ области звуковъ его міръ слѣпорожденнаго могъ наполняться неизвѣстнымъ и неизвѣданнымъ, совсѣмъ новыми сочетаніями, — и наполняться до краевъ, до сладкаго и мучительнаго изобилія, иногда до болѣзненнаго чувства пресыщенія. Передъ нимъ, никогда не знавшимъ семи цвѣтовъ радуги зрячихъ, выростала могучая, тысячецвѣтная радуга звуковъ, каскадъ неповторимыхъ ощущеній, — какъ неповторимы условія, въ которыхъ они сегодня рождались, а завтра въ тѣхъ же родиться уже не могутъ.

Слушая музыку, простой напѣвъ, или сложнѣйшую симфонію, онъ иногда, боясь пресыщенія, медленно повертывалъ голову, — и тогда вся необъяснимая словами картина такъ же медленно повертывалась въ противоположную сторону: и вотъ онъ уже видѣлъ движеніе. Обѣими ладонями онъ прикрывалъ уши, какъ это любятъ дѣлать дѣти, и по своей волѣ приближалъ или отдалялъ звуки, стараясь понять, что такое перспектива, которой никто не могъ ему объяснить. Затѣмъ онъ раздувалъ ноздри и нюхалъ, и порой ему казалось, что у каждаго

звука свой особый запахъ, тупой, пряный, домашній, летучій какъ дымъ, или неотвязный, или неистребимый. Въ иномъ сочетаніи звуковъ онъ улавливалъ то же ощущеніе, какое испытывалъ, выйдя въ садъ въ солнечный день; значитъ, это и есть «голубое небо», «зеленая трава», или «красное знамя». И еще иногда рождалась высота, — то, до чего не дотянешься руками и что видятъ видящіе; онъ теперь зналъ, что это — путь отъ простого осязанія въ безконечность, отъ памяти въ невѣдомое.

Когда музыка прекращалась, часто чьи-нибудь слова низвергали его съ этихъ высотъ въ обычный и внѣцвѣтный міръ силуэтовъ. Кто-нибудь говорилъ: «прелестно» или «мнѣ это меньше нравится», — и онъ холодѣлъ при мысли, что можно пытаться выразить словами только что пережитое. Откуда взять слова? Какими ихъ сочетаніями изобразить все, что накатило, пронеслось и отхлынуло? Онъ вставалъ блѣдный, и, забывъ дорогу, выставивъ впередъ обѣ руки, искалъ выхода. И выйдя, — ясно слышалъ, какъ тамъ шопотомъ говорятъ: «бѣдный, на него такъ сильно дѣйствуетъ музыка!» — Бѣдный? И это нищіе говорятъ про милліардера! Уйдя къ себѣ, онъ рыдалъ, потрясенный неизмѣримымъ величіемъ и богатствами своихъ владѣній.

Профессоръ навѣщалъ его ежедневно и взялъ съ него слово, что онъ будетъ лежать на спинѣ, приподымаясь и вставая какъ можно рѣже. И тогда можно будетъ скоро произвести первый опытъ.

— Будьте спокойны, повязки не трогайте и не волнуйте себя ожиданіями.

Онъ отвѣчалъ, что, конечно, не волноваться не можетъ. Ему обѣщаютъ переходъ въ другой міръ, не меньше; это — какъ бы вторичное рожденіе. Но ребенокъ, рождаясь на свѣтъ, не имѣетъ за плечами опыта жизни, уже сложившагося міра представленій, а человѣку тридцати лѣтъ это не такъ просто. И онъ прибавилъ:

— А, впрочемъ, профессоръ, почемъ мы знаемъ, можетъ быть, и у новорожденнаго былъ раньше свой особый міръ, взрослымъ непонятный.

— То есть какой же такой міръ?

— Ну, міръ небытія. Я вотъ тоже какъ бы пытаюсь явиться изъ міра небытія. Для меня-то онъ дорогъ и важенъ, а для васъ онъ просто не существуетъ.

Профессоръ сказалъ:

— Э, вы всѣ эти мысли, дорогой мой, оставьте. Мы обо всемъ этомъ поговоримъ этакъ черезъ годикъ или раньше. А сейчасъ не къ чему распускать нервы. Вы — человѣкъ интеллигентный, можете себя сдерживать.

Потомъ прибавилъ, взявъ руку:

— А ну, пощупаемъ пульсъ. Пульсъ хорошій. Будьте же молодцомъ. Мы съ вами готовимъ ученому міру сюрпризъ. И ужъ начавъ — доведемъ до конца.

Слѣпой отвѣтилъ, что отъ души желаетъ профессору успѣха.

— Еще бы вы да не желали!

— Да нѣтъ, я не увѣренъ, что для меня это будетъ хорошо.

Профессоръ разсердился:

— Уши бы мои васъ не слушали! Какой вы сейчасъ человѣкъ? А будете человѣкомъ.

Перевязки дѣлались въ темнотѣ; только за спиной ставилась затѣненная свѣчка. Удара, какъ при операціи, паціентъ не чувствовалъ, но одной секунды, пока перевязка мѣнялась, было достаточно, чтобы къ его сердцу подкатывалъ опять тотъ же словно бы шаръ, который потомъ дробился на малые и мельчайшіе. Его это пугало, — профессора радовало.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ визитовъ профессоръ сказалъ:

— Вы запомните — это вамъ зрячій говоритъ — что въ мірѣ много прекраснаго, ради чего стоитъ потерпѣть, и что видѣть — большое счастье. Природа прекрасна, и краски чудесны, и тамъ всякія зданія, и особенно люди. Увидите, что такое красивая женщина, — вамъ этого мало?

— Самой красивой женщиной мнѣ кажется моя сестра.

Профессоръ промычалъ неопредѣленно. Сестра слѣпого была дурна собой, — но не говорить же объ этомъ! Онъ отшутился:

— Теперь вы и самъ будете красавцемъ. Первое время въ очкахъ, а потомъ ихъ бросите.

Этотъ разговоръ вызвалъ въ слѣпомъ рядъ неотвязныхъ и томительныхъ мыслей. По мычанію профессора, онъ понялъ, что его сестра не считается красивой. Сестра, которая его воспитала и всю жизнь о немъ заботилась съ неизмѣнной добротой! Если она не красавица, — что же называется красотой? Сочетаніе какихъ-то непонятныхъ красокъ и

линій? Но вѣдь самое слово «сестра» — красота!

И было еще — уже совсѣмъ личное, смѣшное и стыдное, о чемъ онъ долго не рѣшался спросить. Вотъ теперь у него будутъ глаза, настоящіе, открытые и видящіе. У этихъ глазъ будетъ свой цвѣтъ, какъ у всѣхъ человѣческихъ глазъ. Какой же цвѣтъ?

Онъ преодолѣлъ стыдъ и спросилъ профессора, который весело засмѣялся:

— Ага! Интересно? У васъ глаза, мой дорогой, каріе и даже темно-каріе. Да неужели же вы этого до сихъ поръ не знали? И это — очень, по моему, красивый цвѣтъ, дай Богъ каждому. И женщинамъ нравится.

Теперь онъ лежалъ и думалъ о томъ, что значитъ — каріе глаза? Изъ многихъ цвѣтовъ этотъ былъ самымъ непонятнымъ и неощутимымъ. Голубое — зеленое — красное соединялось съ различными представленіями въ другихъ областяхъ, ему доступныхъ. Самый звукъ этихъ словъ о чемъ-то намекалъ: голубое — любовь, зеленое — звучаніе крыльевъ мухи и шуршаніе травы, красное — кровь, боль, вообще рѣзкое. Карій ничего не значитъ, хотя часто говорятъ и о карихъ глазахъ. Но до сихъ поръ о цвѣтѣ его глазъ никто никогда ему не говорилъ, — да и былъ ли у нихъ цвѣтъ?

Когда его навѣстила сестра, онъ ее спросилъ:

— Ты знала, что у меня каріе глаза?

Она поспѣшно отвѣтила:

— Боже мой, это такъ хорошо!

— Ты этого не знала раньше?

Но она опять сказала:

— Я очень люблю этотъ цвѣтъ.

— А у тебя? Какіе у тебя глаза?

— У меня тоже каріе, но не темные.

Онъ обрадовался, и послѣ разговора съ сестрой, чувствовалъ себя счастливымъ и спокойнымъ, даже больше, — переполненнымъ предстоявшей радостью, которую только теперь сталъ ощущать ясно. Бодро встрѣтилъ и профессора:

— Ну, я теперь готовъ и нисколько не волнуюсь. Я кое что узналъ и понялъ.

Но что — не сказалъ. Профессоръ пообѣщалъ завтра снять повязку. Его и это не взволновало: пусть волшебное произойдетъ! Онъ уже привыкаетъ къ этой мысли. Пусть чудо будетъ — это весело! Карими глазами, глазами сестры, онъ увидитъ все то, что видятъ другіе. То, чего они не видятъ и что знаетъ онъ, — останется при немъ.

Въ послѣдній день онъ удивилъ профессора признаніемъ:

— Если что-нибудь я хотѣлъ бы видѣть, ужъ не знаю какъ, то это прежде всего часы. Часы бьютъ за окномъ, на башнѣ.

— Все увидите. Почему часы? Вы людей увидите.

— Людей я все таки знаю; вещи, конечно, интереснѣе. Но часы — это мнѣ представляется сказкой! Неужели это видно? Скажите, профессоръ, это высоко, когда ихъ слышно оттуда, на башнѣ?

Профессоръ и не понялъ, и не отвѣтилъ. Взрослый слѣпой человѣкъ можетъ быть наивнѣе зрячаго младенца. И почему именно часы?

Въ день опыта въ отведенной ему комнатѣ былъ, кромѣ профессора, тотъ, котораго онъ назвалъ тогда голубчикомъ, его ассистентъ. Входила и выходила сидѣлка, — ея шагъ былъ мягче и мельче. Затѣмъ позволили войти его сестрѣ, — онъ просилъ, чтобы она присутствовала при снятіи повязки, — его новомъ рожденіи. Разговаривая съ нею, онъ считалъ шаги другихъ вошедшихъ: всѣ были мужчины, и ихъ было шестеро. Онъ зналъ, что это — врачи и студенты, которымъ профессоръ показываетъ свой опытъ: только избраннымъ.

Сестра стояла рядомъ съ нимъ и держала его руку, когда профессоръ, вдругъ измѣнивъ свой обычный шутливый и привѣтливый тонъ на строгій лекторскій, заговорилъ:

— Ну-съ, мы можемъ приступить. Занавѣси откиньте, а ставень пріотворите, — вотъ такъ, достаточно. Дневной разсѣянный свѣтъ хоть и сильнѣе, но меньше дѣйствуетъ, чѣмъ выходящій изъ одной точки, изъ лампы и свѣчи.

Потомъ продолжалъ, какъ будто читая:

— Я уже говорилъ, что ни мы, ни нашъ паціентъ не можемъ ждать... какъ бы сказать... необыкновеннаго происшествія. Когда мы возвращаемъ зрѣніе утратившему его недавно, или хотя бы въ раннемъ дѣтствѣ, то его глаза легко и довольно свободно возвращаютъ себѣ уже знакомыя впечатлѣнія, очертанія и краски. У слѣпорожденнаго этотъ процессъ долженъ происходить иначе, какъ онъ происходитъ, напримѣръ, у родившагося ребенка: сѣтчатка глаза все отмѣтитъ и отразитъ, но въ сознаніе это передаться сразу не можетъ; къ этому глаза привыкаютъ

лишь постепенно. Такъ что какого-нибудь чуда внезапнаго открытія новаго міра линій и красокъ мы ожидать, конечно, не можемъ. Именно поэтому мы должны дѣйствовать осторожно и съ разумной постепенностью, переходя отъ темноты къ полумраку и затѣмъ къ свѣту.

Повернувшись къ окну, профессоръ сказалъ:

— Пожалуй, еще немного затѣните; вотъ такъ.

И продолжалъ:

— Такъ что, господа, чуда въ этомъ во всемъ нѣтъ, но зато есть большее: побѣда науки, побѣда нашей общей настойчивости и нашего, я бы сказалъ, трудолюбія. А теперь...

Профессоръ на минуту остановился, а его паціентъ сжалъ руку сестры. Ея рука дрожала, но онъ былъ спокоенъ и внимательно слушалъ профессора. Отъ всякаго волненія его отвлекла внезапная догадка, что, въ сущности, профессору и всѣмъ остальнымъ, кромѣ его сестры, совершенно безразлично, какой міръ онъ утратитъ и какой пріобрѣтетъ, а важно для нихъ только то, какъ частичка его организма, какая-то сѣтчатка, восприметъ и передастъ сознанію внѣшнее и случайное. Значитъ, — они его не видятъ, а онъ ихъ видитъ и понимаетъ: они одинаковы, какъ чашки сервиза, но его любимой чашки среди нихъ нѣтъ. Онъ еще крѣпче сжалъ руку сестры и подумалъ: «надо бы какъ-нибудь проще!»

— Теперь, — сказалъ профессоръ, — вотъ теперь мы... вотъ теперь я снимаю этотъ бинтъ, эту повязку... поверните голову слегка такъ... вотъ мы, наконецъ, можемъ ее совсѣмъ устранить... и вотъ...

КРУГИ

Молодой человѣкъ, здоровый и сильный, въ лѣтнемъ костюмѣ, сидѣлъ на берегу рѣки, у самой воды, и бросалъ камушки, отъ которыхъ по водѣ расходились круги. Половина шестого, а ея нѣтъ: что-то ее задержало, но, конечно, придетъ. Она написала, что должна сказать нѣчто очень важное. Онъ волновался, догадываясь объ этомъ важномъ; но волновался по-хорошему, заранѣе рѣшивъ, что онъ ей скажетъ. Брошенный камушекъ или булькалъ, или чмокалъ, смотря по тому, какъ его бросить. Вода была совершенно гладкой, такъ что каждый кустикъ того берега въ ней отражался. Круги бѣжали сначала крутыми, потомъ все болѣе пологими валиками, сначала спѣшно, потомъ спокойнѣе. По нимъ перекатывался, какъ лодочка или какъ лѣнивая утка, упавшій въ воду листъ. Вотъ полному кругу уже нѣтъ мѣста на узкомъ теченіи рѣки, его края уходятъ въ рощицу водорослей, слегка ихъ шевеля, а по обѣ стороны бѣгутъ почти параллельныя линіи, и въ нихъ запуталось отраженное облако.

Въ серединѣ уже гладь, но еще долго качается травинка и топчется на мѣстѣ поблескивающій зайчикъ.

Она разскажетъ, смущенно и боязливо, что произошло непоправимое, и что — какъ же теперь быть? А онъ отвѣтитъ, что онъ случившемуся радъ, а какъ быть — онъ отлично знаетъ. До сихъ поръ, живя настоящимъ, они не обмолвились о будущемъ, просто — не думали о немъ. А теперь они поженятся, вотъ и все. Кажущаяся сложность, чуть не катастрофа, превратится въ простое и естественнѣйшее событіе; конечно, полная перемѣна жизни, но иначе и быть не должно. И отъ сознанія того, что сейчасъ все рѣшится просто, и никакихъ слезъ не нужно, а, напротивъ, наступаетъ время новой, большой и серьезной радости, и что въ эту радость введетъ ее онъ, — отъ этого сознанія онъ чувствовалъ себя важнымъ, спокойнымъ, настоящимъ мужчиной, даже отцомъ. Она, конечно, догадывается, что такъ будетъ, но нужное слово скажетъ онъ, скажетъ ласково, просто и очень увѣренно. И уже много разъ онъ повторилъ про себя предстоявшую маленькую рѣчь. И потомъ они будутъ сидѣть рядомъ, молча, будутъ смотрѣть въ воду и вмѣстѣ думать, видѣть образы ихъ будущаго.

Они сошлись недавно, а знакомы уже года три. Картины первыхъ встрѣчъ ясны въ памяти. У нея была подруга, ихъ и познакомившая. Трагична судьба этой подруги! Она была веселой, красивой, любимицей родителей. Теперь, послѣ страшнаго случая, ея родители отъ горя сломились и состарились. Ей было двадцать лѣтъ, въ ея жизни не было

еще никакихъ заботъ, она училась, и все ей давалось легко, и легкой, открытой и привлекательной она была въ дружбѣ, какъ позже была бы и въ любви, когда пришло бы ея время. Въ своей жизни она испытала — если поняла — только одинъ мигъ ужаса, и онъ былъ ея послѣднимъ мигомъ жизни, когда ударъ свалилъ ее и подмялъ подъ колеса грузовой машины. Это нерасказуемо, какъ все чудовищное и безсмысленное. Вѣсть объ этомъ несчастьѣ мутила сознанье всѣхъ, знавшихъ ее и любившихъ, а не любить ея было нельзя; вѣсть объ этомъ тяжелой гирей рушилась на голову и бревномъ подкашивала ноги, такъ что люди вскрикивали и падали, не мирясь съ невозможнымъ, не вмѣщая въ свое сознаніе происшедшаго безумія. Даже тѣ, кто ея совсѣмъ не знали, и только прочитали въ газетѣ о гибели молодой дѣвушки, даже и они пережили минуту боли и жути, и подумали о томъ, что такъ все-таки нельзя, такъ слишкомъ несправедливо.

Былъ взрывъ горя и ужаса, какъ изверженіе вулкана, какъ бунтъ воды, взбудораженной паденіемъ камня. Отецъ и мать, люди бодрые и возраста средняго, отъ утра до вечера прожили тысячу лѣтъ, согнулись въ дряхлости, утратили ясность сознанія, перешагнули черту обычныхъ человѣческихъ ощущеній. Надъ свѣжепримятой землей, прикрытой остовами вѣнковъ, тряслись ихъ головы, и ихъ глазамъ не хватало утѣшающихъ слезъ. Уже не люди, а лишь оболочки людей, набитыя горемъ, которое пройти никогда не можетъ. Кругомъ еще много испуганныхъ, подстрѣленныхъ, задушенныхъ

тревогой, потерявшихъ вѣру въ справедливость: ея подруги, ея молодые поклонники, съ кѣмъ училась, смѣялась, бѣгала взапуски, играла въ серьезность, мечтала, готовилась въ дальній путь жизни, перекидывалась взглядомъ и словомъ. Все — молодое, внезапно окруженное трауромъ, разрушенное, разграбленное царство игрушекъ, лентъ, книжекъ, уроковъ, перваго кокетства, конфетъ, цвѣтовъ, взрывчатаго смѣха и забавной серьезности, сломанныя ступени лѣстницы, разорванный планъ постройки, забрызганная кровью первая глава задуманной и едва начатой повѣсти. Осколки разбитаго зеркала, надломленное крыло...

Первые дни были страшны. Плохо спала даже хозяйка мелочной лавочки, на углу улицы, гдѣ это случилось; она была изъ первыхъ, увидавшихъ колесо и кровь. Шоффера, съ остановившимся взглядомъ, увели подъ руки и отпаивали за стойкой кабачка; потомъ былъ протоколъ, и это лучше, чѣмъ если бы его растерзала толпа. Разсыльный мальчикъ, открывъ ротъ, впервые наблюдалъ смерть. Кудрявая собачка подбѣжала понюхать, но ее отогнали. Случайные прохожіе разсказывали дома, какъ имъ довелось увидать страшное происшествіе. Изъ устъ въ уста круговой волной прокатилось по этому кварталу и за его предѣлы, но дальше затухло въ движеніи машинъ и суматохѣ озабоченныхъ людей. Новая волна окружила квартиру родителей погибшей дѣвушки — покатилась по дому, забѣгая въ чужіе и чуждые подъѣзды, гдѣ охали и ахали, на минуту забывъ о кастрюляхъ, гдѣ немного путали подробности, такъ что неизвѣстно, былъ ли то гру-

зовикъ или легкая машина, сколько лѣтъ жертвѣ и въ какомъ точно подъѣздѣ она жила. Въ гаражѣ, куда отвели грузовикъ, говорили о случившемся мрачно и неохотно, жалѣли парня, мыли колеса и выходили покурить на улицу: внутри гаража не разрѣшалось. Въ полицейскомъ участкѣ за день это былъ третій случай, но самый серьезный; о немъ записано подробнѣе, а къ вечеру было передано газетамъ. На столѣ лежали отобранные у шоффера документы. Въ печальномъ бюро, на витринѣ котораго красовались въ рамкахъ фотографіи процессій трехъ разрядовъ, уже знали, что семья не богатая, и все будетъ запросто, безъ пышности, приличествующей зажиточнымъ людямъ. Въ цвѣточномъ магазинѣ некрасивая дѣвица прикалывала и привязывала бѣлые цвѣты къ соломенному кругу; но она не знала, для кого готовитъ вѣнокъ, потому-что лента была заказана особо. Мальчикъ, относившій вѣнокъ, получилъ на-чай и возвращался, подпрыгивая и глазѣя по сторонамъ. И эта волна, уходя все дальше, затерялась среди каменныхъ кубиковъ мостовой.

Самые близкіе друзья возвращались съ кладбища молчаливо, думая о себѣ. Горе, изъ ужаснаго, становилось красивымъ; прежнимъ и навсегда оно оставалось только для стариковъ, которыхъ привели домой, поберегли до вечера и оставили. Нѣкоторыя изъ подругъ еще поплакали дома, и до вечера ихъ глаза были красны и напудрены. Двое, ушедшіе вмѣстѣ, какъ-то особенно сегодня сблизились, вспоминая, что это она ихъ познакомила. Онъ велъ ее подъ руку, — она позволила, и онъ былъ очень

нѣженъ, почтителенъ и остороженъ, и ихъ мысли были заняты очень важными вопросами — о жизни, ея смыслѣ, ея краткости, хотя они говорили о другомъ, случайномъ и пустяковомъ, только чтобы не молчать. Было необычно, но хорошо. Каждый видѣлъ въ другомъ новыя, незнакомыя черты, можетъ быть самыя лучшія, самыя интимныя, составляющія душевное богатство. Мимо нихъ прошли другіе, оживленно бесѣдуя и даже смѣясь, — это было нѣсколько кощунственно, и они посторонились, уступая дорогу и не желая смѣшаться. Разстались у ея подъѣзда съ необычнымъ, очень скромнымъ и все-таки значительнымъ рукопожатіемъ, и каждый, осторожно и важно донеся свою чашу горечи, послѣ, уже дома, отпилъ изъ нея сладкій глотокъ. Было это очень страннымъ и очень значительнымъ. И все-таки настолько страннымъ, что хотѣлось надольше продлить красивую грусть, скрывая ее простой улыбкой, но такъ, что-бы спрашивали: «что съ вами?» — и можно было отвѣтить: «ничего; такъ какъ-то... не весело». И потомъ можно было разсказать, какъ ужасно иногда поступаетъ судьба, обрывая теченье молодой жизни въ самомъ началѣ. И они разсказывали, какъ и другіе тоже разсказывали, о прекрасной дѣвушкѣ, трагически погибшей, которую они только наканунѣ видѣли веселой, полной жизни, и съ которой были связаны близкой дружбой. Ихъ слушали съ сочувствіемъ, потомъ переводили разговоръ на другое. Иногда оказывалось, что и у другихъ были подобные случаи, о которыхъ стоило разсказать. Въ живомъ разговорѣ удавалось разсѣяться, и дальше смѣяться

надъ какимъ-нибудь вздоромъ, потому-что они были молоды. Но не было въ этомъ никакой измѣны памяти милой подруги.

Потомъ дважды приходила и уходила весна. Однажды дѣвочка, дочь хозяйки мелочной лавки, выбѣжала на дорогу, чтобы схватить укатившійся мячикъ. За это мать надрала ей уши, и объяснила покупателю, что не зря наказываетъ дочь, что выбѣгать на дорогу очень опасно, и даже былъ на ея глазахъ однажды случай, — и она разсказала про этотъ случай, и, завертывая въ обрывокъ газеты лукъ и морковь, прибавила: это было вотъ тутъ, противъ моей двери!... Въ кабачкѣ близъ центральнаго рынка сидѣли шофферы, закусывали, пили вино, и говорили о разныхъ непріятностяхъ, связанныхъ съ ихъ занятіемъ. Одинъ изъ нихъ разсказалъ, какъ, однажды, въ дождливый день, онъ не могъ затормозить, и наѣхалъ на дѣвицу, которая не въ указанномъ мѣстѣ переходила дорогу; были, по счастью, свидѣтели, и его оправдали; ему было непріятно прибавлять, что дѣвушку онъ раздавилъ на смерть, а товарищи объ этомъ не спросили. Другіе разсказали про свои случаи, въ которыхъ всѣ они не были виноваты, хотя нѣкоторымъ пришлось поплатиться. Изъ подъ земли на поверхность вышли молодые люди, онъ и она, и долго прощались, стѣсняясь поцѣловаться при публикѣ, и лишь пожимая взаимно руки. На ихъ лицахъ было смущеніе, но счастливое, и они уже, неизвѣстно въ который разъ, напоминали другъ другу, что увидятся опять послѣ завтра, въ то же время. Она просила его не провожать, но онъ хотѣлъ вотъ хоть до того

угла. Отсюда ей было совсѣмъ близко, а онъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ, и шелъ бодро, чувствуя себя любимымъ и мужчиной. Когда онъ, нѣсколько подъ угломъ, переходилъ улицу, прямо къ мелочной лавкѣ, по лицу его на минуту мелькнула тѣнь, — но воздухъ былъ такъ хорошъ и походка его такъ легка. Изъ подъѣзда вышелъ старикъ съ трясущейся головой, и его поддерживала жена, тоже старая, но гораздо крѣпче его; имъ вслѣдъ, съ сожалѣніемъ и не одобреніемъ, смотрѣла консьержка, женщина строгая и благоразумная. Старики обѣдали неподалеку въ дешевомъ ресторанѣ; послѣ второго блюда она спрашивала: «ну, какъ, ты сытъ-ли?» и онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «я вполнѣ сытъ, было очень вкусно». И они выпивали еще по чашкѣ кофею, за которымъ онъ подремывалъ. Потомъ они возвращались тою же дорогой домой, долго подымались по лѣстницѣ, входили въ квартиру, въ которой была комната-столовая, была ихъ спальня, а третья комната, небольшая, была оставлена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее въ послѣдній разъ видѣла ихъ погибшая дочка. Эта комната каждый день тщательно подметалась и провѣтривалась; старуха дѣлала это сама, а потомъ звала мужа посмотрѣть; они не присаживались, а стоя осматривали кровать, столъ и картинки на стѣнахъ. Все было въ образцовомъ порядкѣ.

Когда третья весна незамѣтно перешла въ лѣто, нѣкоторыя семьи, посчастливѣе, переселились въ деревню; лучшія мѣста для отдыха тамъ, гдѣ есть рѣка. Бываютъ въ такихъ мѣстахъ удачныя встрѣчи. Прекрасны прогулки по берегу.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на часы не безъ тревоги. Но она, конечно, придетъ, иначе не послала бы ему записки и не упомянула бы о «важномъ«. Онъ былъ до удивительности спокоенъ, хотя сначала волновался. Отъ камушковъ расходились круги, крутыми, затѣмъ отлогими валиками, и рыбы были недовольны, что нарушаютъ ихъ покой. Проплыла вѣтка, кѣмъ - нибудь сорванная и брошенная, обреченная на гибель. Въ полной неподвижности застыла въ воздухѣ бронзовая стрекоза. Свѣтовой зайчикъ прыгалъ съ валика на валикъ, суетился и никакъ не могъ убѣжать. Шевелились травинки, потомъ успокаивались до новаго камушка. Въ каждый моментъ въ природѣ что - нибудь умирало и что - нибудь рождалось, рядъ маленькихъ трагедій и большихъ радостей, въ строгомъ учетѣ чета и нечета, въ гармоничномъ спокойствіи, въ необходимомъ равновѣсіи смерти и жизни. Тамъ, гдѣ расширившійся кругъ наплывалъ на преграду берега или рѣчной травы, происходилъ какъ бы прибой волны, замѣтный и ощутимый для песчинокъ и для легкихъ стеблей. Гдѣ этимъ волнамъ было просторно, тамъ въ неизвѣстной точкѣ сводились на - нѣтъ.

Потомъ, вѣроятно, приблизились къ берегу легкіе шаги.

ЛЮСЬЕНЪ

Все это, конечно, такъ, можно человѣка жалѣть, можно дать ему два франка, когда онъ позвонитъ у двери, можно просто выразить ему сочувствіе, — но понять, до конца понять нищаго, опустившагося на дно человѣка можетъ только тотъ, кто самъ на этомъ днѣ побывалъ, все равно — выплылъ ли, или такъ тамъ и остался. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ объ уличномъ пѣвцѣ, должно быть французѣ, который раньше постоянно пѣвалъ у нашихъ оконъ, а теперь куда то исчезъ, возможно что и туда, потому что былъ старъ и врядъ ли здоровъ. Его звали Люсьенъ, и я знаю его біографію — ничего интереснаго. Былъ маленькимъ неизвѣстнымъ опернымъ пѣвцомъ на вторыя и третьи роли, тянулъ эту канитель до сѣдыхъ волосъ, неумѣренно пилъ, пропилъ голосъ, и оказался на улицѣ. Такихъ десятки и сотни. Ничего выдающагося, ничего романтическаго изъ такой жизни не вытянешь, ужъ очень все обыкновенно и послѣдовательно. Но, сверхъ этой законченной біографіи, мнѣ разсказали

одинъ курьезъ изъ его уже нищей жизни, тоже не очень замѣчательный, — но вотъ пойми человѣка! Ерундитъ человѣкъ, или у него какая нибудь особенная поэтическая натура? Или же такъ, зря, съ пьяныхъ глазъ и отъ нечего дѣлать. Самъ не разобравъ, лучше просто разскажу, т. е. передамъ подробности чужого разсказа. Все - таки, довольно любопытно.

Люсьенъ приходилъ подъ наши окна пѣть больше по утрамъ, настолько рано, что еще не всѣ хозяйки возвращались съ рынка, а я, напримѣръ, еще и не вставалъ (очень хотѣлось бы прибавить: «такъ какъ я по ночамъ работаю, пишу», — но это не правда, просто по лѣни и по скверной привычкѣ). Дребезжащій голосъ Люсьена меня будилъ, и я думалъ о томъ, какіе французы вообще не музыкальные, нѣтъ у нихъ мелодіи, а хоромъ пѣть и совсѣмъ не умѣютъ — тянутъ въ унисонъ. Можетъ быть, я не правъ, и все это, просто, отъ «картъ д-идантитэ» и отъ другихъ непріятностей: ко мнѣ не справедливы, и я тѣмъ же отвѣчаю. Все - таки, не говоря уже о Дебюсси, который былъ лицомъ похожъ на Бѣлинскаго, былъ у нихъ еще Жоржъ Бизе, про котораго говорится въ словаряхъ, что онъ «писалъ оперы очень тщательно, заботился о живописности и о правильной драматической экспрессіи»; Бизе носилъ курточку, застегнутую до верху, и умеръ молодымъ, успѣвъ написать «Карменъ». Аріи изъ этой оперы пѣвалъ у насъ подъ окномъ Люсьенъ, который на сценѣ, вѣроятно, никогда не пѣвалъ партіи Торреадора, за то на улицѣ вознаградилъ себя за всѣ года.

Ну, вы можете себѣ представить, что у него получалось. Отъ баритона у него осталась разбитая посудина да воспоминанія о молодомъ жарѣ. Старался дополнять голосъ жестами, особенно на верхнихъ нотахъ, куда безъ лѣсенки забраться не могъ. Лежа въ постелѣ и корчась отъ его ужасной фальши, я никакъ не могъ понять, почему Люсьенъ у насъ на дворѣ пользуется успѣхомъ; объ его успѣхахъ можно были судить по внезапнымъ паузамъ: это онъ подбиралъ деньги въ бумажкахъ, брошенныя изъ оконъ; подберетъ — и продолжаетъ съ ноты, на которой оборвалъ пѣніе. Но когда я самъ его увидѣлъ — понялъ, чѣмъ онъ нравился. Именно, той самой «драматической экспрессіей», которая отличала Бизе; въ пѣніи она не слышалась, но на лицѣ выражалась. Лицо у него было бабье, бѣлесоватое, конечно — бритое, и онъ былъ похожъ не на пѣвца, а на пѣвицу, до невозможности жеманную. Онъ прикладывалъ обѣ руки къ сердцу, приподымался наноскахъ, закатывалъ глаза и даже дѣлалъ балетныя движенія, особенно при чувствительныхъ романсахъ. Тяжелая, обрюзглая корпуленція въ длинномъ трепаномъ сюртукѣ — вдругъ улыбочки, ужимочки, воздушные поцѣлуи, не ладонью, а двумя пальчиками, точно вытягиваетъ изо рта длинный волосъ; на женщинъ это всегда дѣйствуетъ. Я сначала искренне смѣялся, а потомъ, присмотрѣвшись, почувствовалъ къ нему большую жалость: за два су человѣкъ такъ долженъ ломаться! Конечно, профессія, какъ всякая другая, но ужъ очень человѣческое въ человѣкѣ угнетено, сведено на нѣтъ, остался несчастный паяцъ. Мы, пищущіе не всегда

«для души», кое что въ этомъ понимаемъ, тоже вѣдь... но объ этомъ лучше помолчу.

Говорили, что Люсьенъ зарабатываетъ пѣніемъ много, да оно и понятно. Возьмите какую-нибудь прислугу, фамъ-де-менажъ; получаетъ за часъ франка три-три съ полтиной, работаетъ въ трехъ домахъ, — и все таки, при жизни экономной, если и мужъ подрабатываетъ, рано или поздно земельку себѣ купитъ и домикъ выстроитъ. У меня служила такая, и не хотѣла вѣрить, что у меня нѣтъ текущаго счета въ банкѣ; у нея былъ; разумѣется — француженка. А Люсьенъ, въ хорошій день, когда дождя нѣтъ, на одномъ нашемъ дворѣ зарабатывалъ за четверть часа отъ пяти до десяти франковъ — при ста и больше квартирахъ. Впрочемъ, послѣ я узналъ довольно точно, сколько онъ зарабатывалъ: въ хорошіе мѣсяцы до полутора тысячъ франковъ, изъ которыхъ пятьсотъ проживалъ, пятьсотъ пропивалъ, а куда уходило остальное —о томъ и идетъ дальше разсказъ. Ну, не всегда такъ; зимой онъ, бывало, сильно бѣдствовалъ и даже голодалъ по-настоящему; все-таки, нужно учитывать и старость, и болѣзни, особенно — при такой то работѣ, все время горломъ.

Однимъ словомъ, какъ многіе французскіе нищіе, Люсьенъ умѣлъ подкапливать, — но не на черный день и не на покупку лавочки въ провинціи. Совершенно точно установлено, куда онъ тратилъ деньги. Его отлично знали въ модномъ и дорогомъ цвѣточномъ магазинѣ, что на Монпарнассѣ. Въ первый разъ его туда не хотѣли пустить, думали — попрашайка; но онъ съ достоинствомъ заявилъ, что пришелъ

купить букетъ. Онъ выбралъ самые красивые и дорогіе цвѣты, тепличные, для сезона удивительные, и заплатилъ сумму, не доступную и для средняго буржуа. На него смотрѣли съ удивленіемъ и не могли понять, кто онъ такой : богатый ли оригиналъ, прикидывающійся оборванцемъ, или чей-нибудь посыльный. Но такъ какъ онъ сталъ приходить за такими покупками часто, раза два въ мѣсяцъ, то привыкли къ нему и относились почтительно. Онъ покупалъ зимой сирень, поздней осенью — весенніе цвѣты. Особенное вниманіе оказывалъ орхидеямъ, даже выказалъ себя знатокомъ. Забиралъ букетъ или корзину и исчезалъ.

То ли его заподозрили, то ли нашелся любопытствующій человѣкъ, но только его прослѣдили : зачѣмъ такому человѣку цвѣты? Не пользуясь ни трамваями, ни метро, ни автомобилемъ, онъ пѣшкомъ несъ эти цвѣты на кладбище Иври, старое и почтенное. На этомъ кладбищѣ была могила съ каменной обомшалой плитой, окруженная изгородью, а внутри лавочка. Надпись было трудно разобрать цѣликомъ, но имя было женское, а годъ смерти былъ помѣченъ 1863. Кладбищенскіе сторожа разсказывали, что раньше этотъ странный посѣтитель приносилъ цвѣты на другую могилу, новую и богатую, но потомъ перемѣнилъ ее на эту, и вотъ уже лѣтъ пять бываетъ здѣсь постоянно и сидитъ часами на лавочкѣ, иногда молча, а то что-нибудь напѣвая или самъ съ собой разговаривая. Цвѣты онъ клалъ на плиту, а то подсаживалъ кустики, но всегда неудачно — они погибали; или онъ не умѣлъ этого дѣлать, или покупалъ безъ корней. Одинъ разъ зашелъ въ

контору кладбища и просилъ дать ему справку, кто похороненъ въ такомъ - то мѣстѣ, подъ такимъ - то номеромъ. Молча выслушалъ, но свѣдѣнія были тѣ же самыя, что значились на плитѣ, такъ что ничего особеннаго узнать не могъ; поблагодарилъ и ушелъ. Его считали родственникомъ умершей, и сторожа удивлялись, что нашелся такой человѣкъ, который помнитъ и украшаетъ столь старую могилу. И самъ, очевидно, бѣдный, а приноситъ дорогіе цвѣты. Но мало ли что бываетъ на кладбищахъ.

И вотъ, однажды, случилась странная вещь. Пріѣхалъ на кладбище господинъ, вѣроятно изъ провинціи, и спросилъ въ конторѣ объ этой самой могилѣ, которой самъ отыскать не могъ. Далъ сторожу на чай, и тотъ его проводилъ. Когда подошли, господинъ очень удивился, увидавъ на каменной плитѣ цѣлую груду прекрасныхъ увядавшихъ цвѣтовъ. Сторожъ объяснилъ, что тутъ постоянно бываетъ какой - то человѣкъ, грязно и бѣдно одѣтый, а кто такой — неизвѣстно. Вѣроятно, и еще придетъ, но никакихъ опредѣленныхъ дней нѣтъ. Посѣтитель очень заинтересовался, потому что это была могила его бабушки, и ни о какихъ родственникахъ въ Парижѣ онъ не слыхалъ. Какъ бы такъ узнать? Сторожъ сказалъ, что тутъ одно средство: приходить сюда каждый день отъ часу до трехъ, въ это время и тотъ обычно приходитъ, а больше ничего не придумаешь. Такъ посѣтитель и сдѣлалъ, хотя былъ пріѣзжимъ и говорилъ, что долго задерживаться въ Парижѣ ему трудно. Но, очевидно, ему очень захотѣлось узнать, кто съ такой любовью постоянно украшаетъ могилу его бабушки.

Съ недѣлю или больше приходилъ напрасно. И сторожей разбирало любопытство — встрѣтятся ли эти два человѣка? И вотъ, наконецъ, встрѣча произошла. Когда посѣтитель пришелъ, тотъ странный человѣкъ уже былъ на могилѣ, сидѣлъ на лавочкѣ и велъ самъ съ собой разговоръ. Внукъ покойницы подошелъ, приподнялъ котелокъ и освѣдомился, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь встрѣтиться на могилѣ близкаго человѣка. Люсьенъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы и гордо отвѣтилъ, что не хотѣлъ бы, чтобы мѣшали его раздумьямъ, и что здѣсь похоронена женщина, которую онъ любилъ. Родственникъ опѣшилъ, но постарался разъяснить оборванцу, что, вѣроятно, тутъ ошибка, такъ какъ его бабушка умерла семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда обоихъ ихъ еще не было на свѣтѣ, такъ чтс о любимой женщинѣ говорить не слѣдовало, да какъ то и не прилично. Люсьенъ молчалъ, но видно было, что онъ очень смущенъ и страдаетъ. Могильная плита была покрыта розами, а дѣло было въ серединѣ ноября. Возможно ли прогнать человѣка, который принесъ прекрасные цвѣты на могилу? Съ другой стороны — французъ былъ какъ бы собственникомъ могилы своей бабушки, — какъ онъ можетъ терпѣть посторонняго человѣка, да еще говорящаго такія вещи про его бабушку. Можетъ быть, просто сумасшедшій? Сторожъ стоялъ въ сторонкѣ и присматривался — вотъ такъ исторія! Наконецъ, опять заговорили :

— Вы, вѣроятно, ошиблись могилой? Это ничего, только я вамъ долженъ разъяснить, что вы напрасно расходуетесь на цвѣты. А я — внукъ.

Люсьенъ вышелъ изъ за рѣшетки, надѣлъ свою шляпченку и сказалъ:

— Очень можетъ быть. Но вѣдь вы то никогда не приходите, и никто не приходитъ. А я тутъ постоянно, это моя могила. Зачѣмъ она вамъ?

— Странное дѣло — зачѣмъ? Говорю вамъ — это моя бабушка!

Люсьенъ сказалъ:

— Не знаю. Ничего не знаю. Одно знаю: это нехорошо! Я старъ и бѣденъ, меня всякій можетъ обидѣть. Это не хорошо, это не хорошо!

Повернулся и пошелъ, не оглядываясь.

Родственникъ еще повертѣлся, поговорилъ со сторожемъ, что вотъ, какъ все это странно, очевидно ненормальный субъектъ, а сторожъ замѣтилъ:

— Такой букетъ денегъ стоитъ. По сезону — тутъ цвѣтовъ на всѣ сто франковъ, никакъ не меньше! И откуда онъ деньги беретъ? Розы то оставите здѣсь, или какъ?

Родственникъ подумалъ, потомъ сказалъ:

— Какъ то неудобно отъ сторонняго человѣка; пожалуй я лучше возьму ихъ, что жъ имъ пропадать.

Больше Люсьенъ на это кладбище не приходилъ.

Сторожа между собой говорили:

— Чего онъ его прогналъ? Ходилъ старикъ, никому не мѣшалъ, цвѣты носилъ. Можетъ быть, у него свои соображенія. Бываютъ всякіе люди, а иному и помянуть некого. Нехорошо съ нимъ поступили.

Когда мнѣ разсказали эту маленькую сентиментальную исторію про нашего пѣвца Люсьена, я не могъ, понять, въ чемъ тутъ разгадка. Артистическая

натура, что ли? Но Люсьенъ былъ бездарнѣйшимъ актеромъ, въ этомъ было легко убѣдиться по его нелѣпымъ ужимкамъ, смѣшнымъ до послѣдней степени. Если онъ такъ велъ себя на настоящей сценѣ, то врядъ ли публика ему аплодировала. Изъ жалости ему бросали деньги, несчастному безголосому паяцу. Можетъ быть, онъ нарочно ломался, на эту жалость и разсчитывая. А зачѣмъ онъ тратилъ деньги на дорогіе цвѣты и таскалъ ихъ на неизвѣстную могилу, это просто непонятно и похоже на выдумку. Или какая нибудь болѣзненная чувствительность, оригинальное помѣшательство, тѣмъ болѣе, что человѣкъ то былъ пьяница. Объяснять не пытаюсь.

РОМАНЪ ПРОФЕССОРА

Профессоръ философіи былъ представителемъ стараго режима, т. е. отличался отъ нынѣшнихъ бородой, близорукостью, научнымъ безкорыстіемъ и настоящими знаніями. Совершенно неинтересно, была ли-у него семья и, вообще, можетъ ли быть профессоръ философіи женатымъ и ѣсть борщъ и битки въ собственной столовой. Его политическіе взгляды образовались на послѣднемъ курсѣ университета, отдавали Аристотелемъ и Платономъ и въ личной его жизни не могли имѣть никакого приложенія. Были смутны его представленія о томъ, каковъ его профессорскій окладъ и въ чемъ заключается такъ называемая ученая карьера. Не будучи кантіанцемъ, онъ въ личномъ поведеніи руководился несокрушимыми категорическими императивами, съ которыми родился и жилъ безъ малѣйшаго со своей стороны усилія. Кафедру получилъ поздно, такъ какъ, погруженный въ научную работу, не проявлялъ и не могъ проявлять никакой поспѣшности и не учитывалъ неумолимости времени. Въ остальномъ

смотрѣлъ сквозь жизнь и былъ убѣжденъ, что никогда никакой переводъ не можетъ замѣнить подлинника, въ особенности если дѣло идетъ о платоновой «Республикѣ». По непрактичности онъ не имѣлъ друзей и не считалъ врагами тѣхъ, кто не раздѣляетъ его философскихъ построенiй. Огромное большинство житейскихъ словъ, какъ «правда», «любовь», «долгъ», «мысль», даже какъ «качество» и «положенiе», были для него совершенно отвлеченными понятiями, многообразно опредѣляемыми различными философскими школами, но окончательнаго смысла не имѣющими и въ практической, сегодняшней жизни не примѣнимыми, т. е. въ той жизни, гдѣ употребляются слова «калоши», «дача», «баранки», «жалованье», «ректоръ», «присяжный повѣренный», «крахмальный воротничокъ».

Это не значитъ, что профессоръ философiи былъ лишенъ человѣческихъ страстей и неспособенъ къ волненiямъ или былъ «не отъ мiра сего»; просто жизнь дѣлилась для него на части неравныя и несоизмѣримыя: на науку и еще что-то такое совсѣмъ ненаучное, хотя иногда могущее служить научнымъ матерiаломъ. Онъ, напримѣръ, любилъ и цѣнилъ музыку, литературу и театръ, и могъ бы даже увлекаться искусствомъ, если бы ему не препятствовалъ привычный аналитическiй методъ воспрiятiй. Именно поэтому онъ никогда не ощущалъ скуки и былъ совершенно лишенъ чувства юмора, какъ человѣкъ, который даже къ анекдоту относится, какъ къ проблемѣ и предмету сужденiя.

Свой курсъ греческой философiи профессоръ читалъ въ университетѣ студентамъ и студенткамъ.

Не былъ блестящимъ ораторомъ, но такъ глубоко и исчерпывающе зналъ свой предметъ, что не приходилось искать словъ, которыя сами становились въ очередь, ждали и выступали во-время и въ наилучшемъ порядкѣ, каждое въ томъ смыслѣ, который въ данное время и въ данномъ вопросѣ ему приличествовалъ; въ слѣдующій разъ ихъ прямое значеніе мѣнялось, пріобрѣтало иной оттѣнокъ, но всегда сообразно той философской теоріи, о которой шла рѣчь. Какъ всякій знающій и убѣжденный человѣкъ, профессоръ не представлялъ себѣ, чтобы кто-нибудь изъ его слушателей не улавливалъ оттѣнка его мыслей или, попросту говоря, его не понималъ; аудиторія рисовалась ему столь же высококачественной, какою была его мысль. Читая свою лекцію, онъ не блуждалъ глазами по лицамъ студентовъ, а выбиралъ одно лицо въ центрѣ, чѣмъ-нибудь привлекшее его вниманіе, и одно-два вспомогательныхъ лица по краямъ, къ которымъ онъ обращался только въ рѣдкихъ случаяхъ подчеркиванья особенно важной, по его мнѣнію, мысли или особо оригинальнаго построенія. Это были, впрочемъ, не люди, а воспринимающіе органы, что не уменьшало полнаго къ нимъ уваженія профессора.

Чаще всего онъ обращалъ свою рѣчь къ студенткѣ во второмъ ряду прямо противъ кафедры. Онъ, конечно, совершенно не зналъ, была ли она блондинкой или брюнеткой, носила ли короткіе или длинные волосы, была ли красавицей или уродомъ. Помимо него, эстетическое чувство, весьма въ немъ развитое, установило очень правильный выборъ, такъ какъ сидѣвшая противъ него дѣвушка заслуживала

своей внѣшностью и всякаго иного вниманія — греческой правильностью чертъ, строеніемъ и чистотой лба, несомнѣнностью физическаго здоровья и необыкновенной ясностью глазъ, которыхъ она никогда не отводила. Ее можно было назвать образцомъ внимательности; видимо — ни одно слово профессора не проходило мимо ея ушей, ни одинъ оттѣнокъ его мысли не оставался чуждымъ ея отвѣтному пониманію. Самому профессору казалось, что его рѣчь цѣликомъ поглощается бездонной ясностью этихъ глазъ, всегда на него устремленныхъ, бездонной и ненасытимой, потому что не видно въ нихъ ни малѣйшаго утомленія, даже ни малѣйшаго слѣда тяжелой мыслительной работы: все, что онъ говоритъ, воспринимается этими глазами съ легкостью и естественностью, свидѣтельствующими объ установленіи крѣпкой и прочной связи между говорящимъ и слушающимъ, дающимъ и воспринимающимъ. Такое вниманіе, такое сотрудничество — не есть ли лучшая утѣха и лучшее поощреніе учителя?

Съ первыхъ же лекцій въ лицѣ этой студентки воплотилась для профессора вся его аудиторія, какъ бы вся молодежь, которой онъ съ чистымъ сердцемъ отдавалъ и посвящалъ свои знанія и свой талантъ. Одинъ разъ случилось, что, не увидавъ ея въ аудиторіи, онъ смутился и временно пришелъ въ замѣшательство, какъ будто нить, соединявшая его со слушателями, запуталась въ узелъ или порвалась; пришлось употребить усиліе, чтобы вернуть себѣ обычную ясность мысли и способность ея изложенія. До конца лекціи профессоръ чувствовалъ себя не на высотѣ, а на слѣдующій разъ, увидавъ свою слуша-

тельницу на обычномъ мѣстѣ, испыталъ неподдѣльную радость и почувствовалъ, какъ рѣчь его стала исключительно свободной, даже блестящей, хотя сегодняшняя тема его ученой бесѣды была не изъ его любимыхъ. И опять ясные и бездонные глаза, эти глаза аудиторіи, глаза какъ бы всей молодежи, впивали свѣтъ положительныхъ знаній, который источало его краснорѣчіе.

Случалось, что послѣ лекціи къ профессору подходили студенты, задавали вопросы, справлялись о руководствахъ, выказывали именно тотъ интересъ, который онъ и старался въ нихъ пробудить. Та дѣвушка никогда не подходила, да это и не было важнымъ, ея роль была только въ томъ, чтобы внимать и, пожалуй, вдохновлять, быть олицетвореніемъ живой связи. На вопросы профессоръ отвѣчалъ обстоятельно, былъ радъ помочь, объяснить, посовѣтовать.

Нерѣдко бывало, что, готовясь къ лекціямъ, онъ мысленно представлялъ себѣ не университетскую аудиторію, не всѣхъ вмѣстѣ слушателей, а только ту, которая олицетворяла для него ихъ общее вниманіе. Онъ говорилъ ей и слѣдилъ за отраженіемъ въ ея глазахъ его мысли; странно: глаза смотрѣли и живо, и въ же время неподвижно, только спрашивая, но ничего не отвѣчая. А между тѣмъ, вѣдь, важно научить не слушать только, не только принимать на вѣру, а и разсуждать самостоятельно, пусть даже не соглашаться и спорить. И вотъ онъ невольно сталъ заострять свою мысль, иногда — правда, съ осторожностью ученаго — доводя ее почти до парадокса. Онъ пускалъ этотъ пробный

шаръ — и иногда слышалъ въ рядахъ шопотъ студентовъ, можетъ быть, пораженныхъ, вѣроятно, не согласныхъ; но глаза «той» смотрѣли съ прежней прямотой и ясностью, не выражая никакого волненія, и профессоръ не зналъ, быть ли ему довольнымъ или вернуться къ философскому спокойствію. Онъ волновался, но это волненіе было пріятно и плодотворно; его лекціи пріобрѣтали новый блескъ, какого имъ не доставало раньше, и самъ онъ чувствовалъ, какъ растетъ въ немъ и мыслитель, и учитель. Это было правдой, и это замѣчали всѣ. Его аудиторія была переполнена, раскупались его книги, съ особымъ вниманіемъ и почтеніемъ относились къ нему товарищи по профессурѣ; вѣроятно, у него завелись и враги. Послѣдняго онъ не замѣчалъ, но свой ростъ чувствовалъ, какъ чувствуетъ человѣкъ приливъ здоровья, чувствуетъ, радуется и хочетъ имъ пользоваться.

Теперь передъ нимъ была задача: заставить эти спокойные и всепріемлющіе глаза загорѣться либо восторгомъ, либо рѣзкимъ несогласіемъ, выйти изъ равновѣсія, потому что безъ страстнаго воспріятія или отверженія идеи не можетъ быть творчества, а онъ хочетъ заставить молодежь творить, какъ творилъ, а не только познавалъ и выкладывалъ на счетахъ разума Платонъ. Онъ думалъ про самого себя: кажется я сильно измѣнился, — что значитъ соприкосновеніе съ молодежью! Цѣлый рядъ словъ, бывшихъ для него лишь отвлеченными философскими понятіями, облекся въ плоть и, снизившись, пріобрѣлъ все же пріятный жизненный оттѣнокъ. Конечно, онъ не опустился до утвержденія: «сначала жить,

потомъ философствовать», но сама философія стала румяниться жизненными соками, и это, повидимому, особенно захватывало его аудиторію... но не ту, глаза которой оставались попрежнему спокойными и только внимательными. Не будь онъ философомъ, было бы впору стать безумцемъ. Это уже не пропасть! Любую бездонную пропасть онъ могъ бы заполнить брошеннымъ богатствомъ своей эрудиціи и пламенемъ рѣчи. Что же это такое? Безконечное пространство міровъ или глухая стѣна? Можетъ быть — сама познавшая себя истина? И почему эта истина предстала предъ нимъ въ образѣ женщины? Въ послѣднее время онъ началъ понимать, что его неизмѣнная слушательница красива.

Ихъ первая и послѣдняя встрѣча произошла нечаянно; во всякомъ случаѣ онъ личной встрѣчи не искалъ, мысль объ этомъ никогда не приходила ему въ голову. Они встрѣтились въ домѣ его университетскаго товарища, въ большомъ обществѣ, и сначала онъ ея не узналъ, — настолько въ такой обстановкѣ ея лицо было ему непривычнымъ. Затѣмъ, вглядѣвшись, и обрадовался и нѣсколько смутился. Теперь онъ могъ окончательно убѣдиться, что его невольной вдохновительницей, олицетворявшей для него всю современную молодежь, была дѣйствительно очень красивая дѣвушка, и что здѣсь, въ иномъ окруженіи, она остается совершенно тою же, съ ясными, спрашивающими, но ничего не отвѣчающими глазами. Ему было пріятно, когда она сама подошла къ нему и сказала, что она — его слушательница. Ну какъ же, разумѣется, онъ ее узналъ! Чай онъ предпочитаетъ съ лимономъ, но

зачѣмъ она безпокоится, лучше поговорить такъ. Разумѣется, онъ заговорилъ съ ней о предметѣ, такъ тѣсно ихъ соединившемъ — о философіи Платона. Она слушала его, какъ слушала всегда — не отводя глазъ и съ едва замѣтной, очень пріятной улыбкой. Но важно было не говорить ей, а разспросить ее. Она пробовала отдѣлаться словами «да» и «нѣтъ», но профессоръ не могъ не быть настойчивымъ. Ей пришлось отвѣчать, но она не поняла вопроса и переспросила такъ, что теперь не понялъ онъ. Сначала въ его головѣ мелькнула мысль, что эта дѣвушка хочетъ поймать его на какомъ то противорѣчіи, что у нея особая, во всякомъ случаѣ крайне оригинальная форма мышленія. Минутой позже онъ убѣдился, что она, дѣйствительно, не понимаетъ, о чемъ онъ ее спрашиваетъ. Это смутило его гораздо больше, чѣмъ была смущена его собесѣдница. Упрямый и неуклонно послѣдовательный на всѣхъ путяхъ изслѣдованія, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ завязать съ ней ученый разговоръ, и вдругъ съ совершенной ясностью, какъ неизмѣнно ясны были ея прекрасные глаза, открылъ, что передъ нимъ очень красивая, но и очень, до крайности, до непозволительности глупая дѣвушка, не только не увлеченная его проповѣдями, но вообще не интересующаяся философіей и не способная задуматься надъ самымъ элементарнымъ вопросомъ. Она очень бы обрадовалась, если бы онъ просто сказалъ ей, любитъ ли онъ чай съ лимономъ или съ вареньемъ, и бываетъ ли онъ въ кинематографѣ. Или если бы онъ увелъ ее въ сосѣднюю комнату и поцѣловалъ; при этомъ совершенно не измѣнилось бы

выраженіе ея глазъ, этихъ синихъ дыръ въ пространство, очень умѣло пробуравленныхъ природой пониже чистаго и отлично построеннаго лба, внутри котораго такая же ясная пустота. Онъ почувствовалъ, какъ въ душѣ его въ первый разъ въ жизни вспыхнула самая настоящая злоба и какъ легко могъ бы онъ сейчасъ постучать чайной ложкой по ея лбу и громко сказать: «Боже мой, какая дура!». — Но онъ, конечно, не сказалъ, Онъ ушелъ изъ этого дома съ поспѣшностью, наскоро простившись съ хозяевами и пробормотавъ о срочной работѣ.

Его слѣдующая очередная лекція поразила студентовъ необычайной, необъяснимой грубостью, напрасными полемическими выпадами неизвѣстно противъ кого. Онъ говорилъ не какъ свободный мыслитель, а какъ узкій догматикъ, не допускающій никакихъ сомнѣній въ истинности своихъ положеній. Онъ позволилъ себѣ даже утвержденіе, что на путяхъ познанія тысяча противорѣчивыхъ мнѣній и ложныхъ выводовъ меньше тормозитъ постиженіе истины, чѣмъ одинъ-единственный деревянный лобъ профана, замѣшавшагося въ среду просвѣщенныхъ искателей. Это такъ не соотвѣтствовало обычной широтѣ и стройности его философскихъ построеній, что вызвало въ аудиторіи и холодокъ и пока еще робкій протестъ. Послѣ лекціи нѣсколько студентовъ направились къ нему, чтобы поговорить, но онъ, даже не извинившись, буркнулъ подъ носъ, что сегодня не располагаетъ временемъ для болтовни. И вообще онъ сдѣлалъ все, чтобы возстановить противъ себя студентовъ, вниманіе и любовь которыхъ онъ такъ долго, неукоснительно и методично завоевывалъ.

Онъ былъ, конечно, не правъ. Но только тотъ могъ его судить, кто не видалъ направленныхъ на него во все время этой несчастной лекціи ясныхъ, красивыхъ и совершенно ничего не выражавшихъ глазъ, за которыми теперь чувствовалась пропасть, уже ничѣмъ незаполнимая.

ПѢШКА

Гражданина Убывалова выслушали, выстукали, просвѣтили два врача и одинъ профессоръ. Снимка ему не показали; на снимкѣ, среди бурелома туманныхъ реберъ, врачамъ и профессору подмигнула темная клякса. Увидавъ ее, оба врача боязливо подняли брови, а профессоръ удовлетворенно кивнулъ головой, хотя ранѣе того именно онъ и сомнѣвался. Было сполна уплочено за картину и консиліумъ. Врачъ, постоянно лѣчившій Убывалова, его старый пріятель, плелъ отъ смущенія и большого огорченія такую милую и трогательную ахинею и такъ напиралъ на счастливые случаи, которыхъ не бываетъ, что обоимъ стало неловко. Послѣ этого они мужественно играли въ шахматы, врачъ проигралъ и очень обрадовался: выиграть партію у человѣка обреченнаго было бы и неприлично и непріятно. Выйдя изъ дому, врачъ до поворота въ другую улицу ежился и повторялъ про себя: «Боже мой, Боже мой, вотъ бѣдняга!», а на поворотѣ вынулъ платокъ и вытеръ искреннюю дружескую слезу. Изъ платка выпала

костяшка и отчетливо звякнула объ асфальтъ, но онъ не замѣтилъ.

Гражданинъ Убываловъ остался дома вдвоемъ: онъ и его близкая смерть. Нѣкоторое время мысль о ней путалась въ его представленіи съ гамбитомъ Муціо: жертва коня за сильную атаку; они играли по старинкѣ, комбинаціонно, какъ играли смѣлые и непрактичные мастеры. Съ момента, когда черная пѣшка взяла бѣлаго коня, и до самаго конца партіи, Убываловъ отодвинулъ мысль о смерти, слишкомъ огромную и не вмѣщавшуюся въ знакомую шахматную комбинацію. Но мысль эта вернулась при очень крѣпкомъ рукопожатіи въ передней, когда старый другъ, прощаясь, сказалъ: «Ну, я буду забѣгать, а ты будь молодцомъ!». Уложивъ шахматы въ большую коробку, выложенную внутри зеленымъ бархатомъ (шахматы были превосходные, очень дорогіе, фигурные слоновой кости), Убываловъ хотѣлъ выключить верхній свѣтъ, оставивъ только лампу на столѣ — и внезапно испугался полумрака, который можетъ заселиться тѣнями. На минуту онъ замеръ, потомъ къ груди подкатилась волна небывалаго по странности ощущенія: стѣны стали приближаться и отступать, приближаться и отступать, а онъ попробовалъ по возможности добродушно улыбнуться и мудро сказать себѣ: «Ну! вотъ и все!» — ноги его ослабѣли и полъ зашевелился. А между тѣмъ до сихъ поръ онъ держался такъ мужественно и разумно, что его пріятель, врачъ, могъ уйти въ увѣренности, что онъ не понялъ.

Сѣвъ въ кресло у стола и пошатываясь — а можетъ быть, продолжала шататься комната — онъ

смотрѣлъ на книги и портреты, а книги и портреты смотрѣли на него съ тревожнымъ любопытствомъ, не понимая, какъ же теперь человѣкъ соберетъ свои мысли, и что онъ будетъ дѣлать въ остающееся до близкой смерти время. Было бы много проще, если бы онъ испытывалъ очень сильныя боли и думалъ только о нихъ, о томъ, какъ и чѣмъ ихъ ослабить; но, вотъ, сейчасъ какъ разъ болей не было, только обычное и уже привычное ощущеніе желудочнаго недомоганія. Передъ снимкомъ, его заставили съѣсть манной каши съ какой то дрянью, и пріятель настойчиво называлъ кашу «кашкой», какъ будто отъ этого все дѣлалось шуточкой и пустячкомъ. «Ты кашки покушаешь, а мы посмотримъ, что у тебя тамъ такое приключилось». И онъ тоже ѣлъ кашу съ шутливымъ выраженіемъ, — такъ ужъ было нужно. Теперь, когда все извѣстно, постепенно начнутся боли, и затѣмъ онъ умретъ. Но представить себѣ все это невозможно, и лучше бы (т. е. гораздо проще), чтобы все это оказалось ошибкой.

Одну минуту — только одну минуту — Убываловъ думалъ о томъ, что, въ сущности говоря, такъ случается рано или поздно съ каждымъ человѣкомъ: въ какой то часъ онъ оказывается обреченнымъ и понимаетъ это. Особенно, когда ему уже много лѣтъ. Ну, прожилъ бы еще пять, десять, ну — двѣнадцать лѣтъ, а тамъ все равно... Конечно проще, когда уже не сознаешь ничего отъ старости или слабости. Но комната опять зашаталась, и портреты уплыли въ туманѣ. Не можетъ быть, чтобы люди передъ смертью не сходили съ ума. Но разъ

неминуемо, то какъ же не думать объ этомъ рѣшительно всегда, во всякую минуту, все равно — въ старости или въ молодые годы. Мы просто только обманываемъ себя и отмахиваемся отъ ужасныхъ мыслей. Такимъ образомъ можно считать, что ничего не случилось.

Книги и портреты приняли спокойное положеніе, Убываловъ всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился противъ зеркала, въ которомъ очень почтенный и очень знакомый человѣкъ улыбнулся и произнесъ губами: «Эхъ, господа, господа, все это неважно!». Его окружили участливыя лица знакомыхъ и друзей, всѣ явно смущенныя, и, какъ это ни страшно, ему же приходилось успокаивать ихъ своей выдержкой. Отходя онъ ласково пожималъ имъ руки, какъ бы говоря глазами: «Ну-ну, знаю, спасибо вамъ!» — и они смотрѣли ему вслѣдъ съ почтительнымъ удивленіемъ. Онъ вынулъ было изъ кармана газету и хотѣлъ углубиться въ чтеніе, но это было бы рисовкой. Лучше такъ, просто, не говоря о себѣ, разспрашивать, какъ у нихъ идутъ дѣла, какъ ребятишки, правда ли, что Павелъ Игнатьичъ остается въ Америкѣ и выписываетъ туда жену. И онъ то отходилъ отъ зеркала къ книжнымъ полкамъ, то опять возвращался съ привѣтливой улыбкой, радуясь, что стало такъ хорошо и спокойно. Но верхняго свѣта все-таки не гасилъ, чтобы не нарушить свѣтлаго стиля своего душевнаго состоянія.

Мягкій коверъ заглушалъ шаги. Такъ ходить, бросая бѣглый взглядъ въ зеркало, потомъ на книги, можно было долго, почти вѣчность, только-бы не сдѣлать рѣзкаго движенія, которое измѣнитъ ровный

строй мыслей. Онъ ходилъ, пока не ощутилъ слабости въ ногахъ и легкаго головокруженія, въ послѣдніе дни довольно обычнаго. Тогда онъ сталъ пріучать себя къ мысли, что, вотъ, сейчасъ остановится и сядетъ въ кресло, но сдѣлаетъ это плавнымъ движеніемъ, какъ бы выполняя намѣченный планъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, медленно опустившись въ кресло и сейчасъ-же протянувъ руку къ шахматамъ. Слоны были съ хоботомъ, подвернутымъ подъ переднія ноги, ладьи нѣсколько похожи на гондолы, бородатый король обѣими руками опирался на мечъ. Вынимая фигуры, одну за другой, онъ любовался ими, какъ всегда; въ такіе шахматы было пріятно играть. Если съ полной внимательностью и безъ всякаго пристрастія играть за себя и за воображаемаго партнера, то игра должна, повидимому, окончиться въ ничью? Передъ нимъ сидѣлъ докторъ. «Ну, сыграемъ, сыграемъ», — сказалъ онъ вслухъ и подумалъ: «если первыми уставятся бѣлые...» Не глядя, вынималъ изъ коробки и ставилъ на поля широкой доски. Бѣлые опережали; потомъ ихъ стали догонять черные; всѣ фигуры стояли на мѣстахъ, дѣло шло только о пѣшкахъ: съ каждой стороны недоставало по три, потомъ по двѣ. И опять онъ подумалъ: «если первыми уставятся бѣлые...». Онъ вынулъ пѣшку бѣлую, потомъ черную, и когда вынималъ рѣшающую, почувствовалъ въ душѣ холодокъ. Вышла черная пѣшка, и черный рядъ заполнился. Онъ опустилъ въ ящикъ руку за послѣдней пѣшкой, но ея не оказалось; посмотрѣлъ — ящикъ былъ пустъ. Мелькнула мысль, что значитъ все гаданье неправильно, и мысль, пожалуй, пріятная, но нужно было не

думать, а начать игру, вообще что-нибудь дѣлать, иначе придетъ безпокойство. На столѣ пѣшки также не было, и не было на коврѣ около стола. Наклоняясь, онъ почувствовалъ боль. Все-таки нужно найти пѣшку. Онъ всталъ съ неохотой, отодвинулъ кресло, внимательно осмотрѣлъ все кругомъ, еще разъ провѣрилъ пѣшки на доскѣ...

Какъ то совсѣмъ нелѣпо пропала бѣлая костяшка, въ основаніи налитая свинцомъ и подклеенная суконнымъ кружочкомъ. Да и какъ она могла пропасть, когда только-что они играли на этомъ самомъ мѣстѣ въ эти самые шахматы? У каждаго человѣка есть любимыя вещи, всегда ему пріятныя, которыми онъ особенно дорожитъ. Всякій разъ, какъ онъ нагибался, боль давала себя чувствовать, хотя сейчасъ онъ менѣе всего думалъ о ней. Бѣлая, отполированная, пѣшка никуда не могла скрыться; на темномъ коврѣ сразу бросилась бы въ глаза. Онъ догадался поискать въ сидѣньѣ кресла; мелкая вещица можетъ забиться въ щель. Искать было непріятно, тамъ были какія то крошки и пыль, а пѣшки не было.

Онъ выдвинулъ и осмотрѣлъ ящикъ стола, обшарилъ свои карманы, — хотя съ какой же стати... Можно было бы временно замѣнить недостающую пѣшку чѣмъ угодно, монетой, пуговицей, кусочкомъ бумаги. Но мысль его была теперь занята нелѣпой пропажей и болѣе всего боялась отклониться на другой предметъ. Другой предметъ былъ темнымъ, огромнымъ и непреодолимымъ; къ счастью, онъ отошелъ далеко, но каждую минуту могъ снова выплыть и заглянуть въ глаза, подъ самую черепную коробку, и тогда мужеству конецъ. Ему очень хотѣлось пить,

— эта обычная сухость во рту и дурной вкусъ, самое утомительное въ его болѣзни, потому что самое постоянное. Могъ по разсѣянности взять съ собой костяшку, когда провожалъ своего друга, и оставить ее въ передней. Не торопясь, боясь быстрыхъ движеній, онъ вышелъ, убѣдился, что тамъ нѣтъ, и скорѣе вернулся въ ярко освѣщенную комнату. Онъ еще никогда не испытывалъ такой острой къ себѣ жалости и такой обиды: пропала очень цѣнная вещь, и сама по себѣ цѣнная (безъ пѣшки шахматы никуда не годятся) и особенно цѣнная въ данный моментъ, когда онъ одинъ въ своей квартирѣ и приближается ночь. По ночамъ всякая боль становится острой, и гонитъ сонъ. Почему именно съ нимъ случилась такая нелѣпость? Онъ еще разъ обыскалъ карманы, бормоча: «не вѣрю я въ чудеса и никакихъ чудесъ не хочу!». Если бы пальцы его наткнулись на полированную костяшку, онъ былъ бы, пожалуй, счастливъ; со стороны судьбы это было бы маленькимъ одолженіемъ, которое онъ, именно онъ и именно сегодня во всякомъ случаѣ заслуживаетъ. Руки его опустились, и отчаянье, молчаливо поджидавшее въ затѣненномъ уголкѣ комнаты, начало подползать на вкрадчивыхъ лапкахъ. Нужды нѣтъ, что все происходитъ изъ за такого, въ сущности говоря, пустяка. Будетъ забѣгать докторъ, будутъ забѣгать немногіе друзья, будутъ смущенно топтаться и искать предлогъ поскорѣе уйти. Въ томъ магазинѣ, гдѣ шахматы куплены, найдутся, можетъ быть, запасныя пѣшки, хотя это — художественная работа, а не какая-нибудь шаблонщина, какую вездѣ найдешь. Мучительнѣе всего, что заказать нельзя, стыдно и смѣшно;

скажутъ: «будетъ готово черезъ мѣсяцъ». Спросить завтра доктора: «стоитъ заказывать, если черезъ мѣсяцъ?». — Онъ заморгаетъ, станетъ неудачно шутить: «возьми у меня впередъ пѣшку, вотъ тебѣ и все!». — Какъ это получается глупо... Останутся книги, останутся портреты, никому рѣшительно не нужные, останутся письма, если ихъ не сжечь.

Гражданинъ Убываловъ поморщился отъ боли. Обычно въ это время онъ принималъ капли и ложился спать. Докторъ не сказалъ, принимать ли капли и дальше, или это безразлично. Завтра скажу ему: «слушай, я вѣдь отлично понимаю...». Потомъ сядемъ играть; нужно будетъ начать какой-нибудь нескончаемый матчъ, партій въ сто, если успѣется. Разыграемъ гамбитъ Эванса, всегда получается интересно. Убываловъ протянулъ руку, чтобы сдѣлать ходъ, и увидалъ, что нѣтъ бѣлой пѣшки.

Но вѣдь куда-нибудь... гдѣ-нибудь она должна быть! Въ спальню я не заходилъ. Или заходилъ? Онъ отчетливо помнилъ, что выходилъ только въ переднюю. Пѣшка могла упасть и закатиться подъ диванъ, и это вѣрнѣе всего, какъ было не догадаться сразу! Онъ всталъ со внезапно нахлынувшей надеждой и радостью. Если найдется, то все сразу станетъ чудесно! Диванъ тяжелый, и сдвинуть его трудно, особенно при этой боли. Но и такъ, можетъ быть, найдется, если пошарить подъ диваномъ чѣмъ-нибудь длиннымъ, линейкой, палкой.

Линейка стукнула и покатила легкій предметъ. Была только одна секунда, и эта секунда была во всякомъ случаѣ самой счастливой за все его существованіе, начиная съ того времени, какъ два врача

и профессоръ разсматривали туманную картину и кончая послѣдними, полусознательными минутами, когда мученья тѣла убивались морфіемъ. Но линейка извлекла только упавшій за диванъ прокуренный мундштукъ пріятеля - доктора. Въ неудобномъ, наклонномъ положеніи, стоя на колѣняхъ и заглядывая подъ диванъ, Убываловъ довольно остро чувствовалъ боль, но не хотѣлъ отказаться отъ мысли найти пропавшую костяшку. Отъ ковра пахло пылью. Больше ничего подъ диваномъ не было. Тогда онъ, не разгибаясь, проползъ отъ дивана къ книжному шкапу, хотя зналъ, что подъ нимъ нѣтъ щели и закатиться ничто не могло. Откуда то попалъ на коверъ гвоздикъ, о который больно накололась колѣнка. Убываловъ поморщился, потеръ колѣнку и увидалъ надъ собой все тѣ же портреты и книги; на темныхъ корешкахъ книгъ были вытиснены надписи, и все это давно потеряло смыслъ и прежнее значеніе. Отчаяніе, такъ долго сторожившее въ затѣненномъ углу, рѣшило, наконецъ, окончательно выползти на свѣтъ и напасть на человѣка, находившагося въ такой смѣшной и неудобной для защиты позѣ. Изъ мягкихъ ласковыхъ лапокъ оно выпустило когти, впилось человѣку въ грудь и начало потихоньку ее раздирать. Это не сопровождалось никакой особенной болью, кромѣ обычной, но мысль человѣка рѣзко оторвалась отъ бѣлой костяшки и стала тупо ударяться въ стѣны, въ коверъ, въ потолокъ и въ пустой черепъ. Шахматы спутались, стало невозможнымъ слѣдить за игрой, проигранной при всѣхъ условіяхъ, въ любой комбинаціи. И хотя человѣкъ, привыкшій владѣть собой, могъ бы еще подняться, по-

дойти къ зеркалу и шутливо и печально поговорить со знакомыми, но это было ни къ чему, и онъ, оставшись сидѣть на коврѣ посреди комнаты, наклонилъ голову скрещенными пальцами и сталъ, покачиваясь, вглядываться въ семью бронзовыхъ зайчиковъ, прыгавшихъ подъ его опущенными вѣками.

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВѢКА

Посреди большого двора стоялъ человѣкъ, одѣтый достаточно прилично, чтобы его не приняли за нищаго: панталоны были слишкомъ коротки, пиджачекъ блестѣлъ на локтяхъ и у средней пуговицы, но на головѣ человѣка былъ котелокъ умѣренно рыжаго цвѣта. А главное — человѣкъ былъ гладко выбритъ, даже пораненъ бритвой на подбородкѣ и надъ верхней губой. Сновали молодые люди съ книжками и безъ шляпъ, пахло наукой и карболкой, у дверей, размѣченныхъ римскими цифрами, висѣли въ рамкахъ печатныя расписанія. Намѣтивъ худого юношу, шедшаго къ центральной двери, человѣкъ приподнялъ котелокъ:

— Скажите пожалуйста, гдѣ здѣсь театръ?

Юноша отвѣтилъ нѣсколько оскорбленно:

— Здѣсь не театръ, а медицинскій факультетъ.

— Я это знаю, но я разумѣю театръ анатомическій, гдѣ рѣжутъ трупы.

Прежде, чѣмъ войти, человѣкъ оправилъ сюртучекъ, указательнымъ пальцемъ оттянулъ съ кадыка

слишкомъ узкій сѣроватый крахмальный воротникъ и потрогалъ порѣзъ на подбородкѣ. Дверь оказалась тяжелой, тугой, и подтолкнула вошедшаго въ спину. Такъ какъ въ вестибюлѣ никого не было, то человѣкъ не безъ робости пріотворилъ слѣдующую дверь, оказался въ коридорѣ, прошелъ его на цыпочкахъ и постучалъ косточкой пальца въ стекло, за которымъ была видна большая комната, уставленная пустыми столами. Изъ кучки людей въ бѣлыхъ халатахъ отдѣлился одинъ и, выйдя, спросилъ, что угодно пришедшему.

— Простите за безпокойство, — сказалъ человѣкъ, — но я не знаю, къ кому я долженъ обратиться по личному дѣлу.

— А что именно?

— Я имѣю одинъ трупъ, то есть онъ еще не готовъ, но я предполагалъ бы его предложить.

— Предложить трупъ? А вы что же, вы изъ морга?

— Нѣтъ, я живу на частной квартирѣ, такъ сказать въ окрестностяхъ ботаническаго сада. Но я слыхалъ, что вы покупаете трупы для личныхъ надобностей, а такъ какъ я нѣсколько стѣсненъ въ обстоятельствахъ...

Человѣкъ въ бѣломъ халатѣ недоумѣнно оглядѣлъ собесѣдника :

— Я не понимаю васъ... Мы трупы не покупаемъ, намъ доставляютъ изъ больницъ и изъ морга. Но откуда же у васъ трупъ?

— Онъ, такъ сказать, со мной, но, какъ я уже сказалъ вамъ, не совсѣмъ готовъ. Это, собственно, я самъ и есть. Мнѣ пятьдесятъ четыре года, осо-

бенной болѣзненности нѣтъ, однако не мало интереснаго. Скажу откровенно, настоящихъ цѣнъ я не знаю, но разсчитываю, что такое учрежденіе не захочетъ обидѣть человѣка. Самъ безъ особаго образованія, однако науку я высоко уважаю. Вы будете господинъ профессоръ?

— Нѣтъ, я не профессоръ, но это все равно, вы ужъ простите, тутъ явное недоразумѣніе. Здѣсь клиника и анатомическій театръ. Вамъ, вѣроятно, нужно психіатрическое отдѣленіе? Это въ другомъ зданіи.

И пришедшій и человѣкъ въ халатѣ неловко помолчали. Наконецъ, странный господинъ сказалъ:

— Ужъ не знаю, какъ и быть. А не могу ли я поговорить лично съ господиномъ профессоромъ? Его нѣтъ? А нельзя ли передать ему мой адресъ, или же я зашелъ бы въ другой разъ.

— Думаю, что безполезно. Я же говорю вамъ, мы труповъ не покупаемъ, у насъ ихъ достаточно. Пожалуйста простите, мы очень заняты. Ужъ если непремѣнно хотите, пройдите въ канцелярію, а здѣсь работаютъ студенты.

— Я въ канцеляріи былъ, тамъ не понимаютъ. Разрѣшите мнѣ все же... обидно, что я не захватилъ визитной карточки... но вотъ я тутъ написалъ на бумажкѣ свой адресъ. Дѣло въ томъ, что кромѣ всего прочаго, ну тамъ — пищевареніе и умственныя склонности, у меня сердце съ правой стороны, можетъ быть это заинтересуетъ господина профессора. Обычно же, если не ошибаюсь, бываетъ съ лѣвой стороны.

— То есть какъ съ правой?

— Съ правой руки, которой крестятся и дѣлаютъ все прочее. Личная моя особенность. Но я удовлетворился бы приличной единовременной суммой или, если можно, мѣсячной платой на дожитіе. Случай, извините, рѣдкій. Мнѣ говорили, что въ Лондонѣ, напримѣръ, дали бы постоянную пенсію за право располагать трупомъ, но нѣтъ средствъ на поѣздку и, сверхъ того, незнаніе языка.

— Но, послушайте, а вы увѣрены?

— Относительно стороны? Помилуйте, я честный человѣкъ! А впрочемъ достаточно...

И человѣкъ, надѣвъ котелокъ, снятый изъ уваженія къ бѣлому халату, приложилъ обѣ руки къ правой сторонѣ груди, закрылъ глаза, какъ бы слушая далекую музыку, и, въ тактъ ударамъ, легонько закивалъ головой.

Черезъ два дня онъ получилъ приглашеніе явиться на частную квартиру профессора анатоміи.

Вотъ когда, наконецъ, была куплена мягкая сѣрая шляпа, какую обычно носятъ люди извѣстные и свободныхъ профессій. Вотъ когда, наконецъ, костюмчикъ недорогой, но лучшаго конфекціоннаго вкуса, нырнулъ подъ сѣрую шляпу и твердо укрѣпился на новыхъ желтыхъ туфляхъ.

По улицѣ идетъ человѣкъ и съ ласковой, хотя и нѣсколько насмѣшливой улыбкой смотритъ прямо въ глаза встрѣчнымъ, не знающимъ, съ кѣмъ они встрѣтились. Ихъ, этихъ встрѣчныхъ, тысячи и, можетъ быть, милліоны, въ то время какъ онъ

— единственный въ своемъ родѣ. Такъ мимо насъ проходятъ великіе писатели и полководцы, и мы, не зная объ этомъ и толкая ихъ иногда локтемъ, оказываемся въ смѣшномъ положеніи. Переходя же черезъ дорогу, господинъ въ сѣрой шляпѣ (бывшій рыжій котелокъ) поднимаетъ руку надъ головой и этимъ жестомъ останавливаетъ движеніе неосторожныхъ автомобилей: задави его ненарокомъ — и наукѣ крышка!

Кромѣ довольно-таки солидной для него одновременной суммы, онъ получаетъ помѣсячно, что, при полной скромности его жизни, удовлетворяетъ всѣ насущныя потребности. Воздержаніе отъ простуды, горячащихъ напитковъ и волненія: можетъ отозваться на сердцѣ, которое, какъ вы знаете, имѣетъ необычное мѣстопребываніе и принадлежитъ наукѣ и человѣчеству. Разъ въ мѣсяцъ — обязательное посѣщеніе профессора, который жметъ руку и спрашиваетъ: «ну, какъ мы себя чувствуемъ?». — Мы себя чувствуемъ преотлично, и профессоръ, потирая руки и предвкушая будущее, лицемѣрно говоритъ: «вотъ и прекрасно!» — а самому хочется вотъ тутъ же, сейчасъ, чиркнуть скальпелемъ подъ шестымъ ребрышкомъ и посмотрѣть, что у человѣка перемѣщено, а что остается на мѣстѣ. Отъ профессора человѣкъ въ сѣрой шляпѣ выходитъ кандибоберомъ и съ хитрой усмѣшечкой: «подождешь, а мнѣ не къ спѣху!». Профессору шестьдесятъ пять лѣтъ и, конечно, онъ боится не успѣть, но свои опасенія скрываетъ подъ ласковымъ вниманіемъ: «вы не простудитесь въ такомъ легкомъ пальто?» — «Помилуйте, я ужъ такъ берегусь, чтобы чего-нибудь вамъ не напор-

тить». — «Да нѣтъ, я не о томъ», — и сердце съ правой стороны радостно екаетъ: подождешь.

На недѣлѣ раза два вызываютъ письмомъ явиться то въ аудиторію, то на ученый докладъ, ибо это предусмотрѣно договоромъ. Надѣвается чистая рубашка. Студенты слушаютъ черезъ трубочку и смотрятъ съ почтеніемъ. — «Обычно въ такихъ случаяхъ правое и лѣвое легкое какъ-бы мѣняются мѣстами», — говоритъ профессоръ. И экспонатъ съ правымъ сердцемъ обиженно думаетъ про себя, но вслухъ не говоритъ: «Ахъ, обычно? Можетъ быть поищете кого другого?». — И запахиваетъ рубашку, ссылаясь на то, что въ аудиторіи холодно, а ему менѣе всего хотѣлось бы простудиться; къ тому же онъ щекотливъ, а студенты такъ неосторожно тыкаютъ пальцами. Вообще онъ держитъ себя важно, потому что въ жертву наукѣ онъ принесъ свой будущій трупъ, а отнюдь не живую личность. А слава — что слава для мудреца? Ничтожная игрушка!

Мысль жениться пришла ему на его пятьдесятъ седьмой веснѣ. Вообще — прекрасная мысль, но въ данномъ случаѣ оказавшаяся губительной. Весной человѣка пригрѣваетъ солнце, и тутъ еще чирикаютъ разныя птички, женщины въ новыхъ шляпкахъ, кошки и собаки проявляютъ несдержанность чувствъ. Его выборъ палъ сначала на очень молодую дѣвушку, маникюршу въ парикмахерской, гдѣ онъ брился передъ лекціями и засѣданіями ученыхъ обществъ.

Въ его жизни это былъ первый и послѣдній маникюръ, въ общемъ неудачный. Когда онъ уже отшлифованнымъ пальцемъ провелъ по щечкѣ дѣвицы, она едва не плеснула ему въ лицо тазикъ мыльной воды. Онъ объяснилъ ей, что его намѣренія совершенно серьезны и что онъ не обычный человѣкъ, а не малая извѣстность въ ученомъ мірѣ, какъ имѣющій сердце съ правой стороны. Она закончила ему ногти, но отвѣтила отказомъ въ неоскорбительной формѣ. Вотъ тогда то онъ и перенесъ вниманіе на роковую женщину съ пріятной аномаліей: полоской черныхъ усиковъ надъ модной окровавленностью губъ. Ей было только тридцать три года, и лишь впослѣдствіи, въ день заключенія брака, оказалось сорокъ, и то лишь на бумагѣ. Она была вдовой второго мужа, шила шляпки и согласилась жить въ двухъ комнатахъ съ кухней. Онъ, конечно, самъ виноватъ, что выдалъ себя за скромнаго рантье, намекнувъ и на доходы съ ученыхъ докладовъ, которые онъ дѣлаетъ. Вообще все это произошло быстро, чему способствовала весна, сѣрая шляпа и ея усики. Изъ осторожности онъ побывалъ у профессора и справился, нѣтъ ли какихъ препятствій его женитьбѣ. Не только не было препятствій, но профессоръ горячо его поздравилъ, профессоръ былъ очень, очень радъ, хотя и удивленъ. Профессоръ сказалъ:

— Единственное, что я обязанъ оговорить, это — чтобы ваша женитьба не вызвала впослѣдствіи... вы меня простите, но вы понимаете... какихъ нибудь осложненій по части нашего соглашенія. Вы, конечно, предупредили вашу невѣсту?

Осложненій? Но развѣ его сердце принадле-

житъ не ему? Лишь символически онъ передаетъ его чернымъ усикамъ! И онъ отвѣтилъ:

— Господинъ профессоръ, я честный человѣкъ. То, что я имѣю, чѣмъ я, такъ сказать, могу гордиться, принадлежитъ намъ, и я отдаю его женѣ лишь во временное пользованіе.

Когда она его била, руками, тарелкой, щеткой, другими предметами, онъ, какъ честный человѣкъ, старался повертываться къ ней лѣвой стороной, какъ не имѣвшей большого значенія для науки. Но падали волосы, и жизнь человѣка сокращалась къ невыгодѣ ихъ обоихъ: любовь и коварство жгли съ обоихъ концовъ эту свѣчу, предназначенную освѣтить темныя страницы анатоміи и физіологіи. Онъ жестоко ошибся: теперь ему не принадлежалъ не только трупъ, но и живое тѣло. Описывать его жизнь подробно не стоитъ: она стала жизнью обыкновеннаго человѣка.

Однажды профессоръ сказалъ ему:

— Что это вы такъ похудѣли? Питаетесь недостаточно? А ну-те, дайте-ка я васъ выслушаю.

Онъ привычно снялъ уже потрепавшійся и блеснувшій локтями пиджачекъ (и сѣрая шляпа давно потеряла прежній видъ!), растегнулъ рубашку, и, едва приложивъ къ его правой груди стетоскопъ, профессоръ, не въ силахъ скрыть радости, воскликнулъ:

— Пе-ре-бо-и!

Но это было хуже, чѣмъ простые перебои.

⁂

Не стѣсняясь сосѣдей, она кричала:

— Ступай къ своимъ дуракамъ, и скажи имъ, что я не согласна.

— Но я обязанъ, я за это получаю.

— Ты получаешь, а мнѣ потомъ ни гроша не заплатятъ. Я не обязана давать имъ даромъ свое добро. Такъ имъ и скажи: если мнѣ не дадутъ дополнительно, я тебя сожгу.

Ужасно! Онъ плелся, страдая одышкой, къ профессору, который по добротѣ не говорилъ, что его нѣтъ дома. Онъ стыдился торговаться, но предупреждалъ, что эта женщина на все способна; она его дѣйствительно сожжетъ въ крематоріи.

— Мой дорогой, — грустилъ и профессоръ, я понимаю васъ, но что же намъ дѣлать! Мнѣ и говорить то съ вами объ этомъ странно. Не можемъ же мы выплачивать ей пенсію, какъ платили вамъ. А нельзя ли ей обѣщать, что мы потомъ ей выдадимъ. То есть я хочу сказать, что она можетъ, если хочетъ, сжечь... вы меня простите... ну, тамъ, что останется.

Честный человѣкъ сумрачно отвѣчалъ:

— Какое! Я ей предлагалъ, она говоритъ: — «знаю, они мнѣ отдадутъ всякую дрянь, а главное оставятъ себѣ». То есть это она про сердце.

— Дѣйствительно, — застѣнчиво бормоталъ профессоръ, — сердце мы дѣйствительно хотѣли бы сохранить въ банкѣ. Ужъ не знаю, какъ и быть.

— Господинъ профессоръ, все-таки право на нашей сторонѣ, хотя адвокатъ ей сказалъ, что, по использованіи, намъ придется меня ей вернуть. Вотъ я и думаю, нельзя ли поступить такъ: вы ей

ненужное отдайте, а вмѣсто сердца, скажемъ, вы сунете ей эту, которая... какъ ее... ну, напримѣръ, печонку? Она не разберетъ, увѣряю васъ. Она и на базарѣ плохо разбираетъ. Я бы никогда не предлагалъ такого обмана, но для науки я готовъ на все. Или, въ крайнемъ случаѣ, почки, хотя почки она иногда готовитъ.

Они сидѣли грустные и обсуждали. Въ тѣ дни профессоръ искренне полюбилъ и оцѣнилъ этого человѣка, достойнаго, справедливаго, но убитаго неудачной женитьбой.

Въ осенній день плакали крыши. По просьбѣ больного, докторъ обѣщалъ предупредить профессора; онъ предупредилъ его наканунѣ.

Бывшій замѣчательный человѣкъ лежалъ на столѣ безъ шляпы, пиджака и остальныхъ принадлежностей живого человѣка и оказывалъ посильную помощь наукѣ.

— Этотъ феноменальный случай показываетъ, — громко говорилъ профессоръ, — что несмотря на обратное положеніе сердца и обоихъ легкихъ, функціи соотвѣтствующихъ органовъ совершаются, въ общемъ, вполнѣ нормально. Данный субъектъ прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, средній нормальный возрастъ человѣка, и даже женился за три года до смерти.

Въ вестибюлѣ женщина, сдерживаемая швейцаромъ, визжала :

— Либо пусть мнѣ сейчасъ дадутъ тысячу, либо я соберу всю улицу и такой сдѣлаю скандалъ, что они своихъ не узнаютъ.

— Вамъ, сударыня, сказано, что трупъ тутъ по полному праву, а потомъ вамъ выдадутъ для погребенія. А скандалить тутъ нельзя, а то и полицію позовемъ.

— Я знаю, что мнѣ выдадутъ! Мнѣ главнаго не выдадутъ, а я — жена, и я тоже въ полномъ правѣ, мнѣ сказалъ адвокатъ. И чтобы мнѣ главное выдали цѣликомъ, или полностью заплатили всѣ убытки, и безъ этого я не уйду.

— ...субъектъ велъ правильный образъ жизни, не употреблялъ спиртныхъ напитковъ, и нѣкоторое перерожденіе сердечныхъ мышцъ мы относимъ...

И профессоръ, подковырнувъ резиновымъ пальцемъ сизо-красный комочекъ, задержалъ на немъ вниманіе аудиторіи.

КАБИНЕТЪ ДОКТОРА ЩЕПКИНА

Послѣ того, какъ пять врачей, одинъ другого знаменитѣе, и въ томъ числѣ два иностранца, съ рѣдкимъ единодушіемъ признали, что спасти Бородулина можетъ только строжайшій режимъ питанія (ни того, ни этого, ни въ коемъ случаѣ, — и прочее), при полнѣйшемъ покоѣ, постоянномъ врачебномъ наблюденіи, никакихъ занятій, никакихъ волненій, ни одной папиросы, ни одной рюмки, дважды въ день то, дважды въ недѣлю это, и малѣйшее нарушеніе этихъ предписаній можетъ кончиться катастрофой, послѣ этого жизнь нестараго человѣка, богатаго и очень дѣятельнаго коммерсанта, утратила всякій смыслъ. Нѣкоторое время онъ подчинялся, сидѣлъ, лежалъ, глоталъ, бездѣйствовалъ, сосалъ мундштукъ съ ароматической ватой, жевалъ безвкусный рисъ и куриную котлетку и подписывалъ счета и векселя, не вникая въ дѣло, но почувствовалъ, что если такъ просуществовать не только годъ, а хотя бы два мѣсяца, то тошнота и боли, можетъ быть, пройдутъ, но сумасшествіе грозитъ ему навѣрное. Строгаго и

дорогого врача, навѣщавшаго его черезъ день, онъ возненавидѣлъ всей душой, отвѣчалъ ему грубо и трясся отъ злости при его вопросахъ и замѣчаніяхъ, самыхъ обычныхъ. Сверхъ того онъ почувствовалъ, что отъ постояннаго голоданія и безвкусной дряни, которою его пичкали, онъ сталъ слабѣть и впадать въ сонливость, чего раньше не было никогда. И когда докторъ потребовалъ, чтобы онъ дважды въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ, проводилъ весь день въ постели и пригласилъ сестру милосердія для правильнаго ухода, Бородулинъ, сидѣвшій въ креслѣ своей собственной фабрики, въ халатѣ и туфляхъ, налился кровью и прошипѣлъ : убирайтесь къ чорту!

Конечно, это было истолковано болѣзненнымъ состояніемъ, врачъ не позволилъ себѣ обидѣться и, не повышая голоса, сказалъ :

— Сдерживайтесь и старайтесь не волноваться. Чтобы вамъ въ этомъ помочь, я удалюсь, а вы потрудитесь серьезно подумать о своемъ состояніи и передо мной извиниться. Можете и по телефону.

Не подавъ больному руки, лишь снисходительно кивнувъ ему головой, докторъ дѣйствительно удалился, надѣлъ въ передней пальто, тихо и спокойно сошелъ съ лѣстницы, и, на пути къ другимъ больнымъ, размышлялъ о томъ, какое важное значеніе во врачебной профессіи имѣетъ выдержка, особенно, когда больной — человѣкъ некультурный, чтобы не сказать хамъ.

Вернувшись домой довольно поздно, онъ нашелъ письмо, со вложеніемъ безспорнаго и вполнѣ приличнаго чека и корявой благодарностью за услуги, въ которыхъ надобности въ дальнѣйшемъ не пред-

видится. Рядомъ съ подписью была чернильная клякса отъ слишкомъ энергичнаго дѣйствія пресс-бюваромъ.

***

На другой день, проснувшись бодрымъ и посвѣжѣвшимъ, фабрикантъ мебели Бородулинъ продѣлалъ весь курсъ неблагоразумія: хорошо позавтракалъ, выкурилъ папиросу, поѣхалъ въ свою контору, распорядился текущими дѣлами, пошелъ домой пѣшкомъ и, на серединѣ пути, почувствовалъ припадокъ сильной боли и тошноту. Это произошло въ Кривоколѣнномъ переулкѣ, сокращавшемъ дорогу къ его собственному дому, съ Маросейки на Чистые Пруды. Пріостановившись у невзрачнаго крыльца, онъ подумалъ, что врядъ ли случится тутъ проѣзжій порожній извозчикъ. На двери была мѣдная, давно не чищенная дощечка съ надписью: «Докторъ Щепкинъ, пріемъ 4-7». Первое что подумалъ Бородулинъ, могло быть выражено словами: «Чортъ бы васъ всѣхъ...». — Затѣмъ онъ взглянулъ на часы, сердито сунулъ ихъ въ карманъ и позвонилъ. Ему отворила женщина въ платкѣ, пропустила его въ переднюю и указала рукой на дверь пріемной, гдѣ уже сидѣло человѣкъ пять. Бородулинъ вошелъ недовѣрчиво и съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, но поспѣшилъ сѣсть, такъ какъ боль была несносной. Тотчасъ же изъ дверей докторскаго кабинета вышелъ старичокъ, и вслѣдъ за нимъ высунулась косматая голова въ очкахъ: кто? Бородулинъ привсталъ было, но его опередила дама, а докторъ въ бѣломъ халатѣ кивнулъ

ему головой и сказалъ: обождите, да снимите пальто, не къ чему париться! Газетку почитайте.

Неизвѣстно почему, Бородулинъ заспѣшилъ, снялъ пально, самъ отнесъ его въ переднюю, повѣсилъ и, вернувшись, почувствовалъ себя гораздо лучше. Главное, — прошла его злость, а съ нею и тошнота и боль. Молчаливыя лица паціентовъ показались ему знакомыми и симпатичными: румяная дама съ блѣдной, худенькой дѣвочкой и здоровенный человѣкъ съ испуганнымъ лицомъ, не сводившій глазъ съ двери докторскаго кабинета. Этотъ ждалъ минутъ десять, за нимъ были приняты мать съ дочерью, которыхъ докторъ, долго продержавъ, проводилъ съ большой ласковостью, и затѣмъ поманилъ пальцемъ Бородулина:

— Ну, что въ газетѣ вычитали? Пожалуйте!

Небольшой письменный столъ былъ старъ и обшарпанъ, кресло съ сомнительными пружинами и износившейся кожей, шкапъ — довольно солиденъ, еще два столика съ приборами и койка, крытая чистой простыней. Обстановка вообще болѣе, чѣмъ скромная, а съ точки зрѣнія фабриканта модной мебели — позорная. Докторъ Щепкинъ смотрѣлъ сквозь очки и слушалъ разсказъ больного о консультаціяхъ, изслѣдованіяхъ, предписаніяхъ, о боли, слабости, режимѣ и всемъ прочемъ, чѣмъ могъ похвалиться и на что пожаловаться паціентъ. Слушалъ съ интересомъ и вниманіемъ, но раза два прикрылъ рукой зѣвоту, потому что былъ плохо выспавшись. Услыхавъ имена знаменитостей, лѣчившихъ Бородулина, спросилъ:

— А ко мнѣ какъ попали?

— Я хожу домой мимо, Кривоколѣннымъ.

— Ну, ладно, раздѣньтесь, помну вамъ животъ.

Мялъ долго, но съ осторожностью, потомъ еще разспрашивалъ, что-то записалъ въ свою книгу, и пока паціентъ застегивался, докторъ чесалъ себѣ карандашикомъ затылокъ. На вопросъ паціента, что съ нимъ, отвѣтилъ, что — откуда же мнѣ знать, батюшка, я вѣдь не медицинская свѣтила! Посмотримъ, полѣчимся, вотъ, капельки попринимаете, если больно будетъ; а не будетъ больно — зря не глотайте. Не поправитесь черезъ недѣльку — опять загляните. Ѣсть попробуйте все, только не очень жирное, и не перeѣдайте. Вина не совѣтую. Ужъ лучше водку, отъ нея вреда мало.

— Курить можно ли?

— Да вѣдь при чемъ тутъ табакъ, когда кишочки у васъ слабы? Дымите!

— А лежать?

— Если неможется — лягте, а зря не нужно. Дѣлайте, какъ нравится.

— А какъ же мнѣ говорили...

— Кто говорилъ, тѣ знали, а я вашей болѣзни толкомъ еще не знаю. Особеннаго, по-моему, ничего нѣтъ, у кого брюхо не болитъ. Но бываетъ, что и помретъ человѣкъ; значитъ, что-нибудь было неладно. Да вы не бойтесь!

Бородулинъ, которому докторъ Щепкинъ очень понравился, попросилъ было его навѣщать первое время, но докторъ рѣшительно отказался:

— Что-жъ навѣщать васъ, время тратить? Если будетъ плохо — вызовите меня, а то сами зайдите. Пока капельки принимайте, можетъ и пройдетъ.

Уходя, Бородулинъ неуклюже жалъ вялую докторскую руку и высвобождалъ изъ пальцевъ кредитку. Докторъ сказалъ просто: а вы бы на тарелочку, безъ стѣсненія! — и, взглянувъ, прибавилъ: — вонъ вы какой тузъ, видно богаты! Ну, до-свиданья, много водки, все таки, не пейте, пожалѣйте кишочки!

Больше больныхъ сегодня не было. Сѣвъ за столъ, докторъ огляд҄ѣлся съ довольнымъ видомъ, потому что больше всего онъ любилъ сидѣть въ одиночествѣ, въ привычной обстановкѣ, за удобнымъ столомъ передъ знакомой чернильницей. Вотъ только провѣтрить комнаты, можетъ быть вздремнуть полчаса и потомъ усѣсться плотнѣе съ интересной книжкой взятой изъ библіотеки, со спокойнымъ романомъ или смѣшными разсказами, гдѣ люди хоть и не настоящіе, зато безъ болячекъ, припухшихъ миндалинъ, хроническихъ насморковъ и ущемленныхъ грыжъ. Докторъ любилъ и свою настольную лампу, и разрѣзательный ножъ, и молчаливаго собесѣдника — кресло съ сомнительными пружинами, и шкапъ, подъ ножку котораго была подложена для равновѣсія дощечка. И койку, съ которой нужно снять простыню. И картину въ рамкѣ: Левъ Толстой на пашнѣ.

Бородулинъ пришелъ вторично черезъ двѣ недѣли, къ началу пріема, первымъ. Въ кабинетъ вошелъ веселымъ и влюбленнымъ, радостно повѣдалъ:

— Капли ваши принималъ только три раза,

больше и не понадобились. Либо капли чудотворныя, либо самъ вы, докторъ, кудесникъ, а только сталъ я здоровехонекъ, какъ рукой сняло. Вотъ и пришелъ сказать.

Докторъ Щепкинъ довольно ухмыльнулся:

— Вотъ и ладно. Капли эти не лѣчатъ, только боль унимаютъ. Ничего у васъ такого и не было, очевидно; что было — само и прошло. Однако, не хвастайте и не шикуйте, будьте впередъ осторожны, кишочки у васъ, все - таки, не такъ, чтобы очень...

Еще черезъ двѣ - три недѣли фабрикантъ Бородулинъ явился въ обычное время, извинился и настойчиво заявилъ, что придется доктору назначить день, когда ему удобнѣе и свободнѣе, и въ этотъ день прикатитъ къ нему благодарный паціентъ, котораго онъ, можно сказать, спасъ отъ болѣзни и отъ грабителей и мучителей, и который хочетъ ему за все это благодѣяніе поднести одну - двѣ бездѣлушки своего производства, а вотъ пока... и положилъ на тарелочку конвертъ, смятый вложеніемъ и лежаніемъ въ карманѣ. — Докторъ Щепкинъ смутился и сказалъ, что это ужъ, пожалуй, и напрасно, изъ - за такого пустяка. А день — какой день? Ну, скажемъ, послѣзавтра, во вторникъ, часу во второмъ. — Все это вы напрасно. На водку, все же, очень - то не налегайте. Не пьете? Ну, не пьете — ваше дѣло! Жирнаго поменьше.

Во вторникъ подъѣхалъ къ дому въ Кривоколѣнномъ грузовикъ, мебельная фура фирмы Бородулина, а за фурой и онъ самъ на хорошей машинѣ. Въ квартирѣ бывшій паціентъ распоряжался за хозяина, а докторъ бродилъ безпомощно, ворча и

вздыхая. Всю мебель изъ его кабинета вынесли на чердакъ, всю до послѣдней скамеечки, оставивъ только его приборы. Внесли письменный столъ большой, краснаго дерева, два превосходныхъ кожаныхъ кресла, шкапъ подъ стиль прочаго, шкафчикъ поменьше, столики съ досками, крытыми стекломъ, и даже койку, надлежащей мѣры, все прекрасное и дорогое, отчего помутнѣлъ потолокъ, стѣны и вся комната смутилась, какъ дѣвушка, наряженная подъ шикарную даму. То же было и въ докторской пріемной, такъ что онъ нахмурился и не сталъ смотрѣть, и ахала за него старая женщина въ платкѣ, его прислуга. Былъ шумъ, стукъ, шарканье ногъ, скрипъ чердачной лѣстницы, перебранка рабочихъ, командный голосъ Бородулина, бодраго, здороваго и довольнаго за себя, и за доктора, и за его прислугу, которая не повѣрила глазамъ, когда фабрикантъ сунулъ ей въ руку бумажку. Когда же все смолкло, моторы загудѣли и отдалились, въ квартирѣ наступила тишина, жуть и неуютность, старуха взялась за метлу и тряпку, докторъ сѣлъ за новый столъ, сунулъ, не разбирая, въ незнакомые ящики знакомыя бумаги, и былъ такъ грустенъ и такъ разстроенъ, что самъ принялъ какія-то капли съ запахомъ эфира.

Въ обычный часъ явились паціенты, и сегодня были они не пообычному осторожны, отвѣчали односложно, клали на тарелочку больше, чѣмъ докторъ привыкъ, можетъ быть потому, что и онъ былъ непривѣтливъ, мрачноватъ и даже придирчивъ. Въ шикарной обстановкѣ новаго кабинета онъ казался себѣ шарлатаномъ, фанфарономъ, выскочкой и заму-

хрышкой. Прописывалъ преимущественно касторку, на одного больного даже накричалъ. Всѣ они ему ужасно надоѣли.

Когда же комнаты были, по обыкновенію, провѣтрены и наступилъ часъ докторскаго отдыха, — ничего изъ отдыха не получилось. Мебель блестѣла, на столѣ стоялъ бронзовый приборъ съ ненужными вещами, подсвѣчниками и увѣсистымъ прессомъ, кресла пахли кожей, не на что было положить локти, и даже лампа была новая, а старая уѣхала на чердакъ. Главное — въ застольномъ креслѣ, въ сидѣньѣ, не было годами промятой ямки, а спинка холодила.

Посидѣвъ съ полчаса и ничего не понявъ въ романѣ, вчера съ удовольствіемъ начатомъ, докторъ Щепкинъ всталъ, вышелъ въ спальню, попробовалъ почитать лежа въ постели, къ чему не привыкъ и чего не любилъ, затѣмъ, мрачно побродивъ по всѣмъ тремъ своимъ комнатамъ, тихонько, стараясь не скрипѣть ступенями, пробрался на чердакъ, захвативъ свѣчу. Тамъ онъ возился долго, двигалъ, переставлялъ, устраивалъ, даже стучалъ молоточкомъ, и не раньше, какъ часъ спустя, сошелъ внизъ за оставленной въ кабинетѣ книгой. Онъ былъ особенно удовлетворенъ тѣмъ, что на чердакѣ оказалась керосиновая лампа, а лавочка, въ которую онъ послалъ прислугу, была недалеко, на углу. Потомъ онъ самъ заправилъ лампу, давшую уютный огонекъ на старомъ письменномъ столѣ, передъ которымъ было

поставлено кресло съ удобной выемкой въ сидѣньѣ и привычной спинкой. Старый шкапъ стоялъ справа, хотя нѣсколько ближе, такъ какъ мѣста на чердакѣ было мало. Но его хватило для другого кресла — съ сомнительными пружинами, а чернильница такъ и была принесена, вмѣстѣ со столомъ, въ которомъ остались и нѣкоторыя бумажки.

Романъ былъ обширный, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, но эти лица быстро между собой перезнакомились и улыбались доктору съ полнымъ сочувствіемъ. Герой былъ порядочной тряпкой, и героиня имъ вертѣла, какъ старымъ разрѣзательнымъ ножомъ. Кое-кто изъ лицъ второстепенныхъ усѣлся на койку, лишенную покрышки, но еще крѣпкую. Чердакъ былъ теплымъ, хотя немного пахло пылью и кошкой. Внизу, у лѣстницы, стояла старая женщина въ платкѣ и прислушивалась. Все было тихо, докторъ иногда откашливался и перелистывалъ страницу.

. С У Д Ь Б А

Леонидъ Викторовичъ... если дальше назвать и фамилію, то это будетъ значить выдать человѣка головой, потому что онъ, не будучи большой извѣстностью, все же имѣлъ въ Москвѣ толпу поклонницъ и его лекторскихъ талантовъ, и его утонченнѣйшихъ эстетическихъ взглядовъ. Между тѣмъ, разсказъ идетъ о странной шуткѣ человѣческой судьбы, которая любитъ выставлять въ смѣшномъ видѣ даровитыхъ людей. Леонидъ Викторовичъ и такъ ужъ былъ сотворенъ не вполнѣ удачно: былъ роста ниже средняго и вынужденъ держать голову высоко, что, при нѣкоторой его сутуловатости, дѣлало его съ мужской точки зрѣнія забавнымъ. Но женщинамъ въ интересномъ человѣкѣ нравятся даже и внѣшніе недостатки, а къ тому же у него были сѣрые задумчивые дѣтскіе глаза и размѣренно-убѣдительный голосъ. Леонидъ Викторовичъ писалъ и читалъ о литературѣ и искусствѣ эпохи возрожденія, но дѣлалъ также экскурсы и въ область литературы современной, преимущественно западной. Его художественныя оцѣнки были точны, ясны и неопровержимы; онѣ

вполнѣ соотвѣтствовали взглядамъ и эстетическимъ требованіямъ художественной элиты того времени, издававшей журналы на отличной бумагѣ и не допускавшей сомнѣній въ своей непогрѣшимости. Выработался опредѣленный стиль статей, вѣско-авторитетный, нѣсколько перегруженный «измами» и именами собственными въ ихъ правильномъ чтеніи и начертаніи, полупрезрительный въ отношеніи всякихъ доморощенныхъ сужденій, — языкъ посвященныхъ, недоступный массѣ, на которомъ элита выражалась съ завидной легкостью и свободой. Именно въ то время вышли изъ моды волнующіе споры, широкополыя шляпы, галстуки «фантези», перцовка, прокуренныя трубки, все, что пахло богемой. Леонидъ Викторовичъ носилъ стоячій воротничекъ, темно-сѣрый костюмъ, котелокъ и перчатки на обѣихъ рукахъ, не позволяя себѣ снимать правую при уличныхъ рукопожатіяхъ. Не имѣя возможности — по бѣдности — обставить стильно и строго-изящно свою единственную холостую комнату, онъ не допускалъ все же фотографій на стѣнахъ, имѣлъ небольшую подобранную библіотеку, свидѣтельствовавшую о цѣльности вкусовъ и духовныхъ запросовъ, прижималъ листы своихъ рукописей на столѣ осколкомъ античнаго мрамора со слѣдами шлифовки, вывезеннымъ изъ Италіи (тамъ ихъ тысячами изготовляютъ и разбрасываютъ на форумѣ, чтобы туристы не ломали и не крали настоящихъ), и держалъ на видномъ мѣстѣ переплетенный въ кожу томикъ апулеева «Золотого осла», при чемъ Апулея онъ называлъ, конечно, «колдуномъ изъ Мадавры». Но это уже маленькія слабости, простительныя

человѣку, у котораго нѣтъ средствъ обставить себя подобающе.

Ему было тридцать пять лѣтъ, — возрастъ, когда волосы еще не теряютъ блеска, но уже начинаютъ рѣдѣть. Онъ былъ холостъ — не случайно, а принципіально. И, дѣйствительно, можно-ли совмѣстить съ чистымъ искусствомъ семейныя заботы, законную любовь, салфеточки и дѣтскій слюнявчикъ? Всегда чистоплотный, занятой мыслями возвышенными, онъ чуждался и легкихъ отношеній съ женщинами, падая рѣдко и лишь въ обстановкѣ незаурядной, хотя бы нѣсколько напоминавшей классическіе образцы. Собственно, по натурѣ онъ былъ довольно робокъ, скрывая это унижающее мужчину качество подъ маской холодности и вѣжливаго пренебреженія. Опытныхъ женщинъ это, конечно, не обманывало, но молоденькія слушательницы его лекцій чувствовали свою передъ нимъ малость и были убѣждены, что только совершенно необыкновенная женщина, равная ему по уму и таланту, могла бы надолго занять его вниманіе и завоевать расположеніе; и эта женщина была бы счастливѣйшей! Она должна быть высокаго роста, царственной осанки и знать наизустъ безъ запинки имена художниковъ и писателей эпохи возрожденія и названія всѣхъ ихъ произведеній въ краскахъ и словѣ, — да и то неизвѣстно, не собьетъ - ли онъ ее на чемъ - нибудь и не скажетъ - ли, постукивая пальцами правой руки по сжатому кулаку лѣвой (его обычная манера) и поднимая къ потолку рѣсницы сѣрыхъ глазъ : «Д-да, но дѣло въ то-омъ, что...» — одновременно и вѣжливо и уничтожающе.

Мы съ Леонидомъ Викторовичемъ были сосѣдями и старыми знакомыми, но, конечно, не друзьями. Другъ, это такой человѣкъ, котораго можно похлопать по плечу (если онъ еще не отрастилъ живота) и сказать ему: «Ну что, братъ, божья коровка, все обучаешь дѣвушекъ эстетикѣ?» — Говорить такимъ тономъ съ Леонидомъ Викторовичемъ было невозможно; онъ просто улыбнулся бы мило и кривовато и отошелъ, потому что фамильярность была ему невыносима. И хотя наши отношенія всегда были очень хороши, но онъ, конечно, меня немного презиралъ, какъ человѣка, занятаго дѣлами общественными и писавшаго статьи на политическія темы. При томъ я однажды за одну бесѣду спуталъ братьевъ Лука и Андреа делла Роббіа, не зналъ, кто такой Джованни дель Черведьера да Ровеццано и назвалъ выцвѣтшую Джоконду желторылой кормилицей, а ея улыбку отвратительной. Послѣднее сорвалось у меня съ языка въ припадкѣ раздраженія: можетъ-ли быть что-нибудь невыносимѣе людей, носящихъ въ карманѣ складной аршинъ и лакмусовую бумажку и оцѣнивающихъ все мѣркой и реактивомъ, утвержденными пробирной палаткой сегодняшнихъ законополагателей искусства! Эти люди считаютъ за личное оскорбленіе, если сказать имъ: у Данте желудокъ варилъ хуже, чѣмъ у Боборыкина; порода педантовъ, боящихся оскандалить себя самостоятельностью оцѣнокъ, секта аристократовъ со всѣми качествами связанной мѣщанской мысли, благополучно дожившая и до сегодняшняго дня, — внуки и праправнуки княгини Марьи Алексѣвны.

Впрочемъ, Леонидъ Викторовичъ былъ милѣе другихъ, и вообще человѣкъ не глупый. Можетъ быть, онъ и снобомъ былъ по нѣкоторой робости: славилъ орхидею боясь быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ герани. Вотъ на такихъ-то людей судьба и любитъ обрушиваться неожиданностями, подминая ихъ подъ себя и растрепывая ихъ прилизанные волосы. И — чортъ возьми — справедливо! Говорю безъ злобы, а скорѣе съ нѣкоторымъ состраданіемъ, потому что по-человѣчеству и ученаго пустобреха все таки жалко; а житейскіе уроки идутъ ему на пользу.

Ради подсобнаго заработка Леонидъ Викторовичъ выѣзжалъ иногда лекторомъ въ провинцію, и даже это любилъ. Ужъ если въ Москвѣ онъ производилъ впечатлѣніе, то въ какой-нибудь незамысловатый городъ пріѣзжалъ прямо героемъ и знаменитостью; тамъ его заласкивали, кормили жареной курицей и поили слабой черносмородинной настойкой, до которой художественные снобы столь же охочи, какъ и рыхлыя купчихи: пригубливаютъ, и на каждую пузатую рюмочку по два-три умныхъ изреченія. Возвращался онъ всегда довольнымъ, подробностей не разсказывалъ, но не могъ сдержать улыбки пріятныхъ воспоминаній. И вотъ какъ-то я ему говорю: «Охъ, опасаюсь я этихъ вашихъ путешествій! Въ провинціи, это какъ въ запущенномъ барскомъ саду: наткнешься иногда на одичалый цвѣточекъ очаровательнаго аромата... И оглянуться не успѣешь». — Онъ, будучи благодушно настроеннымъ, на этотъ разъ не обидѣлся, только сказалъ: «Какъ вы знаете, я не поклонникъ мѣщанства». — «Такъ-то такъ, а вотъ

помяните мое слово: поймаетъ васъ какая-нибудь Анна Петровна!» — Презрительно пожалъ плечами.

И случилось, что однажды вернулся онъ изъ своего провинцiальнаго похода нѣсколько смущеннымъ и растрепаннымъ. Ничего не разсказываетъ, но я вижу, что человѣку не по себѣ. Что-то такое случилось, что не подходитъ подъ стиль «колдуна изъ Мадавры» и бальзаковской «Шагреневой кожи», о которой на прошлой недѣлѣ онъ говорилъ такъ вдохновенно. И головка ниже, и дѣтскiе глазки какъ-то безпокойны, а главное — нѣтъ этой привычной увѣренности въ себѣ и въ эпохѣ возрожденiя. Недѣлькой позже опять уѣхалъ, хотя ни о какомъ новомъ приглашенiи я отъ него не слыхалъ. Вообще — маленькая таинственность и непредусмотрѣнные бюджетомъ расходы; по сосѣдству призанялъ у меня немножко денегъ, хотя случалось это и раньше. Затѣмъ, какъ будто, все направилось, опять взялся за свои статейки и московскiя лекцiи по западной литературѣ. А мѣсяца черезъ полтора сорвался съ мѣста и опять уѣхалъ, забросивъ мнѣ записочку — кого-то тамъ извѣстить о важномъ дѣлѣ, препятствующемъ ему выступить такого-то числа. Дней пять пробылъ въ отсутствiи, и когда опять вернулся, я понялъ, что бѣдный мой Леонидъ Викторовичъ влопался въ скверную исторiю. Понялъ я нюхомъ, прежде чѣмъ узналъ отъ него. Узналъ же я отъ него первымъ — попалъ въ исповѣдники.

Это естественно. Правда, я братьевъ делла Роббiа спуталъ и Монну Лизу обидѣлъ зря. Но когда приходится плакать въ жилетку, то такiе люди, въ вопросахъ искусства заблуждающiеся, — въ

дѣлахъ житейскихъ оказываются часто болѣе опытными и подходящими. Я не хочу сказать, что Леонидъ Викторовичъ такъ-таки сразу разнюнился и омочилъ мою грудь слезами раскаянія. Нѣтъ, онъ велъ себя вполнѣ благопристойно, благороднаго облика не утратилъ, только ему совершенно необходимо было поговорить съ практическимъ человѣкомъ, къ нему расположеннымъ и не болтливымъ. Поэтому онъ какъ-то больше прежняго сталъ искать моего общества, зашелъ утромъ, зашелъ вечеромъ, намекнулъ, что «Тайная вечеря» Леонардо въ Миланѣ, дѣйствительно, осыпалась, что это съ фресками случается, и онѣ теряютъ первоначальную прелесть, и что съ нимъ лично произошла одна неожиданность. Я на это отвѣтилъ, что отъ неожиданностей никто изъ насъ не застрахованъ, и вопросъ лишь въ томъ, можно-ли ея избѣжать или, по обстоятельствамъ дѣла, приходится на ней жениться? Онъ былъ доволенъ, что я его выручилъ, — легче разговаривать, — но былъ одинъ пунктъ, который, очевидно, приводилъ его въ величайшее смущеніе и который нужно было непремѣнно изобразить, какъ ужасно смѣшную и нелѣпую случайность.

— Дѣло въ томъ, — сказалъ онъ, похлопывая пальцами по кулаку и нарочно чеканя слова, — дѣло въ томъ, что вы оказались пророкомъ въ одной несущественной мелочи. Дѣйствительно курьезно! Ее, эту... какъ вы сказали неожиданность, зовутъ случайно Анной Петровной.

Мнѣ бы радоваться, — а у меня сердце захватило! Вижу, какъ ему трудно было это сказать, труднѣе всего прочаго. И ужъ если Анна Петровна,

такъ значитъ именно такая, какъ я и думалъ: пышечка съ салфеточками! Конечно, я поспѣшилъ выразить полное сочувствіе и одобреніе, потому что нельзя же, правда, въ тридцать пять лѣтъ жить бобылемъ и прочее. И даже для занятій лучше, мысли освободятся отъ мѣшающихъ головѣ пустяковъ. И если, напримѣръ, союзъ увѣнчается семейной радостью... Онъ неэстетически почесалъ рѣдѣвшіе волосы затылочной части и, растягивая слова, неохотно признался, что, собственно, эта перспектива и является причиной нѣкоторой ускоренности дѣйствій, — точно я самъ объ этомъ не догадался съ первыхъ же его словъ. «Приходится дѣлать уступку патріархальности семьи»... — Приходится, милый, приходится! — «Вообще она очень интересуется искусствомъ, т. е. я говорю про Анну Петровну!»... — Ну, конечно! Вотъ теперь и будете вмѣстѣ заниматься эпохой возрожденія!

Однимъ словомъ, я имъ помогъ, какъ умѣлъ. Вмѣсто одной комнаты сняли двѣ, тутъ же, въ сосѣдней со мной квартирѣ. Но Леонидъ Викторовичъ, когда она пріѣхала, сталъ со мною сухъ, даже не позвалъ зайти познакомиться. Такъ мѣсяца два я не видалъ, какая - такая Анна Петровна, мною предсказанная. И только когда случился у нихъ сильный экономическій кризисъ, онъ опять обратился ко мнѣ и, очевидно въ благодарность, просилъ навѣстить.

Она была съ веснушками, ростомъ еще пониже его, пріятной полноты, умѣренный носикъ и бѣлобрысенькій пучокъ волосъ на затылкѣ. Не столько монна Лиза, сколько мамочка. Разговаривала безъ

стѣсненія и совсѣмъ хорошо, и только вмѣсто «здѣсь» говорила «здѣся». За то онъ теперь упорно молчалъ и явно безпокоился, не замѣчу-ли я кружевную занавѣску на окнѣ и фотографіи въ рѣзныхъ рамочкахъ по стѣнамъ: очевидно, — папа съ мамой, братъ въ формѣ вольноопредѣляющагося, гимназическая группа, сама Анюточка въ бѣломъ платьѣ и — о несчастье! — она же съ Леонидомъ Викторовичемъ въ позѣ голубей, головки склонены другъ-къ-дружкѣ, при чемъ она вышла жгучей брюнеткой (а не рыженькой), а онъ поручикомъ въ отставкѣ. Но хуже всего, что въ его комнатѣ кровать была накрыта ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ ромбиковъ: истинное произведеніе искусства! Ромбикъ бархатный, ромбикъ атласный, ромбикъ красный, бѣлый, зеленый, ромбикъ съ веселымъ рисуночкомъ. Пріятное чередованіе. А на комодѣ кастрюлечка съ молокомъ, чтобы комода не портить, поставлена на книжку «колдуна изъ Мадавры».

Когда уходилъ, она очень привѣтливо просила меня «забѣгать», а то Ленечка иногда скучаетъ, онъ же былъ мрачнѣе тучи. И если раньше онъ меня немножко презиралъ за Джованни дель Черведьера да Ровеццано, то теперь явно ненавидѣлъ всей душой. Отчасти, впрочемъ, я и самъ виноватъ. Не зная, какъ поддержать интересный разговоръ, я безъ всякой задней мысли спросилъ: «ну, какъ же подвигается ваша совмѣстная работа?» — Она сначала не поняла, а потомъ съ дѣланнымъ смущеніемъ отвѣтила: «такъ вѣдь это еще не скоро!» — и невинно оглядѣла свой круглѣющій профиль...

ИГРА СЛУЧАЯ

Такъ какъ сама идея разсказа безконечно важнѣе его сюжета, то не стоитъ придумывать имена дѣйствующихъ лицъ, мужчины и женщины, и даже не стоитъ точно излагать развитіе ихъ отношеній. Предположимъ, просто, что произошло какое-то ужасное, нелѣпое недоразумѣніе между людьми, связанными если не огромной, вполнѣ сознанной любовью, то чувствомъ естественнаго тяготѣнія. Можетъ быть, это — мужъ и жена, уже отвѣдавшіе настоящаго и рѣдкаго счастья, которое обусловлено полнымъ другъ къ другу довѣріемъ, успѣвшей укрѣпиться прекрасной дружбой, и не представлявшіе себѣ, что крѣпчайшія узы ихъ любви могутъ въ какой-то мигъ оказаться готовой порваться паутинкой. Или, напримѣръ, была только случайная встрѣча двухъ молодыхъ людей, только намекъ на возможность рожденія прочнаго чувства, которое свяжетъ ихъ жизни; каждый изъ нихъ думаетъ, что только въ немъ случайная искра разгорѣлась въ мучительный и сладкій пламень, а что другой прошелъ мимо, не обжегшись, и давно забылъ о встрѣчѣ и о не

совсѣмъ обычномъ обмѣнѣ взглядами и словами. Равнымъ свѣтомъ горятъ два огонька, одинъ не видя другого; время не хочетъ ихъ потушить, новый случай не приходитъ на помощь, а какая-то робость, или гордость, или боязнь ошибки и обиды не позволяютъ имъ поступить такъ, какъ было бы хорошо, если бы мы всегда поступали: пожертвовать, хотя бы на время, своимъ самолюбіемъ, сдѣлать первый шагъ — и пусть либо «да», либо «нѣтъ» положитъ конецъ этому ужасному состоянію. По условіямъ ихъ жизни, такой шагъ могъ быть слишкомъ осложненъ какими-нибудь особыми обстоятельствами, которыхъ можно предположить множество. Напримѣръ, она могла раньше, безъ достаточно серьезнаго чувства, дать надежду другому; теперь она смутно чувствуетъ, что это будетъ роковой ошибкой, что по-настоящему она могла бы отдать свое сердце и ввѣрить свое будущее только тому, случайно встрѣченному, съ которымъ такъ мало сказано и такъ много недоговорено. Что касается до него, то его положеніе еще сложнѣе; онъ тоже понимаетъ, вѣрнѣе, ощущаетъ, что ихъ встрѣча отмѣчена какой-то необычностью, что нельзя было ею ограничиться, что лично для него слѣдъ этой встрѣчи изъ случайной царапины обратился въ глубокую рану, которая не хочетъ и не можетъ зажить. Но онъ знаетъ, что ея жизнь уже намѣтилась, даже опредѣлилась, и въ этой жизни ему мѣста не отведено. Ему тоже показалось въ тотъ разъ, что продолжись или повторись ихъ случайное свиданье, — могла бы между ними родиться какая-то невольная близость, намекъ на которую все-таки

былъ; но можетъ быть, это лишь его воображеніе, взволнованное огромнымъ впечатлѣніемъ и двумя-тремя незначущими словами?

Таковъ, приблизительно, сюжетъ разсказа въ его части, еще не связанной ни съ мальчикомъ, ни съ торопившимся на службу господиномъ въ сѣромъ зимнемъ пальто. И мы начинаемъ разсказъ въ тотъ моментъ, когда дѣвушка, за нѣсколько дней до своей напрасной, повидимому, свадьбы, не можетъ побороть въ себѣ сердечной тоски и страннаго ожиданія, что вотъ что-то случится — и все это измѣнится. Но дни идутъ, и «это» не случается. Значитъ, — такъ и нужно. Если бы мелькнула тѣнь или раздался голосъ, хотя бы шопотъ, только одно словечко, одинъ вопросъ, или одно «подожди», — но вѣдь это все-равно невозможно, и ничего, ничего не будетъ. Ну, значитъ, такъ и нужно.

Вернемся къ нему. Его чувство или сильнѣе, или гораздо больше опредѣлилось. Во всякомъ случаѣ, оно болѣе требовательно, какъ чувство мужское. У нея есть какъ бы тѣнь выбора — у него выбора нѣтъ. Онъ способенъ сдѣлать шагъ, но для него этотъ шагъ будетъ роковымъ. Это, можетъ быть, и не значитъ, что за неудачей послѣдуетъ непремѣнно выстрѣлъ, но что-то подобное должно случиться. Если вы уже не молоды, то припомните, что были молоды нѣкогда, и тогда ваши жизненныя ощущенія были совсѣмъ иными, — и чувство любви, и боязнь оскорбленія; смѣшное или пустяшное сейчасъ — тогда казалось и было трагическимъ! При томъ въ нашемъ разсказѣ многое недорисовано: нѣтъ лицъ, неясны темпераменты. Во всякомъ слу-

чаѣ, тѣ, кто ощущали холодокъ отъ револьвернаго дула на вискѣ, гдѣ дрожитъ синяя жилка, кто играли въ эту опасную игру, когда жалость къ себѣ борется съ сознаніемъ невозможности поступить иначе, — тѣ поймутъ, что разсудительность иногда приходитъ слишкомъ поздно и что иногда сила любви оправдываетъ безуміе. А кто этого не понимаетъ, — его счастье, которому мы, впрочемъ, не завидуемъ.

Текстъ письма не трудно себѣ представить. Письмо очень хорошее, очень простое и честное, безъ лишнихъ и глупыхъ словъ. Онъ просто написалъ, что любитъ ее и не можетъ этого не высказать, даже если это напрасно или слишкомъ поздно. Не чувствуетъ въ себѣ силы скрыть, и не увѣренъ, что скрывать нужно. Никакими надеждами себя не обманываетъ, а просто, какъ утопающій хватается за соломинку; эта соломинка — нѣсколько словъ, сказанныхъ при единственной ихъ встрѣчѣ, ни къ чему не обязывающихъ, но вѣдь все-таки сказанныхъ. И вотъ рѣшился написать. Но отвѣта ему не нужно; т. е. отвѣтъ былъ бы нуженъ только въ томъ случаѣ, если бы... ну, если бы невозможное было возможнымъ. Но ужъ тогда былъ бы нуженъ отвѣтъ ясный и окончательный, потому что иначе... Но, впрочемъ, и маленькое слово надежды дало бы ему силу жить дальше. Онъ проситъ ее не сердиться за это письмо, и, если ей такъ удобнѣе, считать его ненаписаннымъ.

Потомъ онъ немного дрожащей рукой написалъ ея имя на бѣломъ конвертѣ, ея адресъ, и вышелъ опустить письмо въ почтовый ящикъ.

Когда онъ его пускалъ, онъ пережилъ чувство, знакомое многимъ: чувство безвозвратности. На троттуарѣ, рядомъ съ ящикомъ, рѣзвился мальчикъ, которому въ этотъ день подарили троттинетку. Мальчикъ былъ счастливъ, у мальчика вся жизнь была впереди. Почтовый ящикъ былъ безстрастенъ. Господинъ, письмо опустившій, стоялъ надъ пропастью.

⁂

За какой-нибудь одинъ часъ мальчикъ превосходно научился кататься на троттинеткѣ и управлять ею. Разбѣжавшись, онъ ловко обогналъ чиновника, спѣшившаго послѣ завтрака на службу, но совсѣмъ не разсчиталъ, что почтальонъ, выгребавшій изъ ящика письма, загородитъ ему дорогу. Впрочемъ, и изъ этого приключенія мальчикъ вышелъ съ честью, едва задѣвъ почтальона, которому некогда было браниться, такъ какъ онъ долженъ былъ работать по часамъ и какъ часы. Единственнымъ результатомъ столкновенія было то, что почтальонъ выронилъ одно письмо и, не замѣтивъ этого, сѣлъ на велосипедъ и уѣхалъ къ слѣдующему ящику. Болѣе внимательнымъ оказался подошедшій въ это время чиновникъ, который видѣлъ эту маленькую сцену. Наклонившись, чтобы поднять письмо и опустить его обратно въ ящикъ, чиновникъ во-время замѣтилъ, что автобусъ, въ который онъ долженъ былъ сѣсть, подходитъ къ бывшей въ нѣсколькихъ шагахъ остановкѣ. Правильно разсчитавъ, что письмо можно бросить въ любой ящикъ, а опаздывать изъ-за

чужого письма нѣтъ смысла, чиновникъ побѣжалъ къ остановкѣ, на ходу сунувъ синеватый конвертъ въ боковой карманъ. Такое благоразуміе съэкономило ему нѣсколько минутъ, хотя отъ быстраго бѣга въ тяжеломъ зимнемъ пальто чиновникъ запыхался; была уже весна, и какъ разъ въ этотъ день солнце напомнило чиновнику о томъ, что изъ слѣдующей получки жалованья ему не придется тратиться на отопленіе.

Совершенно неправильно думать, что чиновники не способны чувствовать тепло и прелесть весны, какъ чувствуютъ влюбленные или мальчики, которымъ подарили троттинетку. Въ этотъ день чиновникъ работалъ со всѣмъ прилежаніемъ пожилого, привыкшаго къ своему учрежденію человѣка, а возвращаясь домой, сообразилъ, что день прибавляется и что въ седьмомъ часу уже совсѣмъ свѣтло. Дома они съ женой говорили за обѣдомъ, что приблизительно во второй половинѣ іюля онъ возьметъ отпускъ, и тогда они поѣдутъ недѣли на три въ деревню къ ея родственникамъ, что и пріятно и обойдется очень дешево.

Для мужчины перемѣна сезона — только удовольствіе, для женщины — не малыя хлопоты. Съ вечера были вынуты изъ плакара лѣтніе костюмы и пальто и вывѣшены на балконѣ, чтобы вывѣтрить запахъ нафталина. Это было вполнѣ предусмотрительно, такъ какъ за ночь еще потеплѣло, и мужу уже немыслимо было итти на службу въ сѣромъ зимнемъ пальто. Изъ экономіи жена чиновника не выбросила нафталинныхъ шариковъ, сильно уменьшившихся въ объемѣ за зиму, а подбавила ихъ къ

новымъ, которыми она пересыпала всю зимнюю одежду, прежде чѣмъ уложить ее въ длинные бумажные мѣшки и запереть въ плакарѣ. По правдѣ сказать, было бы правильнѣе сначала отдать хотя бы часть зимней одежды въ чистку, но жена чиновника была разсчетлива и старалась оттягивать всякіе расходы: все это можно будетъ сдѣлать и осенью; при томъ ее сильно заботила необходимость купить новую шляпу, хотя бы самую скромную. Они были бездѣтны и старательно подкапливали деньги на покупку въ разсрочку участка земли и постройку домика, который пригодится имъ на старость.

У людей благоразумныхъ все выходитъ, какъ по писаному. Весна быстро превратилась въ лѣто, весьма томительное въ большомъ городѣ, но не замедлилъ подойти мѣсяцъ іюль, а съ нимъ и отпускъ чиновника. Въ счастливый лѣтній день не одна добродѣтельная пара, съ чемоданчиками, свертками и кулечками, осадила вагонъ. Въ еще болѣе счастливый день чиновникъ и его жена проснулись въ деревнѣ, гдѣ не только былъ совсѣмъ иной воздухъ, но не нужно было бѣжать одному на службу, другой по съѣстнымъ лавочкамъ и на рынокъ, гдѣ цвѣли настоящіе цвѣты и мычали подлинныя коровы. И ихъ давняя мечта имѣть свой участокъ и свой домикъ еще болѣе въ нихъ укрѣпилась.

Но мы уже знаемъ, какъ непрочно человѣческое счастье и отъ какихъ случайностей оно можетъ зависѣть. Въ данномъ случаѣ его пресѣкли не случайности, а вполнѣ законное наступленіе августа и затѣмъ послѣдняго дня отпуска чиновника. Все же

они вернулись въ городъ окрѣпшими и посвѣжѣвшими, и первый день отправленія на службу имѣлъ для чиновника даже какую-то своеобразную прелесть: встрѣча съ сослуживцами, отвѣты на разспросы, обмѣнъ впечатлѣніями съ уже побывавшими въ отпускѣ. Затѣмъ скоро все вошло въ норму, жизнь покатилась на привычныхъ колесикахъ, лѣто кончилось, стало холодѣть, и въ одинъ изъ особенно сѣрыхъ осеннихъ дней жена чиновника опять открыла плакаръ, чтобы извлечь и отдать въ чистку зимнее пальто мужа и другія одежды.

Это было въ воскресенье, день нерабочій. Вынувъ пальто мужа и извлекая изъ кармановъ шарики нафталина, она нашла какое-то письмо, запечатанное, съ непогашенной маркой. Оба они съ недоумѣніемъ его разсматривали, пока сильнымъ напряженіемъ памяти чиновникъ не установилъ, что это письмо онъ подобралъ однажды около почтоваго ящика и случайно забылъ опустить. По правдѣ сказать, — онъ смутился и даже нѣсколько обезпокоился, что такъ поступилъ съ чужимъ письмомъ. Что же теперь дѣлать? Прошло больше пяти мѣсяцевъ, есть-ли смыслъ досылать его теперь? Но, можетъ быть, письмо было очень важнымъ и срочнымъ? Посовѣтовавшись съ женой, онъ рѣшилъ вскрыть письмо надъ паромъ и прочитать, чтобы не сдѣлать какой-нибудь непоправимой ошибки. Маленькое нарушеніе чужой тайны, но не изъ любопытства, а въ интересахъ невѣдомыхъ отправителя и получателя. Прочитавъ письмо сначала про себя, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и совершенно спокойно сорвалъ съ конверта марку:

— Посылать нѣтъ смысла, а марка пригодится!

Затѣмъ онъ прочиталъ вслухъ коротенькое письмо:

«Милый другъ, вчера я забылъ у васъ зонтикъ. Если не трудно — захватите его съ собой и занесите мнѣ по дорогѣ, когда пойдете въ контору. А то погода непрочная. А по дѣлу, о которомъ мы говорили, я постараюсь навести справку. Заранѣе вамъ благодаренъ и будьте здоровы».

*
**

Хотя внимательный читатель и самъ могъ замѣтить, что оброненное почтовымъ служащимъ письмо было въ синеватомъ, а не въ бѣломъ конвертѣ, но игра случая могла обернуться и привести къ послѣдствіямъ весьма печальнымъ. Въ нашемъ разсказѣ, сюжетъ котораго до конца такъ и остается неразвитымъ, трагедія, вѣроятно, избѣгнута, недоразумѣніе разъяснилось, люди нашли другъ друга, — но было-ли это къ ихъ счастью, или привело къ непоправимой ошибкѣ, — тема совсѣмъ особая и съ основной идеей разсказа не имѣетъ тѣсной связи.

МЕЧТАТЕЛЬ

Въ первомъ часу по улицѣ нашего мѣстечка кучками и одиночками проходятъ домой ученые; клеенчатыя сумки съ книгами они несутъ не подмышкой, а всегда какъ нибудь по особенному: на плечахъ, за плечами, а то тянутъ за собой на ремешкѣ и книжки покорно слѣдуютъ по мостовой. Ученые домой не спѣшатъ — на улицѣ интереснѣе.

Медлительнѣе всѣхъ Жакъ, но не по характеру, а въ силу необычайной сложности его переживанiй. Онъ ходитъ одинъ, остальные успѣваютъ его обогнать. Его путь четырьмя зелеными улочками до парижскаго шоссе, а тамъ пятый или шестой домъ съ угла; на это ему едва хватаетъ получаса, включая, конечно, необходимыя остановки.

Жаку девятъ лѣтъ, онъ худъ, остроглазъ и мечтателенъ. На немъ черное платье съ перехватомъ въ талiи, подолъ котораго прикрываетъ штанишки, такъ что мужеское достоинство Жака узнается только по мальчишеской угловатости его движенiй. Онъ не говоритъ встрѣчнымъ «мосьедамъ», какъ учатъ

въ школѣ, — но не по невѣжливости, а по недосугу; впрочемъ, онъ никого и не замѣчаетъ, всецѣло погруженный въ думы, соображенія и разговоръ съ собой.

Вдругъ, напримѣръ, онъ останавливается и принимаетъ сложнѣйшую позу: одна нога оттянута назадъ, туда же и рука съ сумкой, а на ступнѣ другой ноги онъ продолжаетъ передвигаться впередъ — не поймешь какъ, но не прыжками. Затѣмъ, положивъ сумку на голову и сложивъ на груди руки, онъ пятится спиной на цыпочкахъ. Естественно, что собака за изгородью начинаетъ неистово лаять, выражая Жаку неодобреніе и даже негодованіе. Нѣкоторое время онъ смотритъ на собаку, а она на него. Тутъ Жакъ, какъ бы въ изнеможеніи, мѣшкомъ падаетъ на дорогу, собака въ ужасѣ отпрыгиваетъ и замолкаетъ. Затѣмъ онъ вскакиваетъ и пускается бѣжать, и она снова неистовствуетъ до хрипоты.

Въ дальнѣйшемъ пути Жакъ переживаетъ случай героической борьбы съ тремя тысячами собакъ, львовъ, слоновъ и крокодиловъ. Его осаждаютъ со всѣхъ сторонъ, и приходится, ловко поворачиваясь, раздавать тумаки направо и налѣво. Сумкой онъ пользуется, какъ щитомъ. Отъ обороны онъ переходитъ къ наступленіе: ногами отшвыриваетъ крокодиловъ, мощными пальцами хватаетъ за гривы львовъ, — и все передъ нимъ обращается въ бѣгство. Жакъ вскакиваетъ въ автомобиль, гудитъ и мчится въ погоню, при этомъ, подпрыгивая, колѣнками почти касается подбородка. Вообще же онъ — извѣстный борецъ, единственный и непобѣдимый.

Никто объ этомъ не подозрѣваетъ, а самъ онъ не подаетъ вида: спокойно кладетъ свои книжки на дорогѣ, отходитъ, садится на корточки и ждетъ. Враги тихо подкрадываются къ книгамъ и тянутъ за ремешокъ. Жакъ однимъ прыжкомъ вскакиваетъ, хватаетъ враговъ и начинаетъ крутить ихъ въ воздухѣ, потомъ отшвыриваетъ — и видитъ, какъ ихъ фигуры разлетаются по воздуху мячиками. Тогда Жакъ подбираетъ книги и идетъ спокойно, походкой дѣлового человѣка.

Но героическое Жаку наскучиваетъ. По измѣнившемуся выраженію его лица видно, что онъ либо монахиня, либо кюре: идетъ тихо-тихо, опустивъ глаза, и при каждомъ шагѣ ласково киваетъ. Затѣмъ, положивъ сумку и ставъ на нее ногами, онъ произноситъ рѣчь — и тутъ увлекается, машетъ руками, даже угрожаетъ кулакомъ. Будто бы позабывъ, что онъ стоитъ на сумкѣ, онъ, съ закрытыми глазами, дѣлаетъ шагъ впередъ — и летитъ въ пропасть съ необычайной высоты. Разбившись вдребезги, онъ стонетъ и дергаетъ ногой. Собираются толпы народа, выражаютъ сочувствіе, и Жакъ сначала безсильно ползетъ, а потомъ вдругъ довольно ловко становится на руки, но такъ онъ можетъ пройти не болѣе двухъ шаговъ. Затѣмъ ему приходится вернуться за оставшейся позади сумкой.

Велосипедистъ развозитъ и бросаетъ въ почтовые ящики у калитокъ объявленія мѣстнаго кинематографа. Жакъ выпрашиваетъ и получаетъ афишку. Онъ еще не достаточно бойко читаетъ, да и не для этого ему нужна афишка. Онъ складываетъ изъ нея стрѣлку, хотя бумага для этого слишкомъ

тонка и легковѣсна. Теперь, когда онъ хорошо вооруженъ, дальнѣйшій путь не представляетъ особой сложности. Онъ намѣчаетъ цѣль — и пускаетъ стрѣлу. Стрѣла кувыркается и падаетъ къ ногамъ. Вторая попытка лучше — стрѣла летитъ ровно и огибаетъ кругъ. Происходитъ состязаніе: Жакъ и нѣкто другой, менѣе искусный. Бросая за него, Жакъ нѣсколько хитритъ и небрежничаетъ; за себя онъ кидаетъ стрѣлу гораздо ловчѣе. Разумѣется, побѣждаетъ въ состязаніи онъ. Получая первый призъ, онъ шаркаетъ ногой и кланяется. Неистовые аплодисменты оглушаютъ его, онъ затыкаетъ уши и морщится. При этомъ онъ дѣлаетъ любопытное наблюденіе: если поочередно зажимать уши ладонями и открывать, то шумъ врывается катышками. Къ сожалѣнію, въ этотъ обѣденный часъ на улочкахъ совсѣмъ тихо. Жаку приходится сначала выждать, не запоетъ ли поблизости пѣтухъ или не залаетъ ли собака. Собакъ у насъ достаточно, и ихъ не трудно вызвать къ дѣйствію отъ полуденной дремоты. Жакъ такъ и поступаетъ: дразнитъ ближнюю собаку, а когда она начинаетъ лаять, онъ бьетъ себя ладонями по ушамъ — и наслаждается ровнымъ чередованіемъ звуковъ. Выходитъ изъ домика хозяйка собаки и даетъ ей шлепка; тогда и Жакъ прибавляетъ шагу.

До удивительности мало впечатлѣній даютъ наши зеленыя улочки: разнообразные домики за однообразными изгородями, и почти нѣтъ прохожихъ. Нуженъ особый талантъ, чтобы наполнить краткій путь образами и событіями. Талантъ заключается въ томъ, чтобы видѣть то, чего не замѣча-

ютъ другіе. Въ человѣкѣ взросломъ интересы заглушены шаблонщиной. Что выведетъ его изъ равнодушія и апатіи? Выстрѣлъ? Блестящій автомобиль? Нездѣшняя разряженная дама? Совсѣмъ иное — живая и чуткая душа маленькаго человѣка; она, въ маломъ чуетъ великое! Она ищетъ. Она изслѣдуетъ.

Новыя дороги у насъ залиты жидкой вонючей смолой и усыпаны мелкими камушками. По нашему — скверный запахъ — и только. Незастывшую лужу мы обходимъ, чтобы не запачкать обуви. Мы обходимъ — но онъ, наблюдатель и искатель, конечно, не обойдетъ! Наоборотъ: онъ наровитъ разрушить глянцевый покой каждой лужицы, ступитъ въ самую ея середину и потомъ печатать по бѣлымъ камушкамъ черные слѣды. Камушки прилипаютъ къ ногамъ, и человѣкъ становится все выше, на его ногахъ ходули. Жакъ представляетъ себѣ, что вотъ онъ, прибавляясь въ ростѣ на каждомъ шагу отъ прилипшихъ къ подошвѣ камушковъ, достигаетъ сначала высоты каштана, потомъ втыкается головой въ облако, безъ труда его пронзаетъ, такъ что оно хомутомъ окружаетъ его шею, — а что же еще выше? Онъ созерцательно смотритъ въ небо, днемъ безотвѣтное и пустое, а по вечерамъ веселое и звѣздное. Чтобы сохранить равновѣсіе, онъ открываетъ ротъ и тянетъ «а-а-а». Ему приходитъ счастливая идея такъ и продолжать путь съ запрокинутой головой, при чемъ сейчасъ будетъ поворотъ въ другую улицу, и нужно преодолѣть его, не глядя ни подъ ноги, ни по сторонамъ. Это удается, но затекаетъ шея. Онъ третъ ее, опустивъ

голову, и вдругъ видитъ на травкѣ, съ краю улочки, мертваго птенца, голаго, желтоклюваго, раздавленнаго пятой. Вѣроятно онъ выпалъ изъ гнѣзда съ высокаго каштана.

И любопытство и жалость. Травинкой онъ трогаетъ клювъ, — никакого движенія. Птенчикъ могъ опериться и летать; но вотъ какое случилось несчастье! Двѣ мухи садятся на потемнѣвшую, лиловатую кожу. Жакъ осматривается, видитъ поодаль брошенный дѣтскій башмакъ, приноситъ его и прикрываетъ птенца. Идя дальше, онъ оглядывается — все въ порядкѣ, башмакъ лежитъ на мѣстѣ. Это могила. Послѣ перерыва онъ пойдетъ обратно въ школу — будетъ ли башмачокъ лежать попрежнему? Былъ бы ножикъ, можно бы было закопать мертвую птичку.

Жакъ идетъ нахмурившись и думаетъ по-взрослому. И вообще — дома его ждутъ, нужно поторопиться. Печальный ходъ мыслей нарушенъ переливчатымъ рожкомъ аптекаря, который на автомобильчикѣ объѣзжаетъ свои владѣнія. Жакъ наизустъ знаетъ мотивчикъ — и старается передать его съ полнымъ сходствомъ. Одной рукой онъ изображаетъ при этомъ вертящееся колесо — другая занята сумкой съ книгами. Изъ за этого его машина кривится и сворачиваетъ въ сторону. Натолкнувшись на палисадникъ, онъ стремительно летитъ на противоположную сторону и чуть не влетаетъ въ чужую калитку. Кстати, тутъ живетъ другой Жакъ, его сверстникъ и соученикъ по школѣ; сейчасъ онъ, пожалуй, уже завтракаетъ. Все же, на случай, Жакъ кукуетъ по-условленному — два раза отрывисто,

третій протяжно. Отвѣта нѣтъ — значитъ, другой Жакъ не можетъ выйти и не смѣетъ куковать за завтракомъ. Можетъ быть онъ и видитъ въ окно пріятеля — да боится материнскаго подзатыльника. Чтобы на такой случай раздразнить его любопытство, Жакъ складываетъ ладони коробочкой, будто бы несетъ что то интересное, и озабоченно покачиваетъ головой. И дѣйствительно, онъ могъ найти птенца живого и отнести домой; инымъ это удается. Да и мало ли что онъ могъ найти! Могъ найти блестящій камень, могъ найти и франкъ.

Съ этого момента онъ проходитъ всю улицу, внимательно смотря подъ ноги и по сторонамъ: вдругъ онъ найдетъ что-нибудь замѣчательное! И дѣйствительно, находитъ сначала пуговицу, затѣмъ какой то ржавый наконечникъ — можетъ быть отъ зонтика. Въ его карманѣ и такъ не мало драгоцѣнностей и находокъ, включая синій номерокъ съ бѣлыми цифрами 72, металлическій, покрытый эмалью. Въ сравненіи съ нимъ пуговица — пустякъ, но зато ее можно катить и догонять, что онъ и дѣлаетъ.

И вдругъ, на смѣну всѣмъ этимъ выдуманнымъ интересамъ, вдали, по главному шоссе, на которое и лежитъ путь Жака, проносится съ музыкой и трескомъ цѣлая платформа съ необыкновенными людьми, въ бѣлыхъ и красныхъ балахонахъ, въ парикахъ, съ барабанами и трубами. Жакъ этихъ людей уже видѣлъ, — это бродячій циркъ, который сегодня дастъ представленіе на площади. Днемъ они разъѣзжаютъ, чтобы заманивать своимъ видомъ публику, и при этомъ наѣздница на бѣломъ конѣ

разбрасываетъ афишки. Должно быть и они спѣшатъ къ себѣ въ балаганъ завтракать и уже не останавливаются на перекресткахъ и у кабачковъ.

Жакъ бѣжитъ бѣгомъ и наверстываетъ потерянное время, — но напрасно: телѣга уже далеко. Приди онъ минутой раньше — успѣлъ бы увидать. А въ циркъ его не поведутъ: и не заслужилъ, и у матери нѣтъ денегъ. Жаку до слезъ обидно!

Другіе мальчики, которые тамъ были, разсказываютъ чудеса: тамъ показываютъ настоящаго верблюда, мадемуазель на всемъ скаку пролетаетъ черезъ бумажный обручъ, мосье швыряетъ въ воздухъ десять бутылокъ и всѣ подхватываетъ за горлышко, ни одной не уронивъ. Пудель танцуетъ и обѣдаетъ съ подвязанной салфеткой, обезьянка ему прислуживаетъ, а пѣтухъ кричитъ столько разъ, сколько захочетъ публика. И это еще не все, такъ какъ на сегодня обѣщано новое.

Жакъ стоитъ посреди шоссе и грустно смотритъ вдаль, гдѣ скрылась телѣга съ артистами. Въ его ушахъ еще не остылъ трескъ барабана и гулъ мѣдной трубы. Но когда-нибудь придетъ время, и онъ все это увидитъ. Ужъ навѣрное когда-нибудь это время придетъ! Если бы ему обѣщали — онъ готовъ стать прилежнѣе и не опаздывать къ завтраку; вообще пошелъ бы на многія жертвы. И никогда бы не таскалъ свою сумку за ремешокъ по землѣ. И на пальцахъ его не было бы ни единаго чернильнаго пятнышка. Но все это напрасно — въ циркъ его не поведутъ, а циркъ пріѣзжаетъ такъ рѣдко.

Онъ еще не знаетъ, что жизнь долгая, и что

все успѣется. Онъ еще такъ малъ, можетъ подождать. Впереди — дорога, гораздо длиннѣе всего парижскаго шоссе.

Жакъ вздрагиваетъ отъ близкаго гудка и тарахтенья грузовика. Вмѣсто того, чтобы задержаться или броситься въ сторону, онъ перебѣгаетъ дорогу, — и такъ неудачно.

Грузовикъ быстро тормозитъ. Соскакиваютъ шофферъ и пожилой рабочій въ синей блузѣ, и оба бѣгутъ къ лежащему у дороги комочку. Это мальчика, школьника отбросило въ сторону ударомъ по плечу и головѣ. Это — желторотый птенчикъ, раздавленный пятой.

Онъ лежитъ на землѣ калачикомъ, и тутъ же его сумка съ книгами. Оба рабочіе наклоняются и не смѣютъ его поднять. И поднимать его поздно и напрасно — Жака уже нѣтъ.

И тогда собирается толпа, посылаютъ за матерью. Грузовикъ стоитъ здѣсь долго, пока осматриваютъ, разспрашиваютъ и ждутъ, что кто-то пріѣдетъ.

Только вечеромъ у края дороги присыпаютъ пескомъ рыжую лужицу. Тутъ же лежитъ и выпавшій номерокъ съ бѣлой цифрой на синемъ фонѣ. Его найдетъ и подберетъ какой-нибудь другой мальчикъ-мечтатель на пути изъ школы домой.

ЮБИЛЕЙ

Юбиляръ проснулся красноглазымъ и усталымъ отъ безпрерывнаго произнесенія во снѣ отвѣтной рѣчи на привѣтствія, которыя ему скажутъ сегодня. «Дорогіе друзья, вы уловили меня сѣтями неожиданности... сѣтями неожиданности, и заставили вспомнить о томъ, что и вправду сегодня стук... сегодня исполнилось тридцать лѣтъ со дня, когда...». — Какъ легъ вчера съ этой фразой, такъ съ нею и проснулся, впередъ не продвинувшись. «Сѣтями неожиданности» — счастливый оборотъ, настоящая находка. Добрая улыбка, юбиляръ разводитъ руками, — ничего не подѣлаешь, взяли въ плѣнъ, заставили быть центромъ вниманія и, право же, слишкомъ любезныхъ словъ, даже если и заслуженныхъ, то не мною, а тѣмъ дѣломъ, тою, я бы сказалъ идеей, которой я служилъ эти тридцать годинъ (опять хорошее слово), заставившихъ посѣдѣть мои нѣкогда кудрявые.. посеребрившихъ мои нѣкогда кудрявые виски. Дорогіе друзья, вы уловили меня сѣтями неожиданности и заставили... и вынудили меня припомнить... вызвали къ памяти тридцать годинъ, по-

серебрившихъ... Мои дорогіе друзья, нѣсколько кудрявые... вы уловили мои тридцать годинъ сѣтями неожиданности и вызвали къ памяти съ того дня... — и такъ всю ночь и утро, пока въ сосѣдней квартирѣ не забубнилъ теесефъ и прачка не принесла крахмаленую сорочку.

Это началось съ юбилея Акима Петровича Бѣлосѣрова, на которомъ присутствовалъ и сегодняшній юбиляръ. Тогда у многихъ зародилась мысль, что вотъ придетъ и ихъ чередъ, и друзья почтятъ ихъ признаніемъ. Бѣлосѣрова почтили за старость, — не велика, въ сущности, заслуга, — но было парадно и пріятно. Въ числѣ выступавшихъ былъ тогда и Феликсъ Владиславовичъ, произнесшій, по общему признанію, самую красивую рѣчь, построенную съ рѣдкимъ изяществомъ (началъ съ Горація: «Ehue! Fugaces, Postume, Postume, labuntur anni!» и кончилъ Овидіемъ: «Nihil est annis veiocius!»). И еще въ серединѣ рѣчи были удачныя вставки на разныхъ языкахъ. Акимъ Петровичъ былъ тронутъ и очень благодарилъ; онъ занимался мѣховымъ дѣломъ и благотворительностью.

Говоря о быстробѣгущихъ годахъ, Феликсъ Владиславовичъ тогда же подумалъ, что и его года не стоятъ на мѣстѣ, и что въ свое время онъ окончилъ юридическій факультетъ и былъ кандидатомъ на судебныя должности, потомъ служилъ въ акцизѣ и перевелъ съ польскаго на русскій двѣ книги: «О творчествѣ Пшибышевскаго» и «Проблема осушенія болотъ», что дало ему доступъ въ литературные круги. Передъ войной онъ былъ однажды арестованъ за неблагополучное знакомство,

на войнѣ оказалъ пользу знаніемъ языковъ, въ дни революціи былъ предсѣдателемъ домоваго комитета, убѣгая не вывезъ цѣнностей, такъ какъ ихъ не имѣлъ, а въ эмиграціи служилъ въ банкѣ. Вычтя двадцать лѣтъ на жизнь малосознательную, онъ имѣлъ въ активѣ тридцать разнообразной полезной дѣятельности, итого — пятьдесятъ.

Онъ говорилъ:

— Labuntur anni! Усиленно скрываю свой двойной юбилей — полвѣка жизни и тридцать лѣтъ общественнаго служенія. Всѣ эти даты — чепуха, а отпразднуешь — и покатишься въ небытіе. Нѣтъ ужъ, покорно благодарю. Рѣшилъ 23 сентября запереться дома и выпить въ одиночествѣ бутылку хорошаго бордо; даже не шампанскаго!

Онъ говорилъ это знакомымъ съ глазу на глазъ, никогда въ большой компаніи, прося держать въ секретѣ.

— И безъ того кто-то уже пронюхалъ, и очень боюсь, какъ бы не вздумали устроить мнѣ сюрпризецъ. Тогда придется взять отпускъ на всю вторую половину сентября и уѣхать на лоно природы. Меня на эту удочку не поймаешь.

Онъ повторялъ это такъ часто, что съ мыслью о неизбежности его юбилея невольно примирились, и нѣкоторые даже убѣждали его не уклоняться, разъ друзья и знакомые непремѣнно хотятъ отмѣтить скромнымъ торжествомъ знаменательный день. Дѣлается это изъ простой искренней къ нему симпатіи, и не къ чему обижать людей отказомъ; что за гордыня такая!

— Да нѣтъ же, дорогой мой, никакой гордыни,

а какъ-то глупо это. Ну, соберутся люди, будутъ говорить рѣчи, выхваливать, исчислять заслуги, невообразимо преувеличивать, а ты сиди дуракомъ и улыбайся. И, главное, ни къ чему! Вѣдь не для этого мы живемъ и работаемъ, сколько кто можетъ. Ну, юридическая дѣятельность, ну, литература, ну, политическія гоненія, — у кого, спрашивается, этого не было? А что тридцать лѣтъ — очень печально, что столько времени отнято у личной жизни, а для чего — неизвѣстно. Что далъ міру нашъ идеализмъ? Да стоитъ ли онъ, этотъ міръ, нашей жертвы? Нѣтъ, знаете... Во всякомъ случаѣ ни на какую помпу я не соглашусь. Желаете — соберемся въ маломъ числѣ, дружески, закусимъ, выпьемъ — и все. И я хочу самъ участвовать въ подпискѣ. Вотъ листъ бумаги, я подписываю анонимно «Старый пріятель — 100 фр.», а вы берите листъ и дѣлайте, что хотите, меня это больше не касается. Въ какой-нибудь маленькой залѣ недорогого ресторана. И — баста!

Феликсъ Владиславовичъ особенно опасался, какъ бы извѣстіе о его юбилеѣ не попало въ газету, да еще въ ненадлежащей формѣ. А такъ какъ никакой замѣтки не появлялось, и она могла появиться совсѣмъ внезапно, то онъ счелъ за лучшее предупредить событіе и самъ забѣжалъ въ редакцію:

— Вотъ зашелъ васъ попросить о милости: если пришлютъ вамъ какую-нибудь замѣтку о томъ, что 23 сентября празднуется мой тридцатилѣтній юбилей, — не печатайте вы объ этомъ!

Завѣдующій хроникой съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отвѣтилъ:

— Ладно, не будемъ. Да и не присылалъ никто.

— Ну и отлично. Дѣло, понимаете, не въ разглашенiи факта, объ этомъ все равно уже достаточно накричали, а мнѣ не хочется, чтобы думали, что я придаю этому какое то значенiе.

— Ладно, ладно.

— Или ужъ, въ крайнемъ случаѣ, упомяните въ этой проклятой замѣточкѣ, что все это чествованiе устроено друзьями вопреки моему желанiю. Я вѣдь даже уѣхать хотѣлъ, да ничего не вышло: заставили. Это будетъ 23 сентября вечеромъ.

Такъ какъ юбиляръ не уходилъ и мѣшалъ работать, то завѣдующiй хроникой сказалъ:

— Вы, если хотите дать замѣтку, лучше ужъ сами ее напишите, какъ вамъ хочется; а я пущу, если мѣсто позволитъ. Только очень не распространяйтесь. А то всегда такъ, — не хотятъ, а пишутъ цѣлую повѣсть. Строкъ пять, самое большее.

— Да я, собственно, уже заготовилъ на случай, если это необходимо, а главное, чтобы предупредить неточности. Я вамъ оставлю, а вы ужъ сами извлеките что нужно. Чѣмъ меньше, тѣмъ, конечно, лучше.

Хроникеръ такъ и сдѣлалъ: оставилъ пять строкъ, зачеркнувъ четыре страницы. Сверху помѣтилъ «петитъ» и пожелалъ Феликсу Владиславовичу всего наилучшаго.

И, наконецъ, наступило 23 сентября, день, когда друзья юбиляра настойчиво пожелали чествовать его обѣдомъ по подпискѣ. Теперь о бѣгствѣ было нечего и думать, тѣмъ болѣе, что даже газета

пронюхала о событіи, лишивъ чествованіе той интимности, на которой настаивалъ самъ юбиляръ.

— Подвели вы меня, охъ какъ подвели! Сдѣлали изъ мухи слона — а я долженъ отдуваться. И это называется — друзья!

На обѣдъ записалось девять человѣкъ, да столько же или болѣе Феликсу Владиславовичу пришлось пригласить отъ себя, чтобы не обидѣть и не вводить въ расходы сослуживцевъ. И хотя онъ заранѣе отклонилъ отъ себя всѣ хлопоты, лишь обѣщавъ явиться, куда ему укажутъ, но въ дѣйствительности, вопреки желанію, пришлось утромъ побывать на телеграфѣ, потомъ купить галстукъ и удовлетворить свою слабость къ цвѣтамъ, которые онъ заказалъ и велѣлъ послать въ ресторанъ съ записочкой, въ шутку написавъ: «отъ почитателей».

— Потомъ посмѣемся, когда станутъ разсматривать билетикъ!

Несмотря на сентябрь, супъ назывался «прэнтанье», а предшествовала ему закуска на французскій манеръ: сельдерей пятью способами, жеваное мясо съ саломъ, кислыя рыбки съ запахомъ корицы. Когда, наконецъ, приплыла теплая телятина въ коричневой жидкости, первую рѣчь произнесъ бывшій присяжный повѣренный, хотя и не близко знавшій Феликса Владиславовича, но имѣвшій всѣ права на первое слово, такъ какъ въ свое время онъ отступалъ съ арміей Колчака и нѣсколько дней былъ министромъ. Здѣсь, въ компаніи интимной, онъ сразу поймалъ нужный, дружескій и полушутливый тонъ, придравшись къ счастливому имени «Феликсъ», хотя и прибавивъ къ нему ошибочно «Владиміровичъ». Онъ ука-

залъ на символическій смыслъ этого имени даже въ наши тяжелые дни тревожныхъ ожиданій; есть люди, которымъ судьба покровительствуетъ, позволяя имъ, такъ сказать, осѣнять, т. е. осіять, или лучше сказать, удѣлять частицу, и притомъ огромную частицу отведенной имъ удачи другимъ, менѣе счастливымъ, я бы сказалъ — менѣе «Феликсамъ», указывая имъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ за тридцать лѣтъ общественной жизни, если онъ руководится немеркнущими идеалами, для всѣхъ насъ, господа, одинаковыми, какъ для сыновъ одной, пусть порабощенной, родины. «Словомъ жечь людскія души», — какъ сказалъ Пушкинъ; да, мы жгли, мы ихъ жгли со всѣмъ пыломъ молодости, зная, что изъ пепла родится фениксъ... и простите мнѣ каламбуръ, онъ сегодня имѣетъ особое значеніе, — изъ этого пепла, насъ испепелившаго, именно сегодня какъ бы родился Феликсъ, память котораго, т. е. торжество котораго мы празднуемъ обѣдомъ скромнымъ, но уже записаннымъ въ исторію. Мнѣ остается кончить мою рѣчь словами, горящими въ душѣ каждаго, въ комъ не погасъ огонь, словами римскаго поэта: «Феликсъ кви потуитъ рерумъ!» — и поднять бокалъ за того, кто носитъ это славное имя!

Удивительно удачно именно въ это время были поданы двѣ телеграммы, прочитавъ которыя Феликсъ Владиславовичъ и растрогался и какъ бы сконфузился. Онъ даже не хотѣлъ ихъ оглашать, но его заставили. «Тогда ужъ сами и читайте!». — Одна была немногословная за подписью «французскіе друзья», другая явно отъ женщины - поклонницы, почтительно любовная и подписанная «энконю».

Долго пришлось отмахиваться отъ намековъ и шутокъ друзей, настроеніе которыхъ было приподнято и рѣчью адвоката и шампанскимъ. Другую рѣчь попытался произнести товарищъ юбиляра по службѣ, но сбился отъ волненія и сильно преувеличилъ, дважды назвавъ столѣтней годовщину дѣятельности нашего дорогого. Расцѣловавшись съ нимъ и съ ближайшими сосѣдями, Феликсъ Владиславовичъ понялъ, что пришло время отвѣчать.

«Дорогіе друзья, — сказалъ онъ, — волненіе мѣшаетъ мнѣ говорить. Вы уловили меня сѣтями неожиданности, заставивъ вспомнить, что и вправду сегодня исполнилось тридцать лѣтъ моей скромной, очень скромной общественной службы обществу. Эти тридцать скромныхъ годинъ, господа, не приходятъ сразу, и часто, къ сожалѣнію, слишкомъ часто серебрятъ кудрявые виски тѣхъ... тѣхъ, кто это испытываетъ на себѣ. Видитъ Богъ, господа, что я не хотѣлъ никакихъ чествованій и всячески уклонялся отъ него, не чувствуя себя въ никакомъ правѣ воспользоваться заслугами, въ сущности, столь малыми, что ими хвалится каждый изъ насъ совершенно безъ всякаго, хотя бы слабаго отношенія къ его тридцатилѣтію. Да, я старался защищать, т. е. чисто юридически осуществлять права бѣдныхъ и угнетенныхъ, что-то значилъ въ литературѣ, куда-то толкалъ общественность. Такъ поступали мы всѣ, дружно и независимо, не отдавая себѣ отчета въ заслугахъ русскаго общества въ разныхъ областяхъ жизни и знанія. И я считаю, господа, искренне считаю, что это не меня вы сегодня чествуете, а тотъ немеркнувшій идеалъ, въ которомъ, какъ въ

каплѣ воды, сосредоточилось все, нами пережитое и перечувствованное...».

Въ дальнѣйшемъ рѣчь Феликса Владиславовича потекла и закончилась въ полномъ согласіи съ высказаннымъ ранѣе другими и съ подготовленнымъ имъ наканунѣ. Были аплодисменты, было много выпито, и прекраснаго впечатлѣнія отъ праздника не нарушилъ даже ближайшій и сильно подвыпившій пріятель юбиляра, обмусливш1й его поцѣлуями и словами: «Ну и бестія же ты, какъ ловко все оборудовалъ!».

Когда же, разойдясь по домамъ, всѣ уже спали, кто спокойно, кто бормоча несвязицу и отплевываясь, — одинъ-единственный Феликсъ Владиславовичъ, не взирая на усталость и на очень позднее время, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, подыскивая лучшія и наиболѣе скромныя и спокойныя выраженія для письма въ редакцію:

«Не имѣя возможности лично поблагодарить всѣхъ, почтившихъ меня визитами, письмами и телеграммами по случаю тридцатилѣтія» и пр., и пр.

УБІЙСТВО ИЗЪ НЕНАВИСТИ

Сейчасъ не принято начинать разсказы съ описанія природы, но мнѣ необходимо пояснить, что дѣло происходило въ калужской губерніи, въ деревнѣ, раннимъ лѣтомъ, въ тотъ самый годъ, когда въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шли теплые дожди по ночамъ, а утромъ выползало и устраивалось на небѣ омытое, сіяющее, горячее солнце, — и вся природа помѣшалась отъ такой удачи; хлѣба вообразили себя строевымъ лѣсомъ, а самая малая трава — кустарникомъ. Иванъ да Марья, напримѣръ, растенье вообще невзрачное, вытянулось почти въ ростъ человѣка и цвѣтами цѣловало въ уста. Вытянулись деревцами разные полевые злаки — полевица, бѣлоусъ, лисій хвостъ, канареечникъ, тимофеева трава, перловикъ, трясунка, овсянка, луговая занозка, едва можно пробраться черезъ ихъ заросли. Красный клеверъ доходилъ до пояса; даже обычно крошечная травка, вероника трилистная, извѣстная также подъ кличкой «мужская вѣрность» (очень легко цвѣты осыпаются), — и та, такъ вытянулась, что путала

ноги. Иные пригорочки на солнечной сторонѣ завились хмелемъ, и стоило прилечь на скатѣ, чтобы почувствовать себя пьянымъ. Пчелъ, мухъ, всякаго насѣкомья, жучковъ, мотыльковъ носились цѣлые хоры, гудѣлъ воздухъ отъ нихъ, и птичье царство ошалѣло отъ свѣта, тепла и радости. Такое лѣто выпадаетъ два-три раза на человѣческій вѣкъ. На лѣсныхъ полянкахъ мхи лежали перинами, а ранній грибъ-«зонтикъ» въ иныхъ мѣстахъ былъ ростомъ въ пятилѣтняго ребенка, даю честное слово! Изумительное было лѣто!

Въ это самое лѣто я пріѣхалъ погостить къ пріятелю, безъ пяти минутъ помѣщику; онъ купилъ въ малоярославецкомъ уѣздѣ восемь десятинъ лѣса и пашни, срубилъ себѣ избу въ три комнаты, положилъ начало фруктовому саду, развелъ огородъ и пріобрѣлъ коня Ваську, который весной и осенью вспахивалъ поля и лугъ, а зимой съѣдалъ все, что на нихъ выростало. Была, конечно, и корова, по имени Ольга Спиридоновна, а собаку звали Шевалье. Мой пріятель былъ толстовцемъ, но никого не притѣснялъ ни проповѣдями, ни добрыми дѣлами; съ нимъ можно было просто и пріятно разговаривать, и если случалось подъ соленый огурецъ, то онъ пилъ и водку со всей умѣренностью здороваго и занятого дѣломъ человѣка. Онъ писалъ книгу, но мнѣ ея вслухъ не читалъ — тоже хорошо. Меня научилъ косить, полоть огородъ, складывать палый листъ, ботву, навозъ и всякую дрянь въ компостную кучу, что вовсе не такъ просто. А такъ какъ поблизости была рѣка въ кудрявыхъ берегахъ, съ заводями и съ быстринками, то я былъ счастливъ, потому

что съ ружьемъ я никогда особенно не дружилъ, а по части рыбы — не могу преодолѣть въ себѣ жестокости; особенно щукамъ есть чѣмъ меня помянуть.

И жить намъ было бы прекрасно, если бы не было за полверсты сосѣда, Густава Густавовича, также проводившаго лѣто на лонѣ природы и дарившаго насъ постояннымъ вниманіемъ. Я не понимаю, какъ можно въ деревнѣ носить пиджакъ при крахмаленомъ воротникѣ, да еще стоячемъ, съ этими загнутыми уголками для помѣщенія между ними кадыка. И, конечно, галстукъ бабочкой. Мы оба съ пріятелемъ ходили въ деревнѣ архаровцами, рубаха безъ ворота при бывшихъ, потерявшихъ всякое приличіе, штанахъ, руки до локтя въ ссадинахъ и въ землѣ, потъ вытирали рукавомъ. Густавъ Густавовичъ этого не осуждалъ, но онъ всегда и обо всемъ высказывалъ вѣское сужденіе; такъ, онъ говорилъ: «Завоевывая природу, человѣкъ бываетъ вынужденъ временно отказываться отъ уже достигнутыхъ удобствъ цивилизаціи; позже, онъ вознаграждаетъ себя соразмѣрно этимъ затратамъ». И ласково и одобрительно смотрѣлъ на насъ въ микроскопъ. Когда мы продергивали морковь, онъ, стоя въ возможной близости на межѣ, объяснялъ намъ, почему скученность корнеплодовъ вызываетъ развитіе надземной части растенія въ ущербъ той ихъ корневой части, которая въ хозяйствѣ цѣнится, какъ продуктъ питанія. Когда мы прививали яблоньки, онъ высказывалъ очень вѣрную, хотя намъ уже нѣсколько извѣстную мысль о томъ, что прививка основана на способности организмовъ существовать паразитарно, питаясь соками

другого организма, преимущественно близкаго по виду. Все это было несомнѣнно интересно и работѣ не мѣшало. Лошадь отмахиваетъ оводовъ хвостомъ, а намъ просто не было времени слушать. Но когда онъ приходилъ на сѣнокосъ, въ насъ рождалось иногда преступное желаніе подрѣзать ему косой ноги, въ особенности когда онъ при этомъ говорилъ: «Оригинальность растительнаго міра въ томъ, что нарушеніе установившихся функцій питанія путемъ устраненія частей, обладающихъ хлорофиломъ, не медленно вызываетъ усиленную дѣятельность подземной части растенія, его корневой системы, что, въ свою очередь, вызываетъ новый ростъ, часто болѣе пышный, такъ какъ отдаляетъ моментъ цвѣтенія». А скошенная трава въ это время душила ароматомъ, потъ лился съ насъ градомъ, жаворонки въ небѣ орали и безобразничали, и намъ казалось, что гдѣ то поблизости на дорогѣ скрипитъ колесо несмазанной телѣги.

Однажды, передъ вечеромъ, я пошелъ пошататься въ лѣсъ, безъ всякихъ намѣреній и цѣлей, развѣ что на обратномъ пути собрать немного хвороста и еловыхъ шишекъ для печки и самовара. Лѣсъ, это какъ бы храмъ, онъ очищаетъ душу и наводитъ мысли на высокое; за хорошій хвойный лѣсъ можно отдать любимую книгу. А лѣсъ былъ тамъ охъ какъ хорошъ, хотя не чистый хвойный, а мѣшанный съ лиственнымъ. Продрался сквозь орѣшникъ, миновалъ осину и березу и выбрался въ еловый сумракъ, гдѣ нога скользила по палымъ иголочкамъ и росла кислица, заячья капуста. Пока тутъ дышалъ, солнце начало склоняться, и меня

поманило на знакомую поляну, гдѣ въ этомъ году трава доходила до горла. Здѣсь я остановился и сталъ влюбляться въ міръ; это нужно иногда дѣлать, чтобы не было тошно жить; прочемъ, я былъ молодъ и кое во что еще вѣрилъ. Воздухъ былъ напоенъ смолой, медомъ и чудомъ травъ; разныя пичуги передъ сномъ болтали о завтрашнемъ днѣ, бѣлка гордилась хвостомъ, дятелъ долбилъ свою азбуку, а въ травѣ шуршалъ не вѣсть кто, можетъ быть уважаемая, но не страшная змѣя, а то ежъ. И я, какъ свой человѣкъ въ ихъ компаніи, не царь природы, а равноправный братишка. Оркестръ играетъ тихонько, подъ сурдинку, кукушка считаетъ года, кузнечики пилятъ свое, и я думаю: позвольте мнѣ пожить и помечтать съ вами рядышкомъ, господа живыя существа, не отвергайте меня за дурной человѣческій запахъ! Окруженный всякими знакомыми былинками и задумчивыми цвѣтами, стоялъ неподвижно и ждалъ еще какого-нибудь чуда, напримѣръ голоса съ неба или изъ древеснаго дупла. И когда я такимъ образомъ утонулъ въ лѣсномъ шопотѣ и душистой вечерней прохладѣ, — вдругъ, дѣйствительно, за моей спиной раздался голосъ:

— Въ сущности то, что мы называемъ гармоніей красокъ или гармоніей звуковъ, не есть дѣйствительная абсолютная гармонія, а только совпаденіе числа колебаній съ заранѣе нами принятымъ условнымъ числомъ. Здравствуйте!

Кукушка подавилась, бѣлка издохла и травы повяли. Вы поднесли къ губамъ фіалъ нектара, а онъ оказался навозной жижей. Даже по сердцу рѣзануло, и тогда впервые въ моей душѣ зародилась

мысль объ убійствѣ. Я обернулся и увидалъ галстукъ бабочкой и вполнѣ приличное лицо.

У запоздалой пчелы я занялъ воску и залѣпилъ имъ уши, такъ что домой мы пришли сравнительно мирно. Мой толстовецъ, какъ непротивленецъ, былъ даже доволенъ, такъ какъ могъ поупражнять свою волю, а меня трясло до тѣхъ поръ, пока Густавъ Густавовичъ не ушелъ во свояси, да и ночью мнѣ снилась риторика верхомъ на ослѣ. Я замахнулся на нее вилами и проснулся, такъ какъ во снѣ ударилъ кулакомъ въ стѣну.

Скажу просто: этотъ человѣкъ, за два мѣсяца ежедневныхъ встрѣчъ, до того мнѣ надоѣлъ, что при одномъ его приближеніи я убѣгалъ подальше въ поле. Разъ я хотѣлъ даже вырыть по серединѣ тропинки, по которой онъ къ намъ приходилъ, волчью яму съ кольями, но ужъ очень это было сложно. Одинъ разъ, будто нечаянно, хватилъ его граблями и не извинился. Онъ почесалъ ушибленное мѣсто и объяснилъ что-то о причинахъ несоразмѣренности движеній и излишкахъ затраты рабочей энергіи, приведя въ примѣръ муравья, напрасно втаскивающаго тяжесть на высохшій стебель травы. Я сказалъ «чортъ», но онъ на свой счетъ не принялъ.

Послѣдняя трагедія произошла на берегу рѣки. Я нарочно выбралъ мѣстечко удаленное отъ жилья, скрытое среди наклонившихся къ водѣ ивъ, не очень удобное для ловли, такъ какъ рыбу приходилось втаскивать на крутой бережокъ, но дѣло было не въ рыбѣ, и даже время для ловли не подходящее, а дѣло было въ созерцаніи. Мы, рыбаки, созерца-

тели по преимуществу, а не жаднюги и не злодѣи. Мы забрасываемъ удочку въ спящую на припекѣ воду и будто бы смотримъ на поплавокъ. И дѣйствительно смотримъ, замѣчая малѣйшее его дрожаніе, и въ то же время видимъ и колебаніе тростника, и всю зеленую рамку, въ которую вставлено зеркало, и облако, и что за облакомъ, и что подъ водой, и чѣмъ земля живетъ, и какъ зачалось ея бытіе, и какъ оно благословенно всюду, куда ни затесался нашъ опытъ, и какъ въ ея бытіи растворяется наше. Рыбачье дѣло — истинная мистерія. Любопытно, что рыба видитъ все не хуже нашего; она кружитъ вокругъ висящаго червяка, зная, что онъ вывѣшенъ на ниткѣ ей на погибель, кружитъ и приговариваетъ: «Нашли дуру! Гдѣ это видано, чтобы червякъ висѣлъ неподвижно, не всплывая и не тоня! Ясное дѣло — на крючкѣ. Нужно рехнуться, чтобы его попробовать. И вкуса въ немъ никакого. Вотъ на зло подплыву, сдерну его и выплюну, такую невидаль». Ей и хочется и колется. И не подсѣки я во время — сдернетъ. Вотъ ужъ и кружочки идутъ отъ поплавка. И тутъ около васъ садится, расправляя брюки, чортъ съ бабочкой, отчеканивая умныя слова: «Въ рыбной ловлѣ все базируется на условности; мы предполагаемъ, что жадность и, въ особенности, конкуренція берутъ верхъ надъ вниманіемъ и естественной подозрительностью воднаго населенія. Любопытно, что даже непревычная и незнакомая пожива, какъ, напримѣръ, распаренный горохъ или катышокъ хлѣба, дѣйствуетъ столь же притягательно, хотя гу-гу-гу, зызызы балаба кѣмъ нибудь талака и овода чикато на бѣду куда либо да...» — дудитъ комаръ

въ мое увядающее отъ ужаса и тоски ухо, и уже некуда дѣться, гладь рѣки превращается въ надоѣвшій супъ, по небу ползаютъ тараканы и жолчь струйкой льется изъ пузыря, окрашивая послѣдніе проблески яснаго сознанія. Тутъ происходитъ невѣроятное: раздвигается зеленый занавѣсъ, и волосатая рука протягиваетъ мнѣ охотничій ножъ, который я беру съ собой неизмѣнно для всякихъ надобностей, протягиваетъ и приказываетъ: «убей!» — И тогда я внезапно дѣлаюсь очень вѣжливымъ и почти заискивающе прошу: «Не угодно ли вамъ, Густавъ Густавовичъ, пройти со мной на эту лѣсную опушку?» — Онъ, конечно, встаетъ, отряхиваетъ съ панталонъ землю и идетъ. Почему я не убилъ его на берегу, а повелъ къ лѣсочку, точно не знаю. Здѣсь я убилъ его однимъ ударомъ въ то мѣсто, гдѣ полагается у настоящаго человѣка быть сердцу и гдѣ и у него нашлось что то соотвѣтствующее и уязвимое. Убилъ я безъ раздумія и безъ малѣйшаго сожалѣнія, хотя вообще даже червяка насаживать на крючокъ мнѣ всегда какъ то жалко и неловко. А убивъ, дотащилъ обратно до берега и сбросилъ въ воду.

И вотъ, тридцать лѣтъ спустя, я прочиталъ недавно, что Густавъ Густавовичъ не то назначенъ, не то избранъ (какъ тамъ теперь дѣлается) академикомъ по какой то своей области наукъ, это совершенно безразлично, потому что онъ могъ по любой части говорить безостановочно и вполнѣ толково, даже разумно. Конечно, я его тогда не убилъ и даже

пальцемъ не тронулъ, не звѣрь же я въ самомъ дѣлѣ. Но вынести его присутствія я больше не могъ и уѣхалъ, оставивъ ему на съѣденіе пріятеля - толстовца. Въ памяти же моей, онъ остался растерзаннымъ моими руками, исполосованнымъ моимъ ножемъ окончательно мертвымъ человѣкомъ, отъ котораго я избавилъ живую природу, міръ дышавшій и таинственный, полный прелести и поэзіи, мой лѣсъ, мою рѣчку, и жаворонка въ небѣ, и пушистую бѣлку, и кукушку, все еще считающую наши года.

АНОНИМЪ

Этого человѣка я представляю себѣ настолько, что могу карандашомъ нарисовать его профиль: не выгнутый, а вогнутый малый лобъ; длинный носъ, съ сухой и правильной косточкой, но неудачно законченный; тонкія губы, хорошей формы, малоподвижныя и трусливыя, потому что за ними скрытъ рядъ плохихъ зубовъ; чрезвычайно непріятные глаза (зеркало души) никакого цвѣта, съ обломанными внутри иголочками, никогда не смотрящіе совсѣмъ прямо; очень красивыя, блѣдныя, почти аристократическія уши; волосы растущіе чахло, неровно, съ прогалинами, на кончикахъ расколотые. Плечи остры, грудь плоска, руки длинны, пальцы тонки и музыкальны, ногти ровны и блестящи — на зависть. Во всемъ обликѣ есть нѣчто отъ породы, но испорчено и оскорблено помѣсью барина съ лакеемъ, скрытой и стыдной: не чистая дворняга, но ужъ, конечно, — не благородный песъ.

Человѣкъ необычайно внѣшне опрятенъ. Видно, что оберегаетъ свое платье отъ складочекъ, на ночь

вѣшаетъ штаны на хорду, жилетъ и пиджакъ на дугу деревяннаго сегмента, вѣшаетъ за крючокъ на желѣзную касательную внутри дешеваго неправильнаго шестигранника, гдѣ виситъ у него также костюмъ черный, вечерній, гдѣ на протянутой веревочкѣ ждутъ судьбы галстуки, а внизу коробка съ двумя щетками и ваксой. Человѣкъ стыдится бѣдности, считаетъ и строго распредѣляетъ свои копейки на потребности, чуждается прихотей, чтобы не быть обязаннымъ и не получать оскорбленій. Самъ не сердечный, въ чужую сердечность не вѣритъ, искренне презирая всякую широкость натуры. Вечеромъ, окончивъ свой скудный холодный холостяцкій ужинъ, моетъ подъ краномъ тарелку, стыдясь дешевыхъ розановъ на ея ободкѣ, приводитъ зубочисткой въ порядокъ неровные зубы, чиститъ ихъ мѣловымъ порошкомъ безъ мяты, изслѣдуетъ постоянный, противный, не подсыхающій прыщикъ на лѣвой скулѣ, подкармливаемый его худосочіемъ и раздражающей кожу пудрой. Несмотря на этотъ прыщикъ, бреется ежедневно старой опасной бритвой, которую точитъ о складной ремень.

Онъ хорошо знаетъ, что неказистъ, и отъ этого сознанія душа его съежена, усѣяна защитными колючками, сама себя съѣла, — потому что онъ еще молодъ и не можетъ не думать о женщинахъ, о многихъ женщинахъ, толстыхъ, тонкихъ, простыхъ и изощренныхъ въ любви, привлечь, забрать, завоевать которыхъ онъ можетъ только или внезапнымъ богатствомъ, или такой же внезапной славой, блестящими рѣчами, героическимъ жестомъ, и ничего этого нѣтъ и не будетъ, и онъ одинъ, и

ему ужасно холодно, прыщикъ на скулѣ не подсыхаетъ, а женщины льнутъ къ здоровымъ и развязнымъ дуракамъ, которыхъ онъ ненавидитъ и которымъ бѣшено завидуетъ. Но если бы случилась женщина, которая предпочла бы его всѣмъ этимъ ничтожествамъ и поняла, главное — поняла, оцѣнила, — онъ заговорилъ бы ее потокомъ несказанныхъ имъ словъ, обрушился бы на нее со всей яростью безсилія, истопталъ бы ее ревностью, ограбилъ и опоганилъ ея чувство и со страхомъ ждалъ, когда она дастъ ему послѣднюю пощечину. Самъ убить неспособный, онъ могъ бы только оподлить ее, себя и весь міръ. Чувствуя это, онъ содержитъ себя въ порядкѣ и чиститъ ногти стальной нарѣзной пластиночкой.

При всей строгости и аскетичности, онъ кокетничаетъ выдержанностью стиля своей единственной комнаты, хотя мало кто у него бываетъ. На чистѣйшемъ столѣ (тряпочка за умывальникомъ) стоитъ опрятная чернильница, большая и внушающая уваженье, — коробка для чистой бумаги, перья, карандашъ, перочинный ножикъ, календарь и двѣ книги, сразу подымающія къ нему уваженіе: книга философская и «Essai sur la création artistique.» И еще полка съ книгами, такъ подобранными, что при первомъ взглядѣ на ихъ корешки можно составить себѣ о хозяинѣ комнаты самое лестное мнѣніе. Въ этомъ тоже сказалась ублюдочность его породы: онъ боится оставить на виду книги случайныя или могущія вызвать улыбку и недоумѣніе, — онъ ихъ прячетъ въ шкапу. Есть у него склонность къ чувствительнымъ и немножко скабрезнымъ романамъ, щеко-

чущимъ неудовлетворенность его фантазіи; но онъ ихъ стыдится и держитъ подъ спудомъ. Одно время на каминной доскѣ стоялъ у него портретъ его матери, уже старой женщины, но и этотъ портретъ переѣхалъ въ шкапъ, такъ какъ у матери было добродушное и неинтеллигентное лицо. Вмѣсто матери стоитъ теперь маленькая, дешевая, но все таки античная, почтенная зеленью статуэтка. Умывальникъ, какъ неопрятное и слишкомъ житейское, скрытъ за ширмой. Комната, въ которой можно и мыслить, и работать, и принять работающаго и мыслящаго человѣка. Онъ, конечно, не куритъ, и запахъ комнаты его безполъ, лишь немного кисловатъ.

Въ его прошломъ несомнѣнно должны быть литературные опыты, окончившіеся неудачей, неуспѣхомъ у друзей и публики. Что-нибудь далъ отъ своей, тогда еще не раненой души, и это не было принято; и рядомъ съ этимъ успѣхъ выпалъ на долю менѣе достойныхъ. Было въ его писаніи все, по тому времени нужное, но не хватило, вѣроятно, какой-то искорки, можетъ быть — естественнаго благородства стиля, можетъ быть — простоты чувства, чего-нибудь, съ чѣмъ нужно родиться, чего не добудешь никакими стараніями, — какъ не поправишь плебейской загогулинки на породистомъ носѣ, какъ не измѣнишь цвѣта безцвѣтныхъ глазъ. И тогда въ немъ родилась зависть, противная и неподсыхающая, какъ прыщикъ. Сначала она развила въ немъ наблюдательность — качество критика, и онъ подмѣчалъ и ловилъ чужія ошибки съ искусствомъ сыщика и со слишкомъ неприкрытой злобой, выдававшей его чувство. Но послѣ зависть его ослѣпила, и онъ

съ жадностью сталъ искать въ каждой чужой строкѣ того, чѣмъ былъ богатъ самъ: низкихъ чувствъ, злыхъ намековъ, неискренности, культурныхъ прорѣхъ, скрытой грязи подъ внѣшней опрятностью, нравственнаго худосочія, литературной корысти, жгучаго страха непризнанія. И онъ радовался, откапывая въ чужой душѣ родственныя ощущенія, и безмѣрно страдалъ, когда мысленно пущенная имъ стрѣла отскакивала отъ иной брони, даже не оцарапавъ. Хуже всего то, что онъ и самъ зналъ и напрасность, и несправедливость своихъ покушеній, но сдержаться не могъ: онъ больше не переносилъ чистаго воздуха и бѣлыхъ пространствъ, жаждалъ чужихъ паденій и искалъ глазами пятенъ на бѣлоснѣжныхъ ризахъ, потому что въ бѣлоснѣжность онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить, и не хотѣлъ.

Онъ еще и сейчасъ пишетъ, но уже не пытаясь выступать въ печати подъ своимъ, впрочемъ, совершенно неизвѣстнымъ именемъ. Онъ посылаетъ свои разсказы на конкурсы, и не удивляется, а почти радуется, когда призы достаются ничтожнымъ и пошлымъ чужимъ произведеніямъ; но если бы хоть разъ премировали его разсказъ, онъ былъ бы въ страшномъ испугѣ и врядъ ли выдалъ бы свое авторство, потому что даже временное и случайное признаніе совершенно разрушило бы весь строй его отношеній къ людямъ. Для себя самого онъ пишетъ что-то вродѣ дневника, гдѣ, среди злобныхъ оцѣнокъ и совершенно гадкихъ предположеній, можно найти сентиментальныя строки: люди злые и склонные къ клеветѣ почти всегда сентиментальны, часто религіозны. Перечитывая свои тайныя творенія, онъ

иногда трогается до слезъ и съ испугомъ озирается: можетъ кто-нибудь подсмотрѣть въ замочную скважину. Но такъ бываетъ не всегда; у него достаточно вкуса, чтобы не только ловить себя на ошибкахъ, но и чувствовать свою унылую серединность, тщету своихъ творческихъ усилій, природное и неустранимое ничѣмъ авторское безсиліе. И онъ особенно ясно и болѣзненно это сознаетъ, когда тою же вѣрной догадкой улавливаетъ чужой талантъ, нѣкій Божій даръ, данный другому не по заслугамъ, безъ испытанія, безъ муки, такъ — здорово живешь! И въ эти минуты онъ пронизываетъ свою душу дѣятельной ненавистью, и сердце его кровоточитъ.

Именно въ такомъ состояніи онъ написалъ свое первое анонимное письмо — молодому автору, первый романъ котораго имѣлъ настоящій, крупный успѣхъ, нѣсколько шумный и, можетъ быть, не вполнѣ заслуженный. Онъ написалъ баловню судьбы длинное письмо безъ подписи, которое старательно переписалъ на машинкѣ. Онъ съ ловкостью подмѣтилъ въ романѣ нѣсколько заимствованій, рядъ вліяній невысокаго достоинства, — но это были пустяки, и нужно было уязвить больнѣе, и онъ выкопалъ въ памяти темную исторійку, которой самъ не вѣрилъ, но на которую намекнулъ зло и съ пафосомъ благороднаго негодованія. Тотъ оправдался бы, если бы могъ отвѣтить, — но, вѣдь, отвѣтить некому, и у него будетъ достаточно времени помучиться безсиліемъ измѣнить о себѣ мнѣніе неизвѣстнаго корреспондента. Пусть человѣкъ не слишкомъ упивается своими успѣхами, пусть почувствуетъ, что для его излишней самоувѣренности есть острастка. И онъ

имѣлъ случай убѣдиться, что огорчилъ человѣка и нѣсколько испортилъ ему праздникъ.

Съ тѣхъ поръ писанье анонимныхъ писемъ, иногда очень ядовитыхъ, иногда беззубыхъ, то обстоятельныхъ, то содержащихъ лишь строку ругательствъ, сдѣлалось его постояннымъ занятіемъ. Сначала, налѣпляя марку на очередную гадость, онъ испытывалъ самъ къ себѣ презрѣніе и трусливо оглядывался, — не увидалъ бы кто-нибудь, не понялъ бы, не ударилъ бы его по лицу. Но затѣмъ онъ догадался закутаться въ тогу тайнаго общественнаго мстителя, идейнаго палача самоувѣренныхъ бездарностей, нѣкоего верховнаго судіи. Онъ придумалъ себѣ имя, которымъ сталъ постоянно подписываться, чтобы письма не были анонимными. Онъ внимательно прочитывалъ новыя книжки журналовъ и номера газетъ, пропуская посредственное и выискивая то, что обратитъ вниманіе и другихъ читателей. У него появились враги временные и постоянные; временнымъ онъ удѣлялъ нѣсколько презрительныхъ строчекъ, чаще всего на открыткѣ, чтобы могъ прочитать и случайный человѣкъ. Враги постоянные вынуждали его усиленно работать и изощрять свою мысль и свой стиль. Если онъ не зналъ ихъ лично, — онъ разузнавалъ, доискивался, изучалъ ихъ слабости, чтобы уязвить ихъ въ самое больное мѣсто. Въ свои письма онъ вкладывалъ такъ много настоящей страсти и неподдѣльной ненависти, что иногда писалъ дѣйствительно талантливо и причинялъ людямъ не только словесную обиду, но и подлинное огорченіе. Возможно даже, что нѣкоторымъ онъ принесъ и пользу, хотя не къ

этому, конечно, стремился. Но онъ не учелъ одного: того, что такихъ же, какъ онъ, обиженныхъ судьбой, озлобленныхъ, не способныхъ на открытое выступленіе, но смѣло стрѣляющихъ изъ-за угла, изъ-подъ прикрытія, очень много, что и редакціи газетъ и журналовъ, и каждый болѣе или менѣе видный писатель и общественный дѣятель неизбѣжно получаютъ много писемъ и писулекъ отъ анонимовъ грамотныхъ, малограмотныхъ, болѣе остроумныхъ или болѣе глупыхъ, посильныхъ критиковъ или простыхъ ругателей, иногда искреннихъ, чаще завистливыхъ, еще чаще — просто графомановъ, и что къ этому они привыкаютъ, какъ къ тому, что послѣ многихъ рукопожатій приходится мыть руки или къ тому, что у ихъ подъѣзда постоянно гадитъ собачка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нерасчетливо затрачивая больную раздраженность, замѣнявшую ему душевный жаръ, и не получая отвѣта, онъ самъ себя сжигалъ и уже не пылалъ, а коптилъ и вдыхалъ собственную копоть: затупились слова отъ частаго ихъ повторенія, стали пошлыми и мимо цѣли бьющими намеки, и злоба маленькаго человѣка, рядового неудачника, всѣмъ за свою неудачу мстящаго, стала выпирать изъ утратившихъ ядъ строчекъ. «Тайный общественный мститель» превратился въ чиновника, у самого себя на службѣ, привычно скрипящаго перомъ отъ такого-то до такого-то часа, потому что такъ повелось и вошло въ привычку, и ничего иного въ жизни не осталось.

По привычкѣ заперевъ дверь на ключъ, чтобы кто-нибудь не вошелъ, уже усталымъ перомъ на

обычной бумагѣ, онъ выводитъ ровнымъ почеркомъ бранное слово, подчеркивая его ровной и спокойной чертой, въ лѣнивой надеждѣ, что оно можетъ оскорбить его постояннаго «врага» или больно огорчить временнаго. Сложивъ письмо, онъ тщательно засовываетъ его въ конвертъ, лижетъ клей утратившимъ остроту языкомъ, приглаживаетъ заклейку тонкимъ пальцемъ съ очень породистымъ ногтемъ, лѣпитъ марку въ верхній правый уголъ, внутренне поеживается отъ неизбѣжности значительнаго почтоваго расхода. Но, отказывая себѣ во многомъ, — въ этомъ онъ отказать не можетъ.

Аккуратный во всемъ, онъ переписываетъ набѣло большія письма четкимъ и безразличнымъ почеркомъ, спеціально для этого приспособленнымъ. Но копій не хранитъ, — онъ рветъ ихъ на мелкіе кусочки, чтобы нельзя было составить ни одной фразы. Можетъ быть онъ еще вѣритъ въ свою біографію, въ то, что она когда-нибудь будетъ. Или изъ простой робости. Или даже изъ той чистоплотности, съ которой собаки и кошки забрасываютъ лапами слѣды своего невиннаго грѣха. Или съ этими свидѣтелями житейскаго ему душно въ комнатѣ, на столѣ которой лежатъ на виду философскія книги. Или это — загадка даже для него самого. Не оставляя копій и не перечитывая ихъ, онъ часто повторяется. Но это его не смущаетъ. И вообще — онъ усталъ.

ВИДѢНІЕ

Два санитара внесли въ комнату и уложили въ постель худое тѣло молодого человѣка въ безсознательномъ состояніи. Такъ говорится, когда сознаніе человѣка не зависимо отъ привычныхъ условностей. Въ данномъ случаѣ въ постель укладывалось чудовищное по размѣрамъ тѣло, разбитое на много самостоятельно полуживших частей: огромная голова, свѣшиваясь въ пропасть, ударялась о мягкіе выступы скалъ; десятки рукъ и ногъ, перепутавшись, препятствовали движеніямъ, разбрасываясь и сплетаясь въ воздухѣ; безсчетные куски органовъ старались напречься и занять свои мѣста, но ихъ раскидывало набѣгавшими волнами, и на это уходили минуты, часы и вѣчности. Два мотора работали не въ тактъ, и отъ горла къ необычайно отдалившимся пяткамъ бѣгала, запинаясь за скрѣпы рельсъ, дребезжавшая на ходу вагонетка; добѣжавъ до середины пути, она внезапно откатывалась по откосу, сбрасывала тяжесть и бѣжала обратно, нагружаясь въ пути каменными глыбами. Въ отдушину пытался и не могъ ворваться

свѣжій воздухъ, такъ какъ потныя руки захлопывали отверствіе. Всему этому долженъ былъ вестись точный счетъ, — разъ - два, три - четыре, но и это оказывалось невозможнымъ, такъ какъ колесико счетчика соскакивало и начинало снова. Боли не было, а если и была, то чувствовалась совершенно постороннимъ человѣкомъ, лежавшимъ рядомъ и надоѣдливо повторявшимъ одно слово. Такъ было, пока происшедшая гдѣ - то заминка не остановила движенія цѣлаго ряда частей, оказавшихся ненужными и вообще не существовавшими. Значительно уменьшившись въ размѣрахъ, тѣло соединилось съ головой и начало обростать чувствительной къ холоду кожей, особенно въ области живота, куда направилось все движеніе и вся путаница ощущеній. Навалившаяся тяжесть была чудовищна, и никто, никто ея не сбрасывалъ, хотя достаточно было приподнять ее съ края и отвалить, облегчивъ человѣку дыханіе и вообще прекративъ эту напрасную и такъ легко устранимую муку. Голосъ въ неизвѣстномъ направленіи произнесъ отчетливо «очнулся» — какъ разъ въ моментъ, когда больной, пріоткрылъ тяжелое глазное вѣко и ощутивъ ударъ острымъ орудіемъ по виску, тотчасъ же отдавшійся въ сердцѣ, дѣйствительно, впервые потерялъ всякое сознаніе, замѣнившееся спокойнымъ блескомъ свѣтлаго угла на черномъ полѣ. Сестра милосердія вопросительно взглянула на доктора, который пожалъ плечами и ничего не сказалъ. Съ этой же минуты начинается разсказъ о послѣдней большой любви.

⁂

Родныхъ не было, а пришедшему навѣстить пріятелю сказали, что чудеса случаются, но отъ врачебной науки не зависятъ. Его допустили къ больному, потому что никакого вреда отъ этого не могло случиться: худое тѣло лежало покойно, и въ немъ продолжалась жизнь, о духовномъ богатствѣ которой никто не могъ подозрѣвать. Иногда больной пріоткрывалъ глаза и смотрѣлъ прямо передъ собой на висѣвшее на стѣнѣ расписаніе больничныхъ правилъ, въ рамкѣ подъ стекломъ; около губъ появлялась тогда легкая морщинка, которую можно было принять за улыбку. Никакихъ иныхъ движеній онъ не дѣлалъ, не могъ дѣлать, и ни въ чемъ иномъ не проявлялось признака неугасшаго сознанія. Пріятель посидѣлъ около его койки въ большомъ смущеніи, не зная, долженъ-ли онъ чего-то дождаться или можно уже уйти, такъ какъ долгъ исполненъ. Погладивъ одѣяло около рукъ больного, онъ всталъ и, отойдя, оглянулся, этимъ замѣнивъ поклонъ, который былъ бы какъ то неумѣстенъ. На пути изъ больницы онъ довольно живо, въ умѣ подбирая выраженія, обдумывалъ, какъ разскажетъ знакомымъ объ этомъ тяжеломъ посѣщеніи; такъ какъ разсказывать, въ сущности нечего, то онъ махнетъ рукой и именно сдержанностью выраженій передастъ впечатлѣніе полной безнадежности. Такъ онъ и сдѣлалъ, прибавивъ: «подумать, что только вчера вечеромъ мы видѣлись, и мнѣ въ голову не пришло...». Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ подобный же случай, когда онъ за часъ не подозрѣвалъ, что его

близкій знакомый (онъ сказалъ «другъ», но это было преувеличеніемъ) уже написалъ и послалъ прощальныя письма. Еще кто-то разсказалъ еще что-то, имѣвшее нѣкоторое отношеніе, и только послѣ этого перешли къ обычнымъ анекдотамъ.

Въ больничной комнатѣ окно было настежь распахнуто, — единственное предписаніе, которое сдѣлалъ врачъ. Воздухъ былъ свѣжъ постольку, поскольку онъ былъ свѣжимъ на проѣздной, но довольно тихой улицѣ большого города. Изрѣдка входила сидѣлка, — но ей не приходилось даже поправить одѣяла. Объявленіе въ рамкѣ висѣло нѣсколько наклонно на стѣнѣ, противъ окна и постели больного. Въ объявленіи были подробно изложены правила поведенія больныхъ, посѣтителей, все въ очень серьезныхъ, дѣловыхъ и строгихъ выраженіяхъ. По стеклу въ блѣдномъ отраженіи проходили фигуры людей и мелькали крыши автомобилей.

То, чего ему нехватало въ жизни и что могло бы удержать его отъ губительнаго поступка, на который онъ рѣшился съ такой мучительной неохотой, — то явилось поздно съ полной неожиданностью и въ изумительной обстановкѣ. Его ощущенія были непередаваемы, — да и не кому было ихъ разсказывать. Не было границъ ни во времени, ни въ пространствѣ, не было чудеснаго, какъ не было и ничего ранѣе знакомаго. Самъ онъ пребывалъ въ спокойствіи созерцанія, и все дѣлалось для него, какъ прекрасный заговоръ. Онъ могъ, когда хотѣлъ, вызывать образы, и они появлялись на блестящемъ экранѣ неустойчивыми, мелькающими тѣнями. За долгое, очень долгое время, онъ привыкъ разбираться

въ этихъ тѣняхъ и понялъ, что всѣ онѣ случайны и ненужны, кромѣ одной бѣлой фигуры, появленіе которой устраняло всѣ случайности и предназначалось только для него. Это была женщина, которая откроетъ лицо и взглянетъ, — и тогда все оправдается и станетъ навсегда яснымъ. Она не скрывалась, она, напротивъ, появлялась чаще всѣхъ другихъ, въ непрерывномъ движеніи, и каждое ея движеніе было многозначущимъ, подготовлявшимъ встрѣчу и прочную, вѣчную ихъ связь. Собственно только теперь онъ былъ увѣренъ, что есть любовь, которая переступитъ порогъ и войдетъ къ нему. Было большое желаніе, но и не нужно было, и не хотѣлось спѣшить, потому что въ минутахъ подготовки было неизмѣримое очарованіе. Онъ закрывалъ глаза — все равно, свѣтлое пятно съ движущейся бѣлой фигурой оставалось передъ нимъ, тихо тая, и можно было снова сдѣлать его очертанія болѣе ясными, легкимъ усиліемъ приподнявъ вѣки. Такъ могло быть всегда, и никакого счета времени не рождалось въ его представленіи, въ немъ не было нужды. Но было ощущеніе полноты родившагося чувства, громадной благодарности судьбѣ за этотъ подарокъ, и онъ не сомнѣвался, что это и есть любовь, никогда и никѣмъ до него не испытанная. Иногда, приподнявъ вѣки и вглядѣвшись, онъ узнавалъ что-то знакомое по прежнему міру, — очертанія дома съ рядомъ темныхъ оконъ, пробѣгъ экипажа и еще разныя мелочи, необходимыя, какъ дальній планъ, на которомъ сейчасъ возникаетъ образъ единственно важнаго. И вотъ изъ темноты, въ рамкѣ сѣраго камня, изъ подъ темно-красныхъ фантастическихъ

занавѣсей, какъ будто отороченныхъ горностаемъ, появлялась бѣлая фигура, никогда цѣликомъ, а лишь быстрымъ поворотомъ головы, взмахомъ руки, намекомъ на образъ, ему близкій и имъ любимый, мелькнувшимъ румянцемъ щеки, прядью золотистыхъ волосъ, — и опять исчезала въ темной волнѣ или зачеркивалась иными, ненужными и случайными движеніями окружавшихъ, какъ бы защищавшихъ ее лицъ, свѣтовыхъ бликовъ, вспыхивавшихъ и гасшихъ пятенъ. Не нужно ни имени, ни точнаго знанія, — кто же она такая, что связало ихъ тѣсно и навсегда? Въ его тяжкомъ положеніи человѣка, быстро терявшаго остатокъ жизненныхъ силъ, такихъ вопросовъ не могло и возникнуть; если мысль его и работала, то лишь по инерціи, передавъ всю дѣйственную силу чувству, которое не только не потерпѣло ущерба, но впервые и горѣло и свѣтило такъ полно и ярко, безъ задержекъ, безъ сомнѣній, въ полетѣ свободномъ и вдохновенномъ, безъ напрасной спѣшки, наслаждаясь образами своего творчества. И если даже образъ женщины исчезалъ на минуты или на часы (счета времени не было), это ничуть не нарушало блаженнаго состоянія, потому что онъ все - таки былъ въ прошломъ и онъ все - таки будетъ. И правда въ награду за пропускъ какихъ - то мгновеній, онъ появлялся съ особой отчетливостью, и бѣлая фигура, выйдя вся на свѣтъ, то взмахивала блестящимъ, то простирала обѣ руки вверхъ и снова исчезала въ складкахъ висѣвшихъ декорацій, темно - багровыхъ пятенъ, горностаевыхъ оторочекъ, бликовъ свѣта, чуждыхъ мельканій и ласкающей воображенье путаницы живыхъ черточекъ и зигзаговъ. Схваченная

отраженьемъ улицы, она гасла съ обѣщаніемъ зажечься снова.

Нѣсколько разъ и она и всѣ оживленныя тѣни того міра заслонялись тѣнями міра здѣшняго, холодными и безразличными, скользившими мимо зрѣнія умиравшаго человѣка. Ихъ онъ пропускалъ, не ощущая непріязни, просто не учитывая ихъ чувствомъ, которое единственно еще оставалось въ немъ живымъ, какъ не ощущалъ ни боли, ни тепла, ни холода, ничего, связаннаго съ тѣломъ. Онѣ были безсильны заслонить образъ, запечатлѣвшійся теперь въ немъ самомъ, такъ что ему уже можно было не открывать глазъ. И однако, въ какую - то минуту онъ не только открылъ ихъ охотнѣе и напряженнѣе обычнаго, въ послѣдній разъ уловивъ свѣтлый образъ, но и не нашелъ воли и желанія закрыть, — теперь это было ему безразлично. Его вѣки осторожно опустила подошедшая женщина въ бѣломъ халатѣ, не та, которую онъ видѣлъ въ отраженіи наклоненнаго на стѣнѣ стекла. Потомъ, уже въ вѣчности, въ комнату вошелъ докторъ, и разговоръ былъ кратокъ и напрасно полушопотомъ, потому что эти живые люди знали, что на постелѣ лежитъ мертвый молодой человѣкъ, этимъ утромъ привезенный въ больницу; послѣ напрасной помощи ему оказанной, онъ прожилъ только нѣсколько часовъ, и солнце еще не сѣло, въ комнатѣ было свѣтло.

Его тѣло вынесли съ привычной быстротой, несуетливо, незамѣтно и опрятно. Комната была прибрана въ нѣсколько минутъ, и могъ явиться новый гость. Окно было оставлено отвореннымъ, объявленіе подъ стекломъ висѣло на стѣнѣ, кроват

была чиста, въ комнату никто больше не входилъ. И никто не зналъ, что образы, осчастливившіе живымъ мельканіемъ угасавшія чувства молодого человѣка, который никогда прежде счастливъ не былъ, продолжали свою игру, можетъ быть еще не зная объ его уходѣ въ темный міръ. Время отъ времени тамъ, гдѣ онъ видѣлъ, мелькали плечо или рука въ бѣломъ платьѣ, или румянецъ щеки, или фигура въ движеніи, — затѣмъ она погружалась въ тѣнь, ее заслоняли другія видѣнія, играли свѣтовые зайчики, чередовались полосы синеватаго и темно-краснаго оттѣнка съ бѣлой оторочкой, проплывали въ обѣ стороны отраженія случайныхъ людей. Все то, что рисовала ему фантазія, было отзвукомъ дѣйствительности, но существовало единственно для него; и оно не только осталось, но было готово остаться надолго, жить для другого, если его творецъ ушелъ такъ скоро и, уходя, не потушилъ игры свѣта.

По мѣрѣ того, какъ день склонялся къ вечеру, игра свѣта блекла, и даже наиболѣе яркіе тона становились темными; сѣрые камни стѣнъ сливались съ чернымъ фономъ, на которомъ умиравшему видѣлся образъ его послѣдней любви, — неясный, въ отрѣзкахъ очертаній, но безошибочно предназначавшійся ему. Замедлились движенія — вмѣстѣ съ замолкавшимъ шумомъ улицы; уже не вспыхивали цвѣтными огоньками бойкіе зайчики. Въ окно повѣяло холодкомъ. Въ больницѣ было тихо, какъ всегда; еще не зажигали огня, и выздоравливавшіе, которымъ разрѣшалось читать въ постеляхъ, могли это дѣлать, не утомляя глазъ. Скоро должны были смѣниться служащіе — послѣ обѣденнаго часа, кото-

рый приближался. Все было, какъ было всегда.

Когда на мостовую стали ложиться длинныя тѣни, въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ зажегся свѣтъ. Въ комнату, гдѣ умеръ молодой человѣкъ, вошла дежурная сестра и подошла къ окну, чтобы его запереть. На противоположной сторонѣ улицы бѣлая фигура здороваго, рыжеволосаго мясника длинной палкой съ крюкомъ снимала съ гвоздей мясныя туши и убирала ихъ внутрь лавки, зіявшей темной пастью. Мимо мясной лавки прошла женщина съ покупками. Безъ гудковъ, проѣхалъ по улицѣ автомобиль. Дежурная сестра сблизила раздвижные жалюзи, щелкнула задвижкой, затѣмъ притворила створы окна, оставивъ щель для притока воздуха. Изъ комнаты она вышла неслышно, въ мягкихъ туфляхъ, какія къ ночи надѣваются служащими въ больницахъ.

ГАЗЕТЧИКЪ ФРАНСУА

За много лѣтъ жизни на лѣвомъ берегу Сены, въ сердцѣ и предсердіи латинскаго Парижа, въ приличной отдаленности отъ буржуазнаго эмигрантскаго Пасси (гдѣ иныя мѣрки довольства и нищеты, и наша студенческая скромность считается свалившимся на голову несчастіемъ, а оторвавшаяся пуговица — послѣднимъ паденіемъ), въ сердцѣ Парижа стараго, красиваго, умнаго, не утратившаго ни юмора, ни чувства человѣчности, еще живущаго обычаями, еще чтущаго живописность лица и наряда, умѣющаго радоваться и прощать, читающаго книгу и искренно мнящаго себя центромъ міровой культуры, — за долгіе годы любованья Сорбонной, Пантеономъ, улицей св. Якова, лотками букинистовъ на набережной, сліяніемъ Бульмиша съ Монпарнассомъ, прекрасными фонтанами Люксембурга, въ плющѣ забвенія чернѣющими камнями Клюни, памятниками невѣдомыхъ врачей и фармацевтовъ, юношами безъ шляпъ съ книжкой подмышкой, потокомъ дѣтей, извергающимся изъ подъѣзда стариннаго лицея, огромнымъ рынкомъ,

вырастающимъ и исчезающимъ на широтахъ Поръ-Руаяля, и еще этимъ, и еще тѣмъ, чего не перечислишь и съ чѣмъ давно сжились мы въ родственной связи, — за всѣ эти года главнымъ посредникомъ между нами и остальнымъ міромъ, главнымъ нашимъ освѣдомителемъ о міровыхъ сенсаціяхъ былъ бѣлоглазый газетчикъ въ зеленой тирольской шляпѣ и въ широкихъ штанахъ, кончающихся велосипедными защипками. Единственный изъ всѣхъ насъ, онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ правящими кругами, дѣйствія и рѣчи которыхъ онъ сообщаетъ за латунную монетку, съ диктаторами сосѣднихъ и отдаленныхъ странъ, съ борющимися или на ладонъ дышащими демократіями, съ Виндзорскимъ герцогомъ, ліонскимъ мэромъ, смѣлыми летчиками и американскими штатами.

По утрамъ онъ продаетъ намъ вчерашній день — спокойно, безъ крика, въ полномъ знаніи, что за ночь не могло произойти событій чрезвычайныхъ. Ночью спитъ дипломатическій міръ, искра радіо не охотно опоясываетъ землю, люди властные копятъ силы для предстоящихъ дневныхъ дѣйствій. Ночью бодрствуютъ только воришки и взломщики несгораемыхъ шкафовъ, но эти бытовыя продѣлки не заслуживаютъ надрыва газетной глотки. Сонный редакторъ правитъ матеріалъ соннаго репортажа, ставя подержанный, никого не обманывающій заголовокъ. Идетъ привычная стряпня для провинціи, и въ большую тарелку сваливаются накопившіеся за день остатки столичнаго потребленія. Добавленъ передовой кирпичъ, подписанный членомъ Академіи, спортивная сводка, анкета для дамскаго употребленія,

и сверху — уголовный романъ. Утреннюю газету все равно купитъ каждый, спускающійся въ метро и заносящій ногу на площадку автобуса; ею прикроетъ заботливая хозяйка цвѣтную капусту и салатъ въ своемъ клеенчатомъ базарномъ мѣшкѣ. Утромъ ничего не бываетъ, событія рождаются днемъ въ часы завтрака, обѣда и вечерняго выхода въ кафе и театры.

Первыя настоящія событія рождаются въ полдень, — тирольская шляпа плотнѣе надвигается на лобъ, шагъ дѣлается скорымъ, обращеніе съ кліентами нѣсколько небрежнѣе, механика движеній упрощается и дѣлается отчетливѣй. Хотя районы дѣйствій болѣе или менѣе подѣлены, но необходима спѣшка, и Франсуа (я забылъ назвать его раньше по имени), легкимъ вѣтромъ врывается въ одну дверь угловою кафе и вылетаетъ въ другую, успѣвъ на улицѣ своей быстротой внушить нѣсколькимъ прохожимъ опасенье отстать отъ хода міровыхъ событій. Но въ этотъ часъ онъ еще можетъ задержаться со сдачей, перекинуться словомъ съ гарсономъ и даже поддержать въ себѣ энергію аперитивомъ. Быстрота, но не буря. Кипа газетъ на лѣвой рукѣ тончаетъ равномѣрно съ обѣихъ сторонъ, и со стороны «Независимаго» и со стороны «Парижскаго Полудня». Перекидываніе этой кипы, сообразно вкусамъ и требованіямъ, есть образецъ профессіональной ловкости. Съ тѣмъ же искусствомъ путешествуетъ горстка мелкой монеты изъ кармана на ладонь и обратно. Въ общемъ ничего особеннаго пока не случилось: вкушающимъ пищу и ее переваривающимъ особенныхъ сенсацій не нужно.

Теперь передышка до вечерняго часа, до выхода

газетъ тяжелыхъ и экстреннаго выпуска легкихъ и бойкихъ. Гдѣ это время проводитъ Франсуа? Судя по защипкамъ панталонъ, онъ гдѣ-то оставляетъ велосипедъ, и не удивительно, если часы отдыха онъ проводитъ въ семьѣ, завтракаетъ, спитъ, готовится къ вечерней работѣ. Но я долженъ сказать, что какъ-то не вижу его семьяниномъ, и не идетъ это къ кварталу богемы. И вообще въ этотъ часъ передышки всего естественнѣе поговорить о Франсуа, какъ о носителѣ опредѣленной идеи, какъ объ источникѣ нашихъ политическихъ и всякихъ иныхъ откровеній, о возбудителѣ и проводникѣ дѣйственности нашей воли. Безъ него мы всѣ давно бы заснули! Но онъ съ утра подымаетъ на ноги нашъ Латинскій кварталъ, самовлюбленный и увѣренный въ своей исключительности, будоражитъ его, напоминаетъ ему о существованіи другихъ кварталовъ и міровъ, о женщинѣ, разрѣзанной на куски, о на куски распавшихся странахъ, о средневѣковомъ процессѣ вѣдьмъ, сознавшихся въ колдовствѣ, объ испанскихъ душахъ подъ развалинами Мадрида, о многознаменательныхъ рѣчахъ, за которыми послѣдуютъ многозначительныя событія, о людяхъ, сковырнувшихся съ неба, и борзыхъ, первыми не догнавшихъ заводного зайца, о побѣжденномъ ракѣ и новой формѣ гриппа, о седьмомъ бракѣ холивудской бездарности и послѣднихъ словахъ скончавшагося престарѣлаго финансоваго мошенника. Онъ, Франсуа, не даетъ намъ замкнуться въ нашихъ раковинахъ. Едва передохнувъ, онъ бѣжитъ по улицамъ, высунувъ языкъ, слегка волоча ревматическую ногу, на лобъ сдвинувъ тирольскую шляпу и выкрикивая

названія газетъ и перечень важнѣйшихъ событій.

Въ вечерній часъ онъ представляется мнѣ вмѣстилищемъ политическихъ страстей и геніемъ войны. Мнѣ кажется, что въ его груди бушуютъ противорѣчія, въ головѣ съ трескомъ рвутся стратегическія карты, изо рта вылетаютъ смертоносные снаряды. Охрипшій его голосъ ни на минуту не замолкаетъ, шея налита кровью, движенія судорожны, и безгранично его презрѣніе къ монетѣ, которую онъ суетъ въ карманъ или извлекаетъ для сдачи. Онъ — смерчъ въ пустынѣ, готовый опрокинуть и засыпать караванъ уличныхъ прохожихъ; онъ — пророкъ, бичующій равнодушныхъ. Возбужденный возбудитель, онъ въ этотъ часъ превращаетъ въ сенсацію жужжанье газетной мухи, изъ которой дѣлаетъ слона безъ всякой корысти, лишь потому, что каждый день долженъ имѣть свою злобу, иначе мы заснемъ, и жизнь покатится обратно на несмазанныхъ колесикахъ обывательскаго равнодушія. И, вотъ, давно уже чуждаясь политики, невольно протягиваю руку съ монетой, и пальцы салитъ типографская краска. Франсуа обманулъ и на этотъ разъ : міръ не перекувырнулся, огненный дождь надъ нимъ не пролился, прошлое не испепелено, будущее остается смутнымъ. Хриплый возгласъ Франсуа отдаляется, унося тревогу минуты, все же оставившую въ воображеніи раздражающую царапину, а въ памяти дикій взглядъ бѣлесыхъ глазъ газетчика Латинскаго квартала.

Засовывая въ карманъ газету, уже потерявшую свѣжесть и свернутую внутрь заголовкомъ (американцы швыряютъ ее на улицѣ, а мы зачѣмъ - то уносимъ домой съ мелко - буржуазной бережливостью),

— я опять мысленно возвращаюсь къ загадкѣ: какъ можетъ Франсуа, такъ пылая ежедневно за себя и за насъ, постоянно воздвигая, защищая и низвергая баррикады, вызывая и убивая призракъ гибели міра, — самъ не сгорать и возраждаться изъ пепла бѣлоглазымъ фениксомъ въ тирольской шляпѣ? Гдѣ то въ карманѣ широкихъ штановъ, висящихъ сзади мѣшкомъ, у него припрятано противоядіе, какая то тайна извѣстна этому носителю вѣчной тревоги!

Въ тихій часъ пищеваренья, когда бѣгу времени мѣшаютъ дѣтскія колясочки, мы съ вами идемъ погулять въ Люксембургскій садъ — великій памятникъ любви старой Франціи къ простору, ея презрѣнія къ экономіи воздуха; другой такой памятникъ — площадь Согласія. Круглый бассейнъ Люксембурга — настоящее дѣтское озеро, аллеи — улицы, зеленый газонъ — излюбленныя залы танцующихъ сатировъ. Въ удаленной части есть обширная, какъ все въ саду обширно, крокетная площадка, гдѣ играютъ не дѣти, а сѣдобородые дородные старцы, какой-то старинный клубъ любителей невиннѣйшаго спорта. И публика — старики, тончайшіе цѣнители ловкаго удара молоткомъ по полосатому шару. На ихъ лицахъ то же выраженіе, какъ и на личикахъ дѣтей, пускающихъ въ воду бассейна оперенные парусомъ или механическіе кораблики. Покой, отдыхъ, ни войны, ни политики. Мы, конечно, побываемъ (чтобы взглянуть и вздохнуть) у изумительнаго фонтана, гдѣ огромный циклопическій мужикъ ревниво наблюдаетъ

бѣлоснѣжную любовь, окруженную живыми голубями, прилетающими поплескаться и напиться чистой воды. Палые листья въ водѣ, наслаждающіяся водной прохладой рыбы, никогда не видавшія предательскаго крючка, живущія въ безопасности и довольствѣ. Пройдемъ и туда, гдѣ одеревенѣлыми головами будущіе граждане Франціи подбрасываютъ похожіе на ихъ головы кожаные шары, и гдѣ матери и няньки вяжутъ безконечную нить судьбы играющихъ пескомъ поколѣній. Улица рядомъ, быстро мѣняющій лицо знаменитый Бульмишъ, — но шумъ улицы тушуется деревьями, даже безлистыми. И тутъ, неподалеку отъ входа въ садъ, въ малопроходной аллеѣ, мы видимъ скромную, втянувшую голову въ плечи мужскую фигуру въ тирольской шляпѣ, занятую дѣломъ Франциска Ассизскаго — кормящую птицъ крохами бѣлаго насущнаго хлѣба.

Франсуа невозможно сразу признать, и даже его бѣлесые глаза потемнѣли и поголубѣли. Онъ стоитъ неподвижно посерединѣ аллейки, механическими движеніями вынимая хлѣбъ изъ-за пазухи, а передъ нимъ физкультурнымъ строемъ расположились на пескѣ воробьи и голуби. Человѣкъ и птицы взаимно притягиваются; птицы настороженны, но довѣряютъ старому знакомому, газетчику Латинскаго квартала. Едва замѣтнымъ движеніемъ руки, онъ подбрасываетъ крошку хлѣба надъ стайкой; очередной воробей подпрыгиваетъ и ловитъ крошку на лету, уступая свое мѣсто на пескѣ другому. Видно, что у птицъ установлена какая-то непонятная намъ очередь, — нѣтъ ни паники, ни налета стайкой. Затѣмъ рука, бросающая хлѣбъ, замираетъ и ле-

гонько опускается ниже. Тогда изъ центра стайки вылетаетъ очередной смѣльчакъ, трепещетъ крылышками и со всей осторожностью хватаетъ хлѣбную крошку прямо изъ пальцевъ Франсуа; вслѣдъ за нимъ другой, третій, — сейчасъ же отлетая въ сторону и уступая мѣсто слѣдующему. Франсуа извлекаетъ изъ-за пазухи кусочекъ покрупнѣе и подымаетъ руку выше. Тогда изъ задняго ряда птичьяго строя вылетаетъ голубь и повторяетъ тотъ же опытъ. Когда человѣкъ выпрямляется — вся стайка птицъ, какъ по командѣ, слегка отходитъ и строитъ ряды заново; когда человѣкъ принижается къ землѣ, дѣлаясь маленькимъ и не страшнымъ, весь рядъ приближается къ нему прежнимъ чутко-напряженнымъ строемъ.

Бережнымъ шагомъ, избѣгая рѣзкихъ движеній, боковыми дорожками, подкрадываются зрители и окружаютъ широкимъ кольцомъ стайку птицъ и ихъ кормильца. Сейчасъ въ Парижѣ это — самая мирная и самая идиллическая картина, и художникъ, ее создавшій, тотъ самый Франсуа, который часомъ позже будетъ терзать наши уши истерическимъ крикомъ, призывая насъ на бой съ вѣтряными мельницами и на борьбу съ дѣйствительно грозящими нашему мирному быту обвалами, атаками съ неба, вспышками внутри насъ нечеловѣческихъ чувствъ и разрывами усталыхъ сердецъ. На латунныя наши монетки — оплату сенсацій — онъ купилъ въ булочной хлѣба для мирныхъ коренныхъ жителей Люксембургской птичьей республики. Онъ не смотритъ по сторонамъ, — его глаза устремлены на любимцевъ, которыхъ онъ, можетъ быть, знаетъ по именамъ. У

него немножко дрожатъ руки, то ли отъ волненья, то ли отъ зимняго холода, а можетъ быть отъ вина, которымъ онъ вынужденъ часто согрѣваться во всѣхъ бистро квартала, гдѣ онъ — свой человѣкъ. Во всякомъ случаѣ это совсѣмъ, совсѣмъ не тотъ, не уличный крикунъ и не агентъ мiровой тревоги. И мы, налюбовавшись, отходимъ на цыпочкахъ.

***

Опять улица, номера автобусовъ, переходъ сквозь строй блестящихъ полустертыхъ лепешекъ, первая свѣтовая вывѣска, зимнiя слезы съ неба, стрѣлки часовъ, повсюду указывающихъ разное время, ослѣпительность скользящихъ за стеклами черныхъ и коричневыхъ туфелекъ, оглобли бѣлаго хлѣба, стило среди конвертовъ и бумаги, стоны радiо, красная табачная сигара надъ головами, патентованныя снадобья, ящики съ книгами за франкъ и за два, кружевные вѣнки для скончавшихся тетушекъ, ободранные трупы и красныя креветки, элегантныя пальто на деревянныхъ людяхъ съ синими полуотесанными мордами, оторванная дамская нога въ чулкѣ, выставка потерявшихъ головы шляпъ.

И когда, наконецъ, вы готовы повернуть въ вашъ переулокъ, васъ нагоняетъ издали донесшiйся вопль безумнаго человѣка въ тирольской шляпѣ, несущаго достовѣрнѣйшiя вѣсти о новыхъ мiровыхъ катастрофахъ, о томъ, что покоя на землѣ нѣтъ и не будетъ, что не дремлетъ врагъ и неустанно стережетъ васъ предатель, и что обо всемъ этомъ вы узнаете, если, остановившись и подождавъ бурей налетѣвшаго Фран-

суа, вы сунете ему латунную монету. Птицы улетѣли, заперты входы въ Люксембургскій покой, и скоро весь Парижъ запылаетъ зелеными и красными мигающими огнями.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

О любви написано такъ много, что, пожалуй, ничего новаго не скажешь. Но такъ какъ про нее пишутъ обычно гадости, оттѣнка собачьяго, и это считается особенно важнымъ и занимательнымъ, то остается область менѣе изслѣдованная, а именно любовная простота и беззавѣтность, когда самого себя человѣкъ беретъ за скобку и больше не видитъ, а весь міръ, и вся радость, и вся красота, и все благородство воплощается въ другомъ человѣкѣ, который стоитъ передъ нимъ денно и нощно въ необыкновенномъ сіяніи, лучезарный безъ пятнышка, милый до сладости и душевнаго таянья, всѣхъ на свѣтѣ лучше и единственно необходимый и во всѣхъ поступкахъ оправданный и святой, такъ что хочется зажечь передъ нимъ лампадку и бить земные поклоны. Эта влюбленность и это обожествленіе выше той любви, когда «она» будто бы потеряла сознаніе, а «онъ», надрываясь отъ тяжести, тащитъ ее черезъ двѣ комнаты въ третью, послѣ чего имъ на нѣкоторое время становится скучно и нечего дѣлать; и

ужъ второй разъ онъ ее не потащитъ, только для перваго раза старался, и идетъ она просто своими ногами, а онъ за ней, неспѣшно докуривая папиросу, — такъ что и любовь сразу идетъ на ущербъ. Такая любовь обычно изображается въ романахъ, иногда занятно, съ разными еще подробностями, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ и романъ считается лучше. Кончается же тѣмъ, что ее тащитъ уже другой, а первый хоть для виду и обижается, но на самомъ дѣлѣ думаетъ: слава тебѣ, Господи, а я пойду любить въ другомъ мѣстѣ или просто отдохну.

Нѣтъ, совсѣмъ не такъ полюбилъ и любилъ мой герой, можетъ быть потому, что былъ человѣкомъ на возрастѣ, сорокъ съ лишнимъ, или всѣ пятьдесятъ, основательнымъ, устроеннымъ, отнюдь не лысымъ, съ небольшой бородой, высшимъ образованіемъ, отличнымъ аппетитомъ, независимымъ положеніемъ, сѣрыми глазами и неистраченнымъ сердцемъ. Ростъ нѣсколько ниже средняго, походка устойчивая, пальцы короткіе съ припухлостями, лицо, совѣсть и бѣлье чистыя, пиджакъ темносѣрый въ едва намѣченную клѣтку синеватыхъ нитей, въ одномъ карманѣ бумажникъ, въ другомъ документы, носовой платокъ съ мѣткой гладью, зубы ровные, крайнихъ коренныхъ нѣтъ, но выпали не сами, а извлечены зубнымъ врачомъ, очень хорошимъ, принимающимъ только по записи, телефонъ Дантонъ тридцать два зеро семь; да еще находишься къ нему, такъ какъ, поковырявъ минутъ десять, проситъ придти черезъ два дня и записываетъ въ большой книгѣ, дѣлая на личной карточкѣ, на изображенной въ ней челюсти, помѣтку — гдѣ и что сегодня ковырялъ. Передъ

тѣмъ, какъ жениться, описываемый мною герой привелъ зубы въ полный порядокъ, обновилъ гардеробъ, добавивъ теплый костюмъ домашній, лаковые башмаки, двѣ пижамы, двѣнадцать отложныхъ воротничковъ съ длинными кончиками, галстуковъ четыре длинныхъ и одинъ для смокинга, голубыхъ кальсонъ шесть, шелковыхъ рубашекъ три, мохнатыхъ полотенецъ столько - то, носки со стрѣлкой и безъ стрѣлки, и все прочее, въ чемъ былъ недостатокъ. И три новыя шляпы : котелокъ, мягкая и кепка для поѣздокъ, — и такъ онъ уѣхалъ изъ міра холостого въ міръ семейнаго счастья и раздѣленной любви.

Перечень предметовъ сдѣланъ нами умышленно, какъ бы въ легкую насмѣшку надъ вотъ какимъ буржуемъ, — все у него въ порядкѣ и все предусмотрѣно. Это чтобы отмѣтить, какимъ человѣкъ былъ раньше, до встрѣчи и совмѣстной жизни съ женщиной, которую онъ полюбилъ такъ, какъ рѣдко кому можетъ присниться. Въ этомъ и весь разсказъ, въ силѣ любви, событій же никакихъ и не будетъ. Такая любовь сама по себѣ событіе, къ которому прибавлять нечего.

Она, его жена, ничѣмъ особеннымъ, говоря по совѣсти, не выдѣлялась изъ среды живыхъ существъ. Была молода, что, конечно, очень хорошо, наилучшее качество женщины. Красива — не знаю, но ничего себѣ. Въ ней была та физическая пріятность женщины, когда сразу видно : если ее нечаянно задѣнешь, то не ушибешься и не уколешься, а даже хорошо; такъ ласковъ бываетъ къ шарамъ бортъ хорошаго билліарда; такъ скачутъ плоскіе камушки по гладкой водѣ; такъ цирковой гимнастъ падаетъ

въ предохраняющую сѣтку. Пріятно было въ ней и то, что совсѣмъ не будучи дурой, она была чувствительно глупенькой, и носикъ ея былъ приподнятъ и притупленъ, видимо — теплый, какъ у проснувшейся собачки, передъ тѣмъ спавшей калачикомъ, мордочкой въ собственную печурку; и тогда у собачки это уже не признакъ нездоровья, а, наоборотъ, совершеннаго благополучія, — вертитъ хвостикомъ и томно улыбается. И руки у нея были не изъ тѣхъ маленькихъ и худосочныхъ, какъ у кенгуру, какими восхищаются поэты и прочіе безвкусные люди, а руки настоящія, по большому росту, въ мѣру сильныя, способныя къ обмѣну пожатій, и все-таки женскія. Вообще, безъ лишнихъ духовныхъ очарованій, она была настоящей женщиной, съ бѣлыми ровными зубами, крутыми подъемами и безопасными спусками, лѣтомъ похожей на яблоню, весной на березу, осенью на кленъ, зимой на елку, во всякое время года — на сезонный овощъ; опускается этакій крѣпкій кочанокъ цвѣтной капусты въ воду, варится сколько надо, и потомъ — съ масломъ и мелко-поджаренными сухарями, предварительно пропустивъ одну-двѣ съ легкой и не слишкомъ соленой закуской. Иныхъ же, болѣе возвышенныхъ впечатлѣній, она не производила.

И вотъ, когда онъ ее встрѣтилъ, и потомъ на ней женился, — внезапно произошелъ въ рядовомъ, земномъ и пожившемъ человѣкѣ изумительный переворотъ, который можетъ создать только большая и настоящая-любовь.

Человѣкъ совершенно преобразился, какъ бы приподнялся на цыпочки. Стала легкой его походка,

волосы пріобрѣли блескъ, брови загнулись дугами повыше и застыли въ радостномъ удивленіи. И хотя онъ былъ ниже ея ростомъ, но сталъ казаться какъ бы футляромъ, въ который на обитое бархатомъ ложе укладывается, всѣ впадины точно заполняя, серебряная золоченая ложка съ монограммой, семейная драгоцѣнность. Или, какъ если бы отличный и солидный кожаный съ тисненіемъ переплетъ обнялъ и не выпускаетъ изъ объятій новоизданную занимательную книгу съ золотымъ обрѣзомъ, — пріятно развернуть, при чемъ листы въ обрѣзѣ еще слипаются, и опять ревниво захлопнуть, то подержать передъ собой на столѣ, то поставить на полку и любоваться хорошо оттиснутыми буквами на корешкѣ и выпуклостями, прикрывающими сшивку, ощущая эту книгу собственной и любимой. Или погрузить зубы въ свѣжее и сочное яблоко и держать, не сразу откусывая и наслаждаясь ароматнымъ холодкомъ и предвкушая легкій хрустъ бѣлоснѣжнаго откола, внутри же ни единой червоточины, а только въ блестящихъ чешуйчатыхъ кроваткахъ, молочныя зернышки, которыя можно, тоже раскусивъ, проглотить съ великимъ удовольствіемъ, и такъ съѣдать по яблочку каждое утро и каждый вечеръ, никогда не пресыщаясь, но чувствуя нарастающее здоровье и постоянную свѣжесть во рту. Но, конечно, никакимъ уподобленіемъ не передашь человѣческаго полнаго счастья отъ необычайной удачи жизненнаго шага, столь важнаго и отвѣтственнаго.

Что такое любовь? Любовь, это когда любимый чихаетъ въ сосѣдней комнатѣ, и вся квартира, весь домъ, вся страна и весь міръ наполняются музыкой,

изъ за облаковъ выходитъ солнце, птицы голосятъ неугомонно, журчатъ ручейки, все кругомъ заляпано необыкновенными цвѣтами, ротъ отъ улыбки растягивается до висковъ и хочется повизгивать отъ накатившаго волною счастья. Любовь, это шутливо прокатившійся мимо блестящій шарикъ, за которымъ нужно гнаться, забывъ и о возрастѣ, и о солидности, и о брюшкѣ, и о мозоли, дѣтски хихикая, спотыкаясь, прыгая черезъ клумбу, черезъ кустъ, черезъ рѣчку и Эйфелеву башню, умоляя шарикъ немножко обождать, чтобы, наконецъ, догнавъ его, броситься на него всѣмъ тѣломъ, а онъ выскользнулъ, щелкнулъ по носу и уже катится дальше, вертясь и сверкая, дразня и заманивая къ чорту на кулички, въ страну неугасимыхъ желаній. Любовь, это свѣжеоструганная палочка, стопа чистой бумаги, свистулка изъ вишневой вѣтки, сотовый медъ, венеціанская стекляшка, выдутая на островѣ Бурано, свѣтъ черезъ прорѣзанное въ ставнѣ сердечко, вскрывшійся въ апрѣлѣ ледъ на рыбной рѣкѣ, корректура первой книги, шкурка чернобурой лисицы, отчаянный морской житель на быломъ московскомъ вербномъ рынкѣ, въ потолокъ хлопнувшая пробка, звонъ бубенчика или дѣтскій барабанъ. И еще — любовь, это волны дыханія, сжатыя плечи, мурашки по кожѣ, приливъ - отливъ, низкимъ облакомъ отраженный колокольный звонъ. И, наконецъ, любовь, это ты и я, или даже только ты, всѣхъ прочихъ — долой, — и опускается желѣзный занавѣсъ шолковымъ покровомъ.

Именно такъ онъ и полюбилъ, съ головы до ногъ омытый, выскобленный, обновленный мочалкой

влюбленности, скребкомъ любви, зубиломъ и напильникомъ необычайныхъ открытій. Міръ, въ которомъ раньше было только нѣсколько знакомыхъ улочекъ съ рестораномъ, мясной, зеленной лавочкой, со службой, театромъ и газетнымъ кіоскомъ, а люди ходили надоѣло - знакомые, достоинствомъ на три съ плюсомъ, — вдругъ этотъ міръ освѣтился и наполнился висячими садами и привѣтливыми рожами, поющими осанну той, которая въ центрѣ, и отъ которой многоцвѣтнымъ бисеромъ во всѣ стороны идетъ неистовое сіяніе. Она идетъ, покачиваясь, съ вѣнчикомъ на головѣ, — и ряды старыхъ и новыхъ домовъ разступаются, почтительно склоняя крыши и давая ей широкую дорогу. Она взглянула, — и тучи свѣтлыхъ елочныхъ ангелочковъ облѣпляютъ глаза, шеберстятъ въ волосахъ крылышками, шаборшатъ въ карманахъ, какъ заобойные тараканы, шебалшатъ въ уши свои разныя ангельскія благоглупости, розовыми культяпками хлюпаютъ по губамъ, весело тюрюкая и тюлюлюкая пѣвучія радости. Она заговорила, — и сто пчелъ въ куполѣ цвѣтущей липы перекликаются съ арфой, по струнамъ которой скачутъ кузнечики, кобылки, коньки и прузики, пѣлъ бы и соловей, да онъ днемъ молчитъ. Можетъ быть, и нѣтъ въ ея словахъ никакого такого и этакого смысла, ни Сократа, ни Платона, ни даже Владиміра Соловьева, а просто о томъ, куда мы пойдемъ въ воскресенье, и еще что - нибудь съѣстное, но звукъ милый изъ милыхъ губъ со знакомыми уголками, вмѣстѣ грѣшили и не каемся, и ужъ ты говори не говори, дѣло не въ томъ, и не это самое главное, подъ бровями глаза, въ глазахъ днев-

ная заслоночка, а что за ней, то никого не касается, а слова только для обычая, какъ для обычая застегивается ненужная пуговка и ходимъ мы на заднихъ ногахъ. Кто понимаетъ — его счастье, а безпонятному этого, конечно, не втолкуешь.

И даже если онъ ошибался, — такую ошибку можно любому пожелать. Я забылъ прибавить, что любовь, это — когда человѣкъ рисуетъ съ натуры, и рисуетъ онъ телеграфный столбъ, на столбѣ галка, а на бумагѣ райская птица въ семирамидиномъ саду кушаетъ миндаль. И надоѣлъ райской птицѣ художникъ даже до чрезвычайности, и миндалемъ она объѣлась, и хочется ей чего-нибудь менѣе торжественнаго и поновѣе, и ищетъ ея куриный мозгъ положительныхъ знаній. Ему же, пишущему всякое слово съ прописной буквы, даже эти ея коварные поиски кажутся откровеніемъ и сладкой пастилой, — будь счастливъ твой каждый шагъ, и каждая твоя улыбка, даже въ сторону, будь благословенна! Потому что любовь, это — крѣпкая вѣра, священное писаніе, незыблемый и нетлѣнный гранитъ, уровень и отвѣсъ, въ гимназическіе годы осіянно-воспринятая тригонометрія, въ которой ошибки не бываетъ.

И такъ человѣкъ изъ сѣренькой нашей жизни выгадалъ и выкроилъ два яркихъ и полновѣсныхъ года, въ каждомъ году сто лѣтъ. Большимъ шестиграннымъ карандашемъ зачеркнулъ въ бухгалтеріи своей молодости скучныя цифришки случайныхъ и банальныхъ увлеченій, попытки карабканья на скользкій столбъ съ призовымъ подаркомъ наверху, и проигрышные дни заботъ о житейскомъ благополучіи, и кожаное кресло, солиднаго одиночества, и вообще

все, что предшествовало его неожиданному послѣднему шагу, сдачѣ въ сладкій плѣнъ удвоеннаго бытія. И, нужно сказать, онъ дѣйствительно выигралъ, и не на мѣлокъ, а въ звонкой монетѣ, которую не копилъ, а тратилъ щедрой и счастливой рукой. Будь благословенна довѣрчивая любовь, солнцемъ опаляющая зрѣнье, тканой парчей закрывающая нищенскія лохмотья, утюгомъ разглаживающая морщины, въ говоръ струнъ превращающая шипѣнье змѣи!

Осанна!

Когда же онъ узналъ — горе тебѣ, усмѣшка друзей и проклятый теткинъ языкъ! — почему и куда, озабоченно захвативъ сумочку, и межъ двухъ бровей, бровей столь любимыхъ, пристроивъ складочку хлопотливаго неудовольствія, уходитъ дважды въ недѣлю въ половинѣ пятаго, — когда онъ узналъ это внезапно, рѣшительно и точно, — ухнуло дальнобойное орудіе, съ горы скатился обломокъ скалы, лопнула оболочка распухшаго, отъ любви глянцевитаго сердца, и онъ умеръ, не успѣвъ сложить руки крестикомъ и пристроить на лбу обычаемъ установленный вѣнчикъ. И онъ лежалъ, крестомъ прилипнувъ къ землѣ, пока прилетѣвшій изъ неподалека ангелъ, пощупавъ пульсъ, не записалъ его номерокъ, прибавивъ на поляхъ расчетной книжки:

— Вотъ, что такое любовь!

ПОРЯДОКЪ РАЗСКАЗОВЪ

Imprimerie E. Gelezniakoff
51, rue Van Campenhout, Bruxelles 4.